

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Отличные хлеба созрели на полях колхоза «Ленинская смена», Дальне-Константиновского района, Горьковской области. Старейший бригадир передовой полеводческой бригады колхоза Михаил Александрович Балов осматривает хлеба, выращенные его бригадой.

Фото Н. Капелюша.

На первой странице обложки: Город Кордова. У памятника народному герою Аргентины генералу Хосе Сан-Мартину.

На последней странице обложки: Домой из школы. Аргентина. Провинция Кордова. Фото А. Софронова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

33 (1626)

10 АВГУСТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В горах мое сердце

Фото А. Субботина.

Поэма

Расул ГАМЗАТОВ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

В горах мое сердце, а сам я внизу!
Роберт Бернс

I

Отшумевшее лето покинуло город...
Глупый слух обо мне распустили опять.
Он ползет по шоссе, поднимается в горы,
Начинает по саклям аварским гулять.

Ходит сплетня: мол, стал я заносчивым малым,
И звучат мои песни от дома вдали,
И забыл я аулы, прижатые к скалам,
Цвет и запах родной каменистой земли.

Мол, горянок забыл, что по тропке над бездной
Носят сено с лугов на промокшей спине.
Дескать, шляпу надел я, как тазик железный,
Модный галстук, как хвостик ишачий, на мне.

Редко вижу Гуниб и хунзахские травы,
Стал чужим; неизвестно, приеду ли вновь...
Говорят, что живу я для собственной славы,
Что давно не кипит во мне горская кровь.

...Вот что с ходу мне выложил седоголовый
Мой земляк. Он обедать со мною не стал.
Не пригубил, упрямец, вина молодого,
Отодвинув сверкающий чешский бокал.

Без вниманья оставил убранство квартиры,
Осторожно присел на широкий диван,
Равнодушно взглянул на мои сувениры,
Что привез я, объехавший множество стран.

Самосад из кисета, ворча, доставал он,
Отказавшись решительно от сигарет.
Все с моею дочуркой Заремой играл он
Да в раздумье глядел на отцовский портрет.

Спал он сидя, хоть гостю постель предлагали,
Подстелил себе бурку, прикрылся полой.
(Так охотник, бывало, дремал на привале,
Ранив тура отточенной древней стрелой.)

...О стрела, поразившая радость поэта,
Камень, брошенный в сердце с аварских вершин!..
Нет, не верь, мой народ, ядовитым наветам!
Палец рук твоих, что бы я значил один!

Я былинка лугов твоих высокогорных.
Без тебя мне увянуть в пыли суждено.
Я лишь капля потоков твоих непокорных,
Без тебя я заглох бы и высох давно.

Вот, возьми мои руки — шершавые руки.
В них по жилам струится твоя теплота.
Вот глаза мои. В дни даже краткой разлуки
В них живая тоска по тебе разлитá.

Вот и сердце мое. Это сердце сыновье
Обитает в горах, в отчем крае живет.
Сердце полнится непреходящей любовью,
Я навеки люблю тебя, горский народ!

II

Помню старый очаг в нашей маленькой сакле,
Любовался я в детстве игрою огня.
Эта жаркая память досель не иссякла,
И она согревает повсюду меня.

Помню, пóд вечер в шубе овчинной на крыше
Пел отец мне душевную песню свою.
Нынче дочке моей все, что сызмальства слышал,
Я, пусть голос мой хуже, с волненьем пою.

Я границу двух возрастов переступаю,
Люди стали уже седину замечать.
Но мальчишкой опять ощущаю себя я,
Повстречав мою добрую старую мать.

Как я скачки люблю! Все тревожусь: смогу ли
Вновь, как прежде, лихого коня оседлать!
Гром арбы, запряженной быками в ауле,
Мне, бессонному, чудится ночью опять.

Помню кровлю, где летом сушили мы сено,
Где счищали мы снег, налетевший зимой.
И трубу нашу помню — над ней неизменно
Дым кизячный струился, сквозной, голубой.

В саклях с осени вялится мясо, бывало,
И развешаны туши бараньи кругом.
Но с приходом весны их становится мало,
Вкусный запах витает над нашим котлом.

...Книгу жизни в горах не перо начертало,
Кровь обильней чернил по страницам текла.
О народ мой! Твои летописцы — кинжалы.
Буквы — камни надгробные. Нет им числа.

Гром набегов мне слышится ночью доселе,
Лязг аварских кинжалов и цокот копыт.
Кони предков моих устремились в ущелье,
Эхо давней борьбы в котловине кипит...

Вижу алые стяги средь белых утесов,
Дым винтовочных выстрелов вижу вдали.
Партизаны встают, вражью силу отбросив,
Их в атаку ревкомы твои повели.

Вижу горных орлов, что свивают гнездовья
На заоблачных склонах, в расселинах скал.
На сынов твоих гордых взираю с любовью,
Для себя я других образцов не искал.

Я их вижу израненных, вижу усталых,
Хромоногих, безруких, в дорожной пыли.
Если спросите, что их в бою вдохновляло,—
Вам покажут лишь горсточку горской земли.

Если спросите: «Где укрепления ваши!»,—
Камни в узком ущелье покажут они.
Я завидую мудрости их и бесстрашью,
Мне их верность и твердая вера сродни.

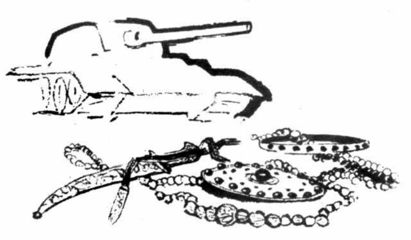
Я их жизнью горжусь, я над смертью их плачу,
И, навеки себе их примером избрав,
Мой народ, я люблю твой характер горячий,
Я люблю твой крутой, несгибаемый нрав!

III

Снова рана давнишняя, не заживая,
Раздирает мне сердце и жалит огнем.
...Был он дедовской сказкой. Я сызмальства знаю
Все, что сложено в наших аулах о нем.

Старый воин в черкеске оглядывал саклю,
Стоя в раме настенной. Левшою он был,
Левой сильной рукой он придерживал саблю
И оружие с правого боку носил.

Помню, седобородый, взирая с портрета,
Братьев двух моих старших он в бой проводил.
А сестра свои бусы сняла и браслеты,
Чтобы танк его имени выстроен был.

И отец мой до смерти своей незадолго
О герое поэму сложил...
Но, увы,
Был в ту пору Шамиль недостойно оболган,
Стал безвинною жертвою темной молвы.

Может, если б не это внезапное горе,
Жил бы дольше отец...
Провинился и я:
Я поверил всему, и в порочащем хоре
Прозвучала поспешная песня моя.

Саблю предка, что четверть столетья в сраженьях
Неустанно разила врагов наповал,
Сбитый с толку, в мальчишеском стихотворенье
Я оружьем изменника грубо назвал.

...Ночью шаг его тяжкий разносится гулко.
Только свет погашу — он маячит в окне.
То суровый защитник аула Ахульго,
То старик из Гуниба, он входит ко мне.

Говорит он: — В боях, на пожарищах дымных
Много крови я пролил и мук перенес.
Девятнадцать пылающих ран нанесли мне.
Ты нанес мне двадцатую, молокосос!

Были раны кинжальные и пулевые,
Но тобой причиненная трижды больней,
Ибо рану от горца я принял впервые.
Нет обиды, что силой сравнялась бы с ней.

До утра он с укором стоит надо мною.
Вижу ясно, хоть в доме полночная тьма,
Борода его пышная крашена хною,
На папахе тугая белеет чалма.

Что сказать мне в ответ! Перед ним, пред тобою,
Мой народ, непростительно я виноват.
...Был наиб у имама — испытанный воин,
Но покинул правителя Хаджи-Мурат.

Он вернуться решил, о свершенном жалея,
Но, в болото попав, был наказан сполна.
...Мне вернуться к имаму! Смешная затея!
Путь не тот у меня, и не те времена.

За свое опрометчивое творенье
Я стыдом и бессонницей трудной плачу́.
Я хочу попросить у имама прощенья,
Но в болото при этом попасть не хочу.

Да и он извинений не примет, пожалуй.
Мной обманутый, он никогда не простит
Клевету, что в незрелых стихах прозвучала.
Саблей пишущий не забывает обид.

Пусть... Но ты, мой народ, прегрешение это
Мне прости. Ты без памяти мною любим.
Ты, родная земля, не гляди на поэта,
Словно мать, огорченная сыном своим.

А обида с годами бесследно проходит,
После засухи вновь зеленеют поля.
Я люблю твою гордость и тягу к свободе,
Мой народ, что когда-то родил Шамиля.

IV

Песни разных народов привозят поэты,
Возвратясь из доселе не виданных стран.
Сутки был я в стране, что Гомером воспета,
Но и там я писал о тебе, Дагестан.

На земле Рафаэля мне стал еще ближе
Край, где был я когда-то аваркой рожден.
Земляка-эмигранта я встретил в Париже.
Не найти человека несчастней, чем он.

Там, где парни открыто целуют девчонок,
Вспоминал я горянку в ауле своем,
Что, встречая меня, проходила смущенно
И поспешно лицо прикрывала платком.

Здесь, в Европе, под звуки наречья чужого
Все поет в моем сердце знакомый родник,
Все я слышу хунзахский отрывистый говор,
Схожий с лязгом кинжалов гортанный язык.

А когда на чужбине дожди выпадают,
Вижу в брызгах ковровые нивы Цады.
Если ж град барабанит, в тревоге гадаю:
Как там, целы Гимринские наши сады!

Я от Черного плыл до Балтийского моря,
Пел я всюду, рокочущей вторя воде,
О тебе, мой народ. Как ты стоек был в горе,
Как беззвучно рыдал, не сгибаясь в беде!

Как ты сдержан и скромен, добившись удачи,
Как безмерно смущен, если хвалят тебя!
Как без пылких признаний и вздохов горячих
Раскрываешь ты душу, безмолвно любя!

Как без фраз громогласных и жестов красивых
Ты умеешь на деле надежно дружить,
Как, исполненный гнева, за ложь и насилье
Ты умеешь врагу вероломному мстить!

Обладаешь ты сердцем, как море, просторным,
Хоть селился в теснинах во все времена.
В этом сердце ни точки не сыщется черной,
Лишь андийская бурка у горца черна.

О косматая бурка! В отелях Европы
Сладко так не уснешь, как в объятьях твоих.
Дождь идет. Завернуться в тебя хорошо бы,
Чтобы детство явилось во сне хоть на миг!

Да, когда засыпал я вдали от России,
Как суровый мой гость, что присел на диван,
Снились мне Дагестана хребты вековые,
Глыбы скал, из расселин ползущий туман.

Пусть любые ведут обо мне разговоры,
Я тоскую везде, с незапамятных пор
По тропинкам, что круто взбираются в гору,
По студеным потокам, что катятся с гор.

По далеким аулам тоскую. Как чудо,
В каждом издавна создан особый фольклор.
Старика Исбаги́ вспоминаю повсюду —
Наш цади́нский шутник говорлив и остер.

Побывать у друзей в Унцукуле я жажду,
Там, куда ни заглянем, умельца найдем.
В Ашильту́ я стремлюсь: там ведь чуть ли не каждый
Появился на свет прирожденным певцом.

В Дагестане чем выше, тем травы сочнее.
В Дагестане чем выше, тем чище ручьи,
Тем прекраснее песня. В сравнении с нею,
Утверждаю я смело, бедны соловьи.

Мне услышать бы песню знакомую снова
В исполненье ковровщиц села Таилух.
Удивительный звук чистоты родниковой,
Обаятельный голос, ласкающий слух!

В Дагестане чем выше, тем женщины краше.
О горянки, живущие там, в облаках!
Как пленительны черные родинки ваши
И смешливые ямочки на щеках!

Где б я ни был, стремлюсь к одному непрестанно:
Пусть мой стих долетит до кремнистых высот,
Пусть в сокровища песенные Дагестана
Хоть единой строкою навеки войдет.

Пусть еще не написана строчка такая,
Только смысл ее ясен, он в сердце живет.
Это чувство извечное не иссякает.
Где б я ни был, люблю тебя, горский народ!

V

Луч осеннего солнца коснулся раздолий —
Ты давно на ногах, ты давно на ходу.
День уборки пришел, ты торопишься в поле
И снимаешь плоды в отягченном саду.

Я в раздумье включаю приемник и слышу
Звучный голос Муи́[1] — голос высей твоих.
Слышу ласточек ласковый щебет над крышей,
Время летних каникул прошло и для них.

В город дети твои собираются снова,
В институт уезжают студенты с утра.
Провожая их, птицы взлетают на провод,
Словно канатоходцы аула Цовкра́.

Я афиши театра аварского вижу:
Сам ревнивец Отелло к тебе заглянул.
Ребятишки по листьям багряным и рыжим
В школу мчатся вприпрыжку в соседний аул.

На дорогах пылали костры до рассвета,
С горных пастбищ стада на зимовку пришли.
И в долину вдогонку ушедшему лету
Улетели, курлыча, твои журавли.

[1] Муи Гасанова — аварская певица, лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи.

Журавлиной дорогою к теплому морю
Земляки из района в столицу летят.
Добрый город, овеянный свежестью взгорий,
Новостям, привезенным аварцами, рад.

А в лесах Тляроты уже снег выпадает,
Там охотники ценят стрелка мастерство.
Днем рождения мальчика люди считают
День торжественный первой охоты его.

Сватов к девушке там засылать не годится,
Коль медведя поймать не сумеет жених,
Коль без ястреба к парню стрела возвратится.
В Тляротѐ не прощают промашек таких.

...Тот аул, где горянка мне жизнь даровала,
Не велик и, признаться, не очень богат.
Там деревья с трудом коренятся на скалах,
Всюду камни, как горцы на сходке, стоят.

Не велик и язык, на котором я песни
Стал слагать. На земле он не многим знаком.
К сожаленью, он Пушкину был неизвестен,
И Гомер упивался другим языком.

Ну, а если бы все начинал я сначала!
Пусть на свете четвертый десяток живу,
Пусть немало наречий различных звучало
В дальних странах, что я повидал наяву,—

После всех испытаний нелегких и странствий,
После всех живописных заморских красот
Я опять предпочел бы аул дагестанский,
Где орлица орлят выпускает в полет.

...Есть кинжал у меня — наших дедов ровесник.
На ковре над тахтой он спокойно висит.
Мне давнишний хозяин его неизвестен;
Говорят, он в земле дагестанской зарыт.

Говорят, он скончался не дома, в постели,
А в сраженье, заколотый царским штыком.
Был кинжал его найден в одном из ущелий,
Кровь рязанского парня алела на нем...

Скорбно слушаю грустные эти рассказы;
Горько сетую, память о прошлом храня.
Это братоубийство в теснинах Кавказа,
Хоть столетье минуло, терзает меня.

О Россия, поборница правды и мира!
Ты когда-то не дружбу дарила горам.
Даже русских поэтов в солдатских мундирах
По веленью царя присылала ты к нам.

Ты поручика Лермонтова потеряла,
Рядового Бестужева... Помнят у нас
Твоих бедных сынов. Их погибло немало.
Как святыню, хранит их могилы Кавказ.

Но, вскипая от ярости, в реках аварских
Бьются воды, а скалы от гнева дрожат,
Если кто-нибудь вспомнит наместников царских,
Тех, что гнали на гибель российских солдат.

...Кровной мести закон на земле Дагестана
Соблюдали железно с давнишних времен.
Годы шли, заживали старинные раны,
Но сердца бередил этот строгий закон.

Но закон единенья сильнее, святее.
Он возник, правотой наивысшею прав.
О Россия, в семнадцатом кровью своею
Нашу дружбу скрепили мы, братьями став!

С той поры моя Родина краше и шире,
С той поры горизонты земные ясней.
Подмосковные рощи, просторы Сибири
Вижу я из подоблачной сакли моей.

О Россия, фиалки альпийские наши
На надгробьях твоих коммунаров лежат!
А у Волги березкой плакучей украшен
Тот курган, под которым схоронен мой брат.

О Россия, ты тесно сплотила в бою нас!
Твои песни всегда в моем сердце живут.
С милым томиком Пушкина встретил я юность,
На столе моем рядышком Блок и Махмуд.

Ты в двадцатом году принесла Дагестану
Жаркий пламень знамен — мой излюбленный цвет.
В детстве стал моей гордостью галстук багряный,
В годы зрелости — алый партийный билет.

Человека дороже на свете не знаю,
Чем прославленный Ленин — великий твой сын,
Мир принесший впервые бесправному краю,
Подаривший свободу народу вершин.

Без тебя мы спасенья найти не смогли бы,
Навсегда породнился с тобой Дагестан.
И тебе говорит мое сердце: «Спасибо,
О Россия, безбрежный людской океан!»

...В мир большой я из малого вышел селенья
И в долину спустился с моей крутизны,
Чтоб на малом наречье, горя вдохновеньем,
Песни петь для большой, стоязыкой страны.

С незапамятных пор замурованный в камень,
Мой народ, был ты беден, бесправен, забит.
Но теперь, окруженный своими друзьями,
Защищен ты от бед, защищен от обид.

И с другими в ряду ты готов, если нужно,
Кровь пролить за друзей, в единенье влюблен.
Непреложный закон человеческой дружбы —
Самый мудрый на этой планете закон.

Он страница заглавная в каждой поэме,
Все живое о нем говорит и поет.
Я люблю тебя в дружбе с народами всеми,
Я люблю тебя в братстве, мой щедрый народ!

VI

Пусть порой недалекие, чванные люди
О тебе, дорогой, свысока говорят,
По старинке о наших обычаях судят:
Мол, «у них еще властвует дикий адат».

Я люблю твои шумные свадьбы. Я помню
Те пиры, где веселье, как бурный поток,
Где чам-чам [1] и дам-дам [2] в соответствии полном,
Рядом с рогом вина изобилия рог.

И старуха-земля ускоряет вращенье
Под кипучие звуки лезгинки лихой.
И напевы зурны повторяет ущелье.
Даже мертвый воскреснет от пляски такой.

На седле скакуна, вскинув кверху кинжалы,
В танце ходят на цыпочках двое парней.
На канат (натянув, чтоб струною дрожал он)
Горцы ставят тарелку и пляшут на ней.

Как люблю я твое уважение к старым,
Умудренным, познавшим и битвы и труд!
Видно, белоголовые горцы недаром,
Окруженные внуками, долго живут.

А радушие — горца вторая натура!!
Ты и в бедности щедро умеешь принять.
Кто посмеет взглянуть на приезжего хмуро,
Кто посмеет в ночлеге ему отказать!

Путник, в наших аулах в любые ворота,
Не стесняясь, в любую минуту стучи.
Здесь не спросит хозяин: «Откуда ты, кто ты!»
Просто скажет: «Входи»,— дверь откроет в ночи.

[1] Чам-чам — закуски и вино.
[2] Дам-дам — песни, пляски.

Он коня твоего отведет для начала
Прямо к яслям, овсом обеспечит сполна.
(Горец, пусть хоть неделю в пути голодал он,
Есть не станет — накормит сперва скакуна.)

Бурку снимет хозяин: «Озяб ты, погрейся!»
И пока ты не сядешь, не сядет и он.
Дым над саклей клубится, огонь разгорелся —
В доме действует гостеприимства закон.

У хозяйки в ладонях работает сито,
Чесноком и бараниной пахнет кругом.
Первый тост за тебя, что полночным визитом
Осчастливил нежданно хозяев и дом.

Спать ты будешь на лучшей тахте. А едва лишь
Пожелаешь чего — с полуслова поймут.
Опрометчиво что-нибудь в доме похвалишь —
И немедля подарок тебе поднесут.

Всем аулом проводят желанного гостя.
Есть присловье в Аварии милой моей:
«Пусть сломает свои нечестивые кости
Тот, кто хмуро и скупо встречает гостей!»

Для приезжих квартира моя городская,
Словно сакля, радушно открыта всегда.
Я старинный обычай отцов уважаю:
С гостем крепче вино и вкуснее еда.

Разве путник забудет то место, откуда
Начал странствие, двор, где седлал он коня!
Вечный путник, я тоже вовек не забуду
Дом родной, снарядивший в дорогу меня!

Как смогу я прийти на отцову могилу,
Если память живая погаснет, замрет!
Как взгляну я в глаза моей матери милой,
Если я позабуду тебя, мой народ!

Что отвечу любимой дочурке Зареме,
Если спросит об этом, когда подрастет!
Нет, бессильны разлука, пространство и время.
Мне тебя никогда не забыть, мой народ!

Я хочу, чтобы в каждую строчку вошло
Все, что сердцу открытому дорого стало:
Взмахи крыльев орлиных и солнца тепло,
Нежность горных фиалок и точность кинжала.

И не будет конца этой песне, я знаю.
Я умру, оборвав на полслове ее.
Так отец мой вручил ее мне, умирая;
Так другим передам я наследство свое.

Я в огромном долгу пред тобой неизменно,
Я с волненьем сажусь за работу опять,
Чтоб тебе о других рассказать вдохновенно
И, конечно, другим о тебе рассказать.

За окошком рассветные трели пернатых,
Блики горного солнца врываются в дом.
Мой земляк, отказался вчера от вина ты.
Вот бокалы, давай их сейчас разопьем.

Недостойную сплетню, как тучу ночную,
Пронизала луча золотистая нить.
Все, что ты рассказал, опровергнуть хочу я,
Все, что сказано мною, хочу утвердить.

Присягаю на верность отцовскому краю,
Снова песню мою устремляю в полет.
Я тобою дышу, я тебе присягаю,
О мой малый народ, мой великий народ!

Перевел с аварского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Остановите безумие!

Альберт КАН

За период с 28 апреля по 26 июля Соединенные Штаты произвели в Тихом океане 32 ядерных взрыва. Интенсивность, с какой ведутся в этой серии испытания, превосходит все до сих пор проводившиеся испытания США.

(Из сообщения ТАСС).

В Калифорнии выпали радиоактивные осадки.

«Некоторые из наших читателей,— писал мне по этому поводу редактор одной прогрессивной газеты,— требуют объявить бойкот сельскохозяйственным продуктам, поступающим из Калифорнии. Что вы об этом думаете? Окажет ли это воздействие на те державы, которые еще упорствуют?»

Вот еще одно письмо — от рабочего-электрика из Сакраменто. Его мысли на ту же тему окрашены мрачноватым юмором. «Ну, как,— пишет он,— съедаете вы ежедневную порцию радиоактивной пищи, например, стронция-90? Смотрите, не отставайте от других!»

В одной из школ Сан-Франциско учитель предложил школьникам такую тему: «Следует ли Соединенным Штатам продолжать ядерные испытания?» Не нашлось ни одного ученика, который ответил бы на вопрос утвердительно.

То же можно сказать и о недавно проходившей конференции родителей штата Калифорния: пять тысяч делегатов единодушно голосовали за резолюцию, внесенную священником Джоном Шаффером. В резолюции говорилось, что учреждения здравоохранения «должны сказать твердое слово об опасности, которую испытания бомб несут нашим детям».

«Насколько реальна угроза, которая над нами нависла? — спрашивает бюллетень, издаваемый Комитетом доброй помощи (квакеры) в Сан-Франциско.— Единственным честным ответом будет: мы не знаем... Но после выпадения радиоактивных осадков весной отдельные измерения показали, что в воде радиоактивность в 208 раз превысила «безопасную» норму, определенную Национальным бюро стандартов... Предварительные данные о радиации на поверхности почвы, полученные Доннеровской лабораторией Калифорнийского университета, показали, что, например, в овощах уровень радиации превышает норму в 1 000—2 000 раз... Таким образом, опасность носит всесторонний характер...»

На плакатах, которые несла на днях большая толпа студентов Калифорнийского университета, было написано: «Положить конец гибельным дождям!»

Серьезная озабоченность охватывает, разумеется, не только жителей штата Калифорния, где количество отмеченных радиоактивных осадков было относительно выше, чем в других штатах. По всей стране, из конца в конец, несется волна протестов против ядерных испытаний, и волна эта все нарастает. Не проходит дня, чтобы группы ученых, служителей церкви, деятели профсоюзов, педагоги и другие мыслящие люди не требовали от правительства прекращения смертоносных экспериментов. В Филадельфии и Чикаго, Бостоне и Нью-Йорке, Кливлэнде и Вашингтоне — всюду формируются делегации в конгресс, устраиваются «шествия мира», в которых участвуют тысячи людей.

Недавно в «Нью-Йорк таймс» и многих местных газетах во всю страницу было напечатано заявление Национального комитета борьбы за разумную атомную политику под следующим заголовком: «Ядерные бомбы грозят уничтожением миллионов жизней в новой войне. Ядерные испытания угрожают здоровью людей уже сейчас». Среди подписавших заявление видные американцы из самых различных общественных слоев: Норман Кашнс, издатель «Сатердэй ревью оф литерачур»; преподобный Гарри Эмерсон Фосдайк из Риверсайдской церкви в Нью-Йорке; отставной бригадный генерал Хью Б. Хестер; писатель Льюис Мэмфорд; Джеймс Паттон, председатель Национального союза фермеров; Кларенс Пикерт, генеральный секретарь Комитета доброй помощи (квакеры); лауреат Нобелевской премии профессор Лайнес Поулинг, один из самых решительных противников продолжения ядерных испытаний. Ссылаясь на то, что Советский Союз односторонне прекратил испытания, заявление призывает правительство Соединенных Штатов последовать этому примеру. «Безопасность Америки и безопасность всего мира — **это одно и то же,**— читаем мы в заявлении.— Будем же действовать немедленно — во имя спасения человечества!»

Громким эхом этот призыв отдается по всей стране. Это голос пробуждающейся совести американской нации...

Все увеличивается, хотя еще остается небольшим, число членов конгресса США, требующих прекращения ядерных испытаний и изменения чреватой опасностями политики государственного секретаря Джона Фостера Даллеса.

Член палаты представителей Чарльз Поттер внес законопроект о прекращении испытаний у нас с одновременным призывом к другим странам — воздержаться от опытных взрывов ядерных устройств.

Широкий отклик в печати вызвала резкая речь сенатора Клинтона Андерсона, в которой он заявил, что, несмотря на официальные разговоры о создании «чистых бомб», наши военные громоздят все новые склады «самых грязных бомб».

В целой серии ярких выступлений в конгрессе сенатор Губер Хэмфри проводил ту мысль, что не менее важным, чем прекращение ядерных испытаний, он считает перевод всей внешней политики США на путь мирного сосуществования...

Как же реагировали до сих пор правительственные круги США на все нарастающую волну народного протеста и беспокойства по поводу того, что Америка продолжает производить ядерные взрывы? Вот уже долгое время, как американцы слышат заявления, проникнутые цинизмом, двуличием и удивительным пренебрежением к благу народа. В этих заявлениях, исходящих от Комиссии по атомной энергии и других официальных органов, систематически делается попытка преуменьшить серьезную угрозу, которую несут с собой ядерные испытания. Людям хотят привить ложное настроение самоуспокоенности; фальсифицируют мысли тех, кто выражает тревогу общественного мнения; стараются опорочить и извратить мотивы, по которым Советский Союз прекратил ядерные испытания.

Во всей этой воинственной кампании безрассудства и обмана никто, пожалуй, не играет более мрачной роли, чем профессор Эдвард Теллер, которому создан сомнительный ореол «отца водородной бомбы». В бесчисленных публичных лекциях, выступлениях по радио и телевидению, газетных интервью и журнальных статьях этот ученый, состоящий на правительственной службе, долбит в одну точку: ядерные испытания должны продолжаться, поскольку они «далеко не столь опасны» для народов мира и, более того, обещают широкие «потенциальные выгоды» для рода человеческого.

«Разоружение,— заявляет профессор Теллер,— это безнадежное дело... Радиоактивные же осадки в масштабе всей планеты заключают в себе не больше опасности для здоровья человека, чем увеличение его веса на одну унцию или выкуривание одной лишней сигареты за два месяца». В книге, озаглавленной «Наше ядерное будущее», страницы которой полны бесстыдного жонглирования статистическими данными, якобы доказывающими «безопасность» ядерных испытаний, профессор Теллер договаривается до такого цинизма:

«Утверждают, что дурно ставить под угрозу хотя бы одну человеческую жизнь. Но не будет ли более реалистичным и на деле более соответствующим идеалам человечности, если мы будем стремиться к лучшей жизни для всего человечества?»

Это очень характерно для «философии» профессора Теллера и тех официальных кругов, которые он представляет: во имя «человечности» и «лучшей жизни для всего человечества» они проповедуют создание все более разрушительного атомного оружия, которое уже теперь приносит тяжелый вред людям!

Читая книгу профессора Теллера, убеждаешься, что главный мотив, который движет им,— это маниакальная ненависть к Советскому Союзу. Но есть другие влиятельные персоны, которые, всячески поддерживая проповедь Теллера о продолжении ядерных испытаний, выдвигают при этом более «деловые» аргументы. Вот что можно было прочесть недавно в статье, опубликованной в бюллетене Уолл-стрита:

«Мы присутствовали на трехдневной конференции по вопросам промышленности ракетостроения. Представители соответствующих фирм чувствовали себя подавленными... Они жаловались на нерешительность правительства, на канцелярскую волокиту... Правительство упрекали в том, что оно не проявляет добрых чувств к пионерам ракетостроения... В том, что оно самым бессердечным образом поощряет конкуренцию в этой отрасли промышленности, распыляет заказы и тем самым снижает прибыли».

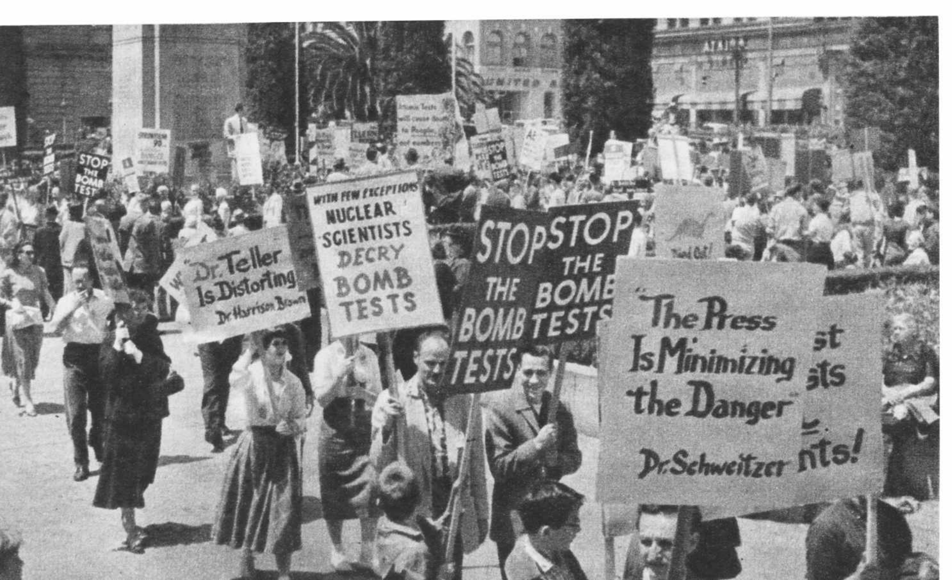
Пожалуй, можно поблагодарить этих господ за такую прозрачную откровенность. У них нет желания щеголять «патриотизмом» и «человечностью». Прибыли — вот что они прямо и без обиняков выдвигают как побудительный мотив для создания оружия массового истребления...

И все-таки мы уже можем утверждать, что есть на свете сила, которая способна одолеть и их. Эта сила — все растущее стремление к миру неисчислимых масс людей во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Могучий голос миллионов несется отовсюду: «Положить конец этому безумию!» Во всех странах мира сила жизни и созидания неудержимо начинает брать верх над силами смерти и разрушения.

Это общественное мнение с каждым днем все крепнет в Соединенных Штатах. «Безопасность Америки и безопасность всего мира — **это одно и то же.** Будем же действовать немедленно — во имя спасения человечества!»

Калифорния, июль.

Демонстрация протеста жителей Сан-Франциско против продолжения испытаний атомного оружия.

Поселок строителей Кременчугской ГЭС. Фото А. Горячева.

СТРАНА СТРОИТ

Н. БАРАНОВ,
главный ученый секретарь президиума Академии строительства и архитектуры СССР

10 августа Советская страна в третий раз отмечает День строителя. Четырехмиллионная армия тружеников строительной индустрии с чувством удовлетворения оглядывается на пройденный путь. Особенно много сделано за минувший год, прошедший под знаком выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства.

Замечательные перспективы открываются перед строителями, проектировщиками, работниками промышленности строительных материалов. То, что недавно казалось вершиной техники и мастерства, сегодня — уже пройденный этап. А завтра... Несколько вопросов о завтрашнем дне строительства мы и задали действительному члену Академии строительства и архитектуры СССР Николаю Варфоломеевичу Баранову.

ВОПРОС. Что сделано за год строителями, каковы планы на ближайшую семилетку?

ОТВЕТ. В прошлом году в нашей стране были заселены дома общей площадью в 48 миллионов квадратных метров, а в нынешнем эта цифра вырастет до 61 миллиона. Темпы исключительные!

В 1959—1965 годах государство израсходует на строительство жилых домов колоссальную сумму — 323 миллиарда рублей. За семь лет будут возведены дома общей площадью в 424 миллиона квадратных метров. Это вдвое больше, чем за предыдущие семь лет. Предполагается построить и сдать в эксплуатацию 15 миллионов квартир, в том числе 10 миллионов квартир за счет государства и 5 миллионов индивидуальных — за счет средств населения.

ВОПРОС. Каковы пути развития строительства в нашей стране?

ОТВЕТ. Генеральный путь — это путь индустриализации. Строительное производство должно быть поднято до уровня современного высокомеханизированного предприятия, а строительная площадка — превратиться в место сборки изготовленных на заводах элементов и целых частей зданий. Индустриализация означает внедрение принципиально новых конструкций и материалов. Особая роль принадлежит сборному железобетону. Наша страна располагает ныне большой сетью предприятий, с конвейеров и поточных линий которых непрерывным потоком идут железобетонные изделия. По объему производства сборного железобетона СССР уже обогнал ведущие капиталистические страны. Но дело ведь не только в количестве. Нам нужен самый совершенный железобетон — напряженно-армированный. Здесь мы еще отстаем, хотя делаем много для того, чтобы в ближайшие 2—3 года это отставание ликвидировать.

Строительство в нашей стране переживает подлинную революцию. Оно постепенно становится сборным. Крупноблочные и крупнопанельные дома монтируются теперь и в Москве, и в Ленинграде, и в Магнитогорске, и в Череповце, и в Киеве.

Метод производства панелей на прокатном стане с непрерывно движущейся лентой, предложенный инженером Н. Козловым, стал популярным. Одновременно появились и другие способы проката. Новая технология рождает и новые конструкции зданий.

В ближайшие месяцы в Москве, в районе проспекта Мира, начнется сооружение первых двух экспериментальных домов, состоящих целиком из панелей, изготовленных на прокатном стане. А через год — два с прокатных станов будет сходить много сотен домов.

Техника строительства домов быстро движется вперед. Возьмем жилой крупнопанельный дом конструкции инженера В. Лагутенко, построенный в Новых Черемушках. Известно, что благодаря рациональной конструкции его вес в два раза меньше веса обычного кирпичного здания. Ныне этот проект модернизирован. И вот уже в районе Хорошево — Верхние Мневники по этому проекту начинается строительство квартала из двадцати корпусов.

Строители многих городов успешно соревнуются с москвичами. Например, Череповец. Удивительно проста и в то же время тщательно продумана тут планировка квартала крупнопанельных домов! Цена одного квадратного метра жилья приближается к 1 050—1 100 рублям — почти на 400 рублей дешевле, чем средняя стоимость кирпичных домов.

Посетители постоянной Всесоюзной строительной выставки подолгу рассматривают фрагмент дома из крупных панелей — одного из тех, что строятся в Выксе по проекту института Гипростройиндустрия. Вес конструкций, расход металла там намного ниже того, что считалось до сих пор нормальным.

Завтрашний день жилищного строительства — это также широкое применение сборных железобетонных кровель, кабин с вмонтированным в них санитарным узлом. Такие кабины в законченном виде, со всей «начинкой» поступают на стройку прямо с завода.

ВОПРОС. Как обстоит дело с применением в строительстве пластмасс?

ОТВЕТ. Дома из пластмасс — уже не мечта, а реальность. Применение синтетических материалов может обеспечить значительное повышение качества и снижение стоимости строительства. Эти материалы прочны, выносливы, не подвержены коррозии, гниению.

Еще несколько лет назад ныне покойный архитектор А. Буров работал над созданием стекловолокнистого анизотропного материала «СВАМ», который, несомненно, найдет место в практике. Сейчас в институтах нашей академии разрабатываются конструкции из «СВАМа» и других пластических масс, а также ведутся исследования, связанные с изготовлением полимеров мебели и санитарно-технического оборудования.

Работает над проектом экспериментального крупнопанельного жилого дома, в строительстве которого полимеры займут почетное место, и мастерская № 6 института «Моспроект», руководимая Б. М. Иофаном. Для дома уже выбран участок в Измайлове.

И в жилищном, и в промышленном, и в культурно-бытовом строительстве удельный вес полимеров будет год от года возрастать.

Хочется сказать о завтрашнем дне строительства и с точки зрения его организации. И здесь предвидятся существенные перемены. Чтобы сооружать дома быстрее, вводится интересное новшество — строительство «с колес». Снабжение строек производится, минуя склады, базы, по часовому графику. Машина приезжает с завода, скажем, с панелями стен, и монтажники сразу, не теряя времени, пускают их в дело. Сроки монтажа дома при этом сокращаются на одну треть.

ВОПРОС. Какие проблемы стоят сейчас в области градостроительства и архитектуры?

ОТВЕТ. V Конгресс Международного союза архитекторов показал, что наиболее актуальными для мирового градостроительства являются проблемы реконструкции старых и сооружения новых городов, ограничение роста крупных населенных центров, проблемы организации городского движения и транспорта, санитарного оздоровления, формирования современного архитектурного стиля.

Архитектура всегда отражала социальный строй и уровень развития производительных сил общества. В нашей стране, где власть принадлежит народу, где отменена частная собственность на землю и существует государственное планирование, возможности становления подлинно прекрасной простой и вместе с тем выразительной, высокохудожественной архитектуры поистине безграничны. На XX съезде Коммунистической партии перед советскими зодчими была поставлена задача — создать социалистический архитектурный стиль. Конечно, это сложный и длительный творческий процесс. Но этот процесс уже происходит!

Вся наша страна представляет собой грандиозную стройку. Только за последние 30 лет на карте СССР появились названия 564 новых городов. На дальних окраинах и в центральных областях одновременно с металлургическими, машиностроительными, химическими заводами, доменными печами, мощными электростанциями растут тысячи жилых домов, школ, больниц, кинотеатров. И все это — дело рук наших строителей, которых весь наш народ сегодня горячо приветствует и поздравляет с праздником.

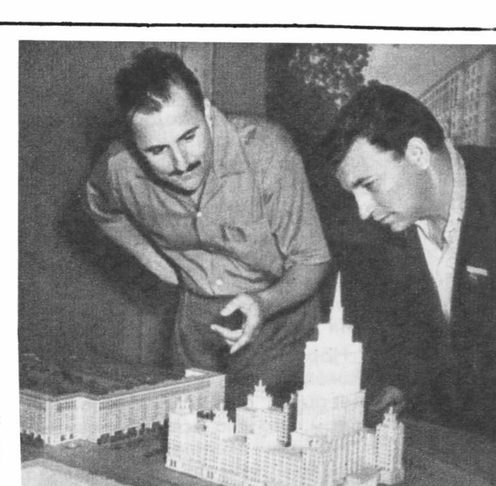
Большое впечатление произвели масштабы нашего строительства на зарубежных участников Конгресса архитекторов. В беседах они нередко спрашивали советских коллег:

— В чем секрет гигантского размаха строительства в СССР?

Мы им на это отвечали:

— «Секрет» в самой сущности нашего строя, для которого основным является подъем жизненного уровня советского народа.

В дни работы V Конгресса Международного союза архитекторов в Москве зарубежные гости знакомились с достижениями советских строителей и творчеством наших зодчих.

Главный архитектор болгарского города Пловдив В. Рангелов и архитектор Т. Сачков у макета недавно созданной магистрали в районе гостиницы «Украина».

Член муниципалитета французского города Ле-Ман Лео Лефевр снимает панораму строительства одиннадцатого квартала Новых Черемушек.

Фото Я. Рюмкина.

Далеко видна возвышающаяся над Бомбеем университетская башня Раджабои

ЗИНДАБАД ИНДИЯ!

Петр САЖИН

Фото автора.

Недавно, возвратясь из Индии, я прочитал интересную книгу. Ее автор — знаменитый индийский альпинист, шерпа из Дарджилинга Норгей Тенцинг, который «поднялся пешком на небо», то есть совершил восхождение на величайшую вершину мира — Эверест, или, как называют ее шерпы, на Чомолунгму.

До Тенцинга и его спутника Хиллари нога человека не ступала на вершину Эвереста: все попытки горовосходителей разных стран кончались поражением. Победа Тенцинга, прозванного за свою цепкость и ловкость в горах Тигром снегов, вызвала сенсацию.

Для шерпов, непальцев, тибетцев (да только ли для них!) Чомолунгма — поднебесная обитель богов. Не удивительно поэтому, что после взятия Чомолунгмы Тенцинга боязливо спрашивали: «Увидел ли ты Будду на вершине?» Или: «Видел ли ты бога Шиву?»

Норгей Тенцинг отвечал: он не видел на Чомолунгме никакого сверхъестественного существа. В бесчисленных интервью он говорил о том, что его успех — результат хорошей организации экспедиции и что великая горная вершина привела его к великой истине: «Совместные усилия — единственный ключ к успеху; эгоизм же делает человека маленьким».

Я заговорил о Тенцинге лишь потому, что после возвращения из Бомбея и меня некоторые друзья спрашивали: правда ли, что у обезьян в Индии есть свой царь? Верно ли, что йоги могут останавливать кровообращение и свыше месяца пробыть под землей в состоянии анабиоза?

Я отвечаю на эти и другие вопросы: да, в Индии еще много того, что при желании можно называть «чудесами»! Однако не в них суть.

В течение месяца я пытался понять, а если не понять, то хоть в какой-то мере почувствовать современную Индию. В Бомбее я вставал вместе с солнцем и до ночи был на ногах. Я исходил пешком чуть ли не весь многомиллионный город. Я говорил с людьми Бомбея на улицах, в доках, на рыбном рынке в Калабе, на дорожках висячих садов Малабархиллз, у искусственных озер, в тени розовых кустов и пальм, в парке имени Камалы Неру — покойной жены премьер-министра Индии...

По вечерам, когда усталое солнце покидало небосвод и на несколько минут задерживалось у горизонта, тщательно раскрашивая океан в пурпур и золото, я шел на Стрэнд-роуд, где на самом берегу океана, на небольшом мысочке, против некогда грозных фортов военной гавани, стоят знаменитые «Ворота Индии». Тысячи бомбейцев приходят сюда подышать прохладой моря, посмотреть на огни кораблей, посидеть, «посудачить», как выразились бы у нас. Они сидят на каменных скамьях, пьют прохладительные напитки, курят, едят сласти. «Ворота Индии» знамениты не архитектурой, а всего лишь двумя фактами из их «биографии». Первый факт не является находкой для историков, потому что он мелкий, хотя для сотворения его затрачено много денег и немало пролито слез индийскими крестьянами. «Ворота Индии» воздвигнуты в честь визита короля Англии Георга V и королевы Марии. Громоздкое и довольно мрачное с виду, стояло это сооружение как символ чужеземного господства. И только в наше время «Ворота Индии» наконец стали настоящим памятником: через них из Индии вышел последний английский солдат!

Это было событие, знаменательное не только для индийской, но и для мировой истории. Да разве можно забыть 15 августа 1947 года, когда вся Индия с лихорадочным нетерпением ждала великого момента — подъема национального флага над бастионами Красного форта в столице Индии — Дели!

Тысячи людей сидели под стенами форта в безмолвном ожидании, пока проходили торжественные церемонии в парламенте. Но вот кончились эти церемонии, и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру поднял над крепостью оранжево-бело-зеленый государственный флаг Индийской Республики и воскликнул: «Джай Хинд!» Десятки тысяч людей, находившихся под стенами крепости, а за ними вся страна подхватила этот клич. Один из древнейших народов нашей планеты возродился вновь как независимое государство...

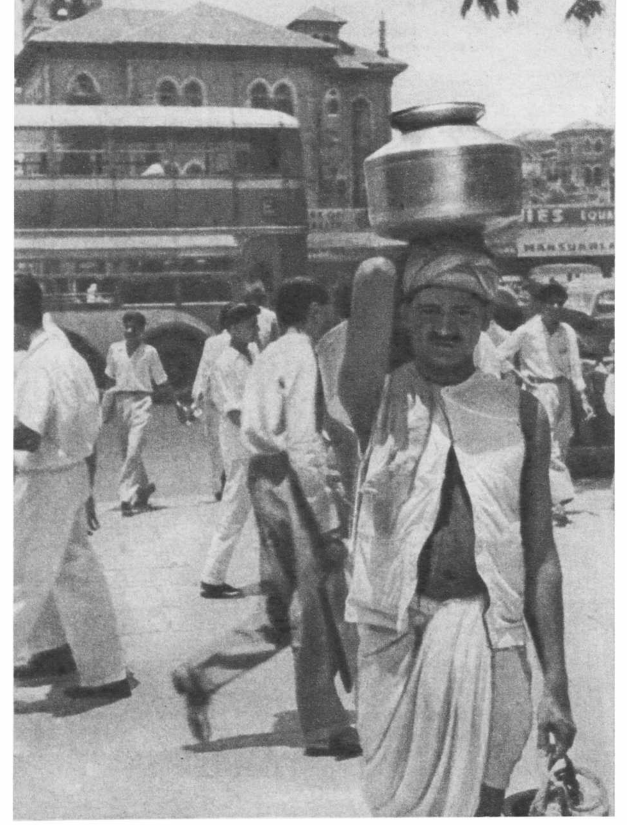
Около «Ворот Индии» плещутся океанские волны. На морском горизонте по вечерам горят огни — то идут в Бомбей корабли, они идут из разных стран, они везут в Индию товары. Бомбей — один из самых больших городов Индии и самый крупный индийский порт. Индийский город, индийская земля, индийское солнце... Великие слова! Каких-нибудь десять — одиннадцать лет тому назад стоило путешественнику двинуться в Африку, в страны Аравийского полуострова и в страны, омываемые водами Индийского океана, как всюду он натыкался на владения английской короны, над которыми, по кичливой поговорке сынов Альбиона, никогда не заходило солнце. Теперь над Индией свое, индийское солнце, как и в Египте — египетское, в Ираке — иракское. Таково знамение эпохи.

Туристские путеводители полны описаниями архитектурных сокровищ Агры, Симлы, Дели и Хайдерабада, фотографиями ослепительных изделий кустарей Кашмира. Да, неоценимы все эти сокровища, созданные гением индийского народа, и восхищаться ими будут многие поколения людей. Но любая страна познается не по архитектуре старинных зданий и памятникам материальной культуры и не по количеству холодильников, легковых автомобилей и установок для кондиционирования воздуха. Мощный дух народа — главное богатство страны. Когда меня спрашивают, что самое характерное в современной Индии, я отвечаю: чувство национальной гордости, вера в свои силы, в свой путь.

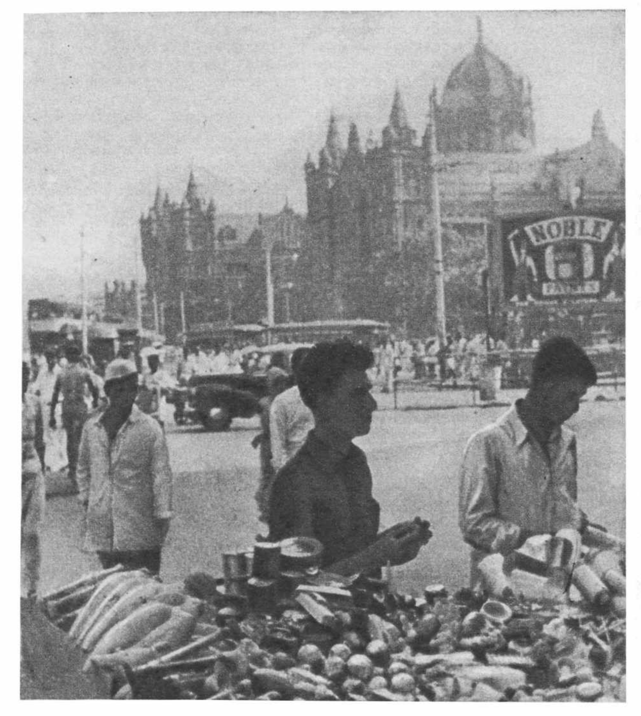
Вот вы шагаете по жарким улицам Бомбея — этого огромного, шумного, энергичного города. Вы видите много реклам, роскошные витрин магазинов, торговлю с лотков, с рук, товары, разложенные на мостовой. Вас атакуют вечными ручками, нейлоновыми расческами, которые изгибаются в руках продавцов, как змеи. По мостовой независимо шагают священные коровы, плетутся запряженные в арбы волы с крашеными рогами, автомобили — от стареньких желтых «фиатов» до роскошных «понтиаков» и «студебеккеров» с установками кондиционированного воздуха внутри. Вы слышите цокот подков искусно подстриженных и подкрашенных коней извозчиков. До вас доносятся заунывные мотивы молитв, крики официантов, громко заказывающих блюда с целью рекламы своего заведения.

Людской поток течет, как река. Люди одеты по-разному: одни в пробковых шлемах, в рубашках с закатанными выше локтя рукавами и в коротких брюках: другие закутаны с ног до головы либо в белые, либо в черные, голубые, красные ткани; третьи же считают себя вполне одетыми, если небольшой лоскут висит на нитке, опоясывающей талию.

Но все люди идут распрямившись, идут гордо! В Бомбее почти нет,— во всяком случае, они уже не бросаются в глаза — нищих. Возрождающаяся национальная промышленность подбирает людей с тротуаров. Бомбей — крупный промышленный город Индии. Здесь большие текстильные предприятия, на которых сосредоточено свыше 3 миллионов веретен и около 100 тысяч ткацких станков. С введением протекционистских пошлин национальная промышленность как бы получила дрожжи, на которых стала «всходить» значительно быстрее. Индия охвачена идеей «сва-

На улицах Бомбея.

У Центрального Бомбейского вокзала всегда толпится народ.

На рыбном рынке Калабы в Бомбее.

деши» — движения за развитие национальной промышленности.

В Бомбее, как и во всей Индии, стало все больше и больше появляться плакатов, зовущих индийских мужчин и женщин на стройки новых предприятий, плотин, гидростанций. Индия до захвата ее англичанами имела отличное судостроение, ткацкие мануфактуры, основанные еще Акбаром, и развитую кустарную промышленность. Англия безжалостно убивала все отрасли национального производства. Новая, независимая Индия идет путем нелегким. Многое нужно начинать сначала. Промышленности нужны кадры инженерно-технических работников — их в Индии пока мало. Дело народного образования в стране при английском господстве находилось на вопиюще низком уровне.

Человек, попадающий в Бомбей, видит поднимающуюся над городом башню с часами. Это знаменитая Раджабои — университетская башня. Бомбейский университет, одно из немногих высших учебных заведений, возникших при колонизаторах, в прошлом году отпраздновал столетие. Но при британском господстве 90 процентов индийцев не умели ни писать, ни читать. К моменту провозглашения независимости, то есть в 1947 году, в начальных и средних школах училось немногим более трети всех детей, а в высшей школе — всего один процент молодежи в возрасте от 17 до 23 лет. После провозглашения независимости ассигнования на образование увеличились более чем в 20 раз, неграмотность уменьшилась на одну пятую.

Восемь лет назад Индия приняла конституцию и приступила к всеобщему начальному образованию. Сейчас в стране от мыса Коморин до Гималаев насчитывается около 400 тысяч различных учебных заведений. В них обучается около 35 миллионов человек. Особенное внимание индийское правительство оказывает подготовке технических кадров. Сейчас правительство создает девять новых инженерных колледжей, в которые каждый год будет приниматься 2 250 студентов. Кадры отечественных металлургов будут готовиться в новых технологических институтах. Один из четырех таких институтов организуется с помощью СССР на берегу озера Павои, севернее Бомбея. Институт рассчитан на 1 500 студентов. В его первом выпуске — специалисты строительной механики, радиоинженеры, специалисты в области атомной энергии.

По индийским дорогам через равнины и бурные реки пробираются «караваны просвещения». Они везут с собой передвижные библиотеки, лекторов, киноустановки. Индия идет к просвещению. Индия строится.

В предместье Бомбея — Кальяне — находится одно из лучших химических предприятий Индии, производящее красители для ярких индийских тканей. Индия гордится им. Все оборудование для этого предприятия полностью изготовлено на заводах Индии, все инженеры на нем — индийцы.

В Бомбейском порту вечный гул труда. Каждый метр семикилометровой причальной линии занят кораблями всех морских наций. Непрерывно подаются железнодорожные вагоны под грузы. Правда, оборудование порта еще на уровне прошлого столетия, но это не мешает докерам справляться с любыми грузами так блестяще, что у иностранных моряков вытягиваются лица от удивления.

Ослепляющий успех Норгея Тенцинга, первым из азиатов поднявшегося на Чомолунгму, в некотором смысле является символом для Индии. Да, страна в движении. Индия — великое государство Азии. Ее население равно 382 миллионам человек. Государство многоязычное, сложное. Здесь, как писал еще Афанасий Никитин в своем «Хождении за три моря», «вера с верою не пьет, не ест, не женится». Но индийцев сплачивает одна большая цель — возрождение своего отечества на путях независимости, прогресса и мира. Все чаще и чаще звучат в этой стране слова: «Сарве джано сухино бхаванту!» — «Пусть все народы живут в счастье!» Всем известно, какую большую роль играет Индия в общей борьбе человечества за мир.

В день национального праздника Индийской Республики советские друзья от всей души восклицают:

«Индия зиндабад!» — «Да здравствует Индия!»

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФРАНКА ХОНЕЯ

Франк Хоней в своей квартире.

«Джек уныло шел по улице. Ему хотелось, чтобы вот сейчас, ну, пусть через двадцать минут, ну, спустя полдня, произошло чудо: подвернулся под ноги кошелек с долларами. Или богатая женщина попросила донести совсем легкий сверток и дала за это окорок, да такой, что и поднять его трудно... Брел он и не заметил, что с противоположного тротуара на него долго смотрел коротконогий человек в измятой шляпе, сбитой на затылок. Не отрывая взгляда от костлявой, сутулой спины Джека, он достал сигару, поднес к ней спичку, сплюнул и быстро пошел за Джеком. Обогнав подростка, он перешел на его сторону и, проходя мимо, небрежно бросил через плечо:

— Работу ищешь?

Джек встрепенулся. «Вот оно — чудо. Работа. Значит, можно будет накормить брата, который уже не поднимается от слабости».

— Да, сэр! — скорее вскрикнул, чем сказал Джек.

— Иди за мной...

И Джек пошел. Не пошел — полетел на крыльях. Ему предлагали работу!

Зашли в лавку, заваленную лежалыми овощами. Коротконогий юркнул под прилавок и жестом приказал Джеку следовать за собой через низкую дверь, за которой была крутая лестница в подвал.

— Значит, тебе нужна работа? — спросил коротконогий, усевшись на стол.— Я тебе дам работу. Будешь стоять на углу и просить подаяние. А чтобы больше давали — притворишься калекой. А ну, подожми ногу да глаза скоси... Поджимай сильнее, не бойся, не сломается... Ну ничего, попрактикуешься.

— Простите, сэр, но я хотел бы настоящую работу...

— Дурак! Ты будешь получать от меня деньги. Понимаешь — деньги...— И он зазвенел мелочью в кармане.— У меня такие, как ты, почти на всех углах стоят. Ну, согласен?»

Эти строки взяты нами из книги бывшего американца инженера Сталинградского тракторного завода Франка Броно Хонея, в которой он описывает заокеанский «рай». Он не стал профессиональным нищим. После долгих мытарств ему удалось приобрести профессию специалиста пружинного производства.

...1930 год. В СССР по приглашению Советского правительства приехала группа американских специалистов. Среди них и инженер Франк Броно Хоней.

— На палубе,— вспоминает он,— нас было шестьдесят инженеров. И все мы считали себя безмерно счастливыми: мы уплывали от кризиса, безработицы.

Хонея назначили руководителем монтажа пружинного цеха Сталинградского тракторного завода.

Но время, особенно счастливое, летит быстро. Срок договора истекал. «Возвращаться? Снова искать работу! Метаться от одной компании к другой!» — с тоской думал американский инженер. И когда Франку Хонею предложили продлить срок договора, он радостно ответил:

— Я готов остаться здесь навсегда!

Так началась его вторая жизнь. Он стал гражданином Советского Союза и вскоре вступил в Коммунистическую партию.

Взволнованно рассказывает Хоней о полученных им наградах за честный труд: Франк Хоней награжден орденом Ленина, медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Сталинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Он имеет почетные грамоты и четыре значка «Отличник социалистического соревнования».

— Что все это значит для трудящегося,— говорит инженер,— может до конца понять только тот, кто прожил жизнь, подобную моей.

Недавно Хонею исполнилось 62 года, и он ушел на заслуженный отдых. Но пенсионер не теряет связи с коллективом родного завода. Он часто встречается с молодежью, школьниками, которые с интересом слушают его рассказы о жизни за океаном.

А. ИГОЛЬНИКОВ

ЗОРКОСТЬ ХУДОЖНИКА

Татьяна ТЭСС

Для настоящего писателя творческая командировка — это вся его жизнь. Командировка продолжается всегда: и тогда, когда писатель сидит в конторке прораба на строительстве дальнего завода, и тогда, когда он шагает, размышляя, по улицам Москвы. В эту бессрочную, сложную, ответственную командировку его послало дело, которому он служит.

Таким писателем мне всегда представляется Валентин Катаев. «Устройству» зрения Валентина Катаева нельзя не позавидовать.

Глаз писателя — очень сложный «механизм». Однажды довелось мне быть с несколькими моими товарищами, писателями, в поездке. Мы провели целый день вместе, прошли по одним и тем же улицам, видели один и тот же завод, одних и тех же людей.

Вечером, когда мы обменивались впечатлениями, я поняла, что каждый из нас подметил во многом совершенно разные вещи. А один из нас увидел настолько больше, чем другие, как будто у него было по меньшей мере восемь глаз.

Конечно, это особые свойства наблюдательности. Но есть еще и другая способность: увидеть в обыкновенном необычайное, в простом — поэтическое, в незаметном — значительное.

Валентин Катаев обладает зрением большой силы. Дело не только в том, что он как бы владеет «широкоугольником», неким дополнением к своему зрительному аппарату, позволяющим ему охватить взглядом сразу огромную площадь, различив в ней мельчайшие детали.

Его зрение поэтично. Это не обязательно поэтичность метафоры, удачных сравнений, на которые, кстати, он большой мастер. В игре метафорами, как мне кажется, не так уж сложно добиться виртуозного умения. Нет, речь идет о другом. Катаев умеет открыть читателям в самом простом и обыденном, в том, что знакомо и буднично, какую-то нежную, глубоко поэтическую новь. Так, к примеру, городской выгон с пыльными бессмертниками, яма с будяками, куда попадают Петя и Мотя в книге «Белеет парус одинокий», становятся прекрасными, наделенными притягательной, тревожной силой. Таким даром мгновенных и чудесных превращений обладают дети — и Катаев это отлично знает. Со щедростью волшебника он возвращает этот дар взрослым, читающим его книги.

Технология писательской работы различна. Я знаю своих товарищей, умело и с пользой составляющих во время работы картотеки, выписывающих на отдельные листки то, что может оказаться нужным для биографии героя, для исторической справки, для характерности диалога.

Катаев, насколько мне известно, работает по-иному. Но в ту минуту, когда он, рассказывая в беседе о чем-то им увиденном, давно услышанном или найденном, приводит точную характеристику, выразительную подробность, четкую справку, у меня всегда такое чувство, словно он с легкостью и безошибочностью достает нужный ему листок из огромной картотеки, хранящейся в его необычайно цепкой памяти.

Все, чем обладает писатель, всегда должно обращаться им на пользу его дела. Сила зрения и памяти, те чувства, которыми наделила Катаева природа или которые развил в себе он сам, всегда находятся у него в «рабочем состоянии». Умение увидеть и умение сберечь помогает ему придать каждой детали в его произведениях бесспорную подлинность. Оно, это умение, рождает в книгах, написанных Катаевым, одно из важных качеств: достоверность. Достоверность чувств, достоверность обстановки, достоверность языка, характеров, отношений.

Эта достоверность не создается мелким правдоподобием, прилежным умением «фотографировать» жизнь, записать кем-то оброненное слово, старательно зарисовать с натуры характер, не упустив ни одной родинки, ни одной приметы. Природа ее совсем иная.

Живая правда характеров и образов, правда событий и положений, верных черт и правдивых деталей — это тот драгоценный сплав, из которого художник выковывает большую правду жизни.

Вот почему образы героев Катаева полны такой живой, невянущей силы. И, вероятно, именно поэтому любой персонаж произведений Катаева становится для нас зримым, и нам кажется, что мы даже можем узнать его в толпе, как узнают друга или хорошо известного тебе человека.

Сейчас Валентин Катаев работает над новой повестью, в которой мы встретимся со старыми его героями.

Эта повесть будет последним звеном, что свяжет воедино книги «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи» и «За власть Советов».

Вновь ожившие, хорошо знакомые нам персонажи вступают на страницы рукописи. Они радуются, страдают, влюбляются, борются; одни из них находят счастье, других навсегда разлучает смерть.

И когда писатель рассказывал об этой повести, я ощутила силу безусловной материальности, которой обладают для него его герои. Это бывает только тогда, когда в их артериях движется его собственная кровь, когда они созданы, как плоть от плоти писателя, рождены им в муках и радости. Никогда в жизни какой-либо «химически созданный» литературный персонаж, как бы точны и безупречны ни были пропорции и дозировки, не внушит нам того чувства, какое с уверенной щедростью дарят герои, соединенные неразрывными связями и с сердцем писателя и с высокой правдой жизни.

Рассказывая о действующих лицах новой повести, Катаев вдруг сказал:

— И тут Женечка... Ну, помните, тот самый Женечка, которому Гаврик принес красного леденцового петуха на палочке, когда пришел к Терентию на Ближние Мельницы. Так вот этот самый Женечка, который уже стал взрослым...

Писатель продолжал рассказывать, а я вдруг с необычайной четкостью увидела палисадник, обсаженный лиловыми петушками, Мотю с облупленным носиком и острым подбородком, в чепчике на остриженной после тифа голове, держащую на руках толстого годовалого ребенка с двумя ярко-белыми зубами в коралловом ротике. Это и был Женечка.

Я стала с нетерпением расспрашивать Катаева, что произошло с Женечкой дальше, и вдруг поймала себя на том, что не только я думаю о Женечке, как о реально существующем человеке, но и сам писатель говорит о нем так же, словно тот давно обрел полную самостоятельность, стал реальным, независимо от писателя живущим и действующим человеком.

Валентин Петрович КАТАЕВ.

Здесь хочется сказать несколько слов об отношении Валентина Катаева к своим героям.

Писатель должен быть мудрее и старше своих героев для того, чтобы глубоко разобраться в человеческой душе, чтобы предугадать и определить те поступки, которые человек может совершить в данном душевном состоянии. Но он должен уметь и оставаться ровесником своего героя, чтобы полностью отождествиться с ним.

Надо уметь самому с огромной увлеченностью пережить вместе с ребятами, толпящимися на страницах рукописи, все их затеи, тревоги, радости, волнения, драться вместе с ними, бороться вместе с ними, любить тех же, кого любят они.

Катаев владеет этим даром отождествления со своими героями, отождествления естественного, свободного, увлеченного, когда он входит в сердце каждого персонажа своей книги, как в свой дом.

Много самых различных людей можно встретить на страницах повестей Валентина Катаева. Они очень непохожи друг на друга. Но, как правило, это хорошие люди. Книги Катаева проникнуты огромной любовью к ним, любовью умной и взыскательной.

То, что Катаев стал редактором журнала «Юность», мне кажется, органически связано со всей его писательской биографией.

На страницах журнала рядом с именами крупных писателей встречаются фамилии, до той поры никому не известные; вы можете прочесть и номер журнала, целиком созданный силами молодых. Творчество молодых писателей — это задорный, бурливый источник, откуда журнал с охотой черпает новые материалы.

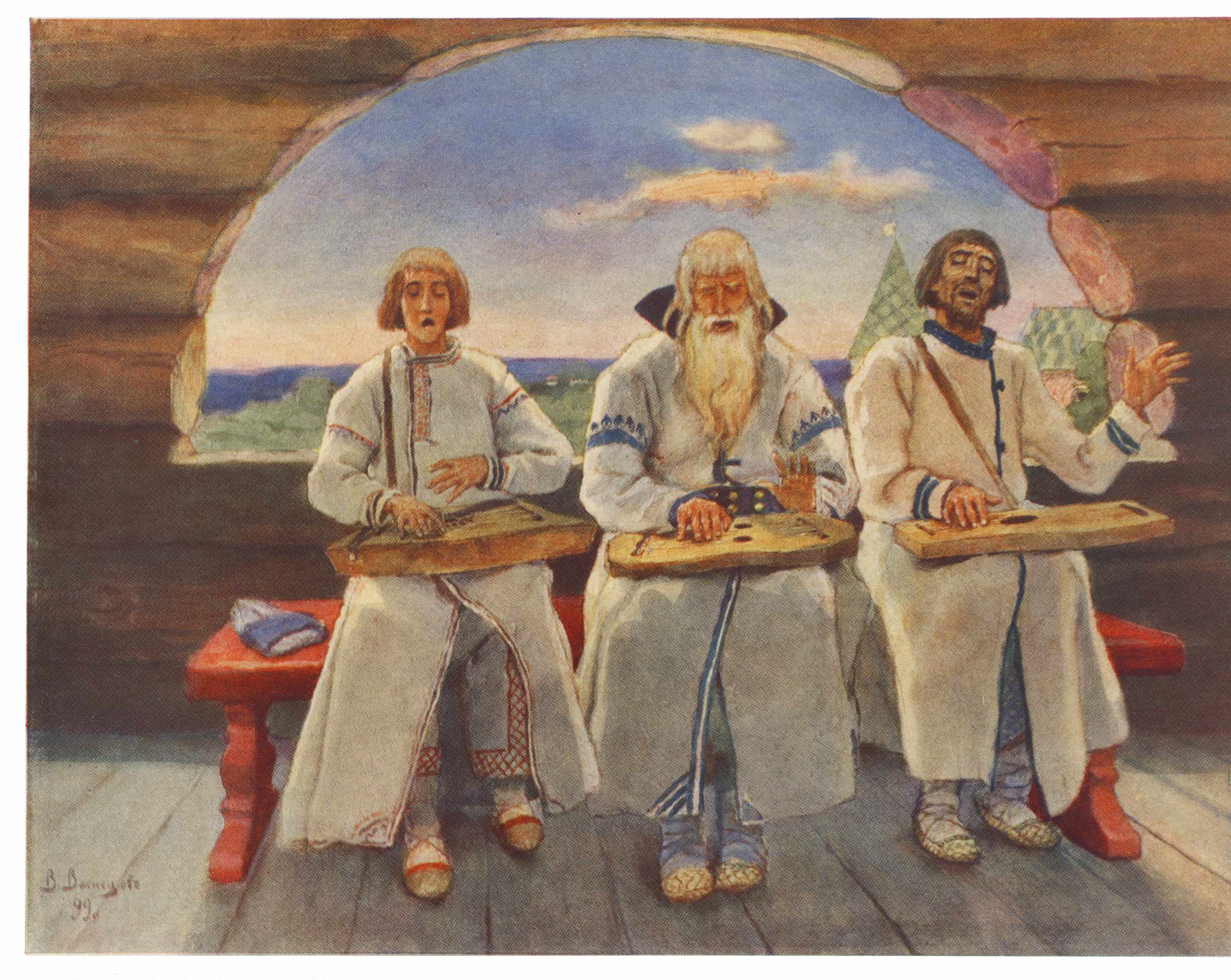
Недавно Валентин Катаев вернулся из очередной поездки. Он был за рубежом, в Бельгии. Каждый раз, когда я его встречала, он немножко рассказывал мне о своем путешествии.

Это были крошечные истории, беглые, быстрые впечатления. То появлялась в них хозяйка пансиона, очень подробно расспрашивавшая писателя, как и всех других обитателей пансиона, о его привычках, вкусах, желаниях, а в результате всем жильцам подающая одно и то же; то это был точно и тонко выписанный пейзаж берега в Остенде; то улица в старом Брюгге; то улыбающаяся и тревожная официантка в маленьком кафе. И постепенно все беглые впечатления связались соединительной тканью жизни, и из них встал облик чужих городов с их красотой и заботами, их незаметными заплатами и обыкновенными людьми.

Снова проступило в этих рассказах все, что так дорого в писателе: зоркость художника, внимание к людям, неутомимость ума и сердца, жадно познающих и изучающих мир, непрерывность «рабочего состояния», той бессрочной творческой командировки, которая является для писателя естественным состоянием души.

В этом маленьком очерке я не ставила перед собою литературоведческих задач, не претендовала на критический анализ произведений Валентина Катаева. У Катаева как писателя есть и свои, подчас неоправданные пристрастия, в книгах его есть и свои просчеты. Но не о них сейчас речь. Подробный разбор его творчества не был моей целью.

Мне хотелось лишь поговорить о том, что, на мой взгляд, является характерным в его писательском облике, об особенностях его мастерства, почерка, о том, чему хочется у него учиться. Об этом стоит подумать, в особенности перед съездом.

В. М. Васнецов (1848—1926). ГУСЛЯРЫ. 1899 год. **Пермская государственная художественная галерея.**

«Огонек».

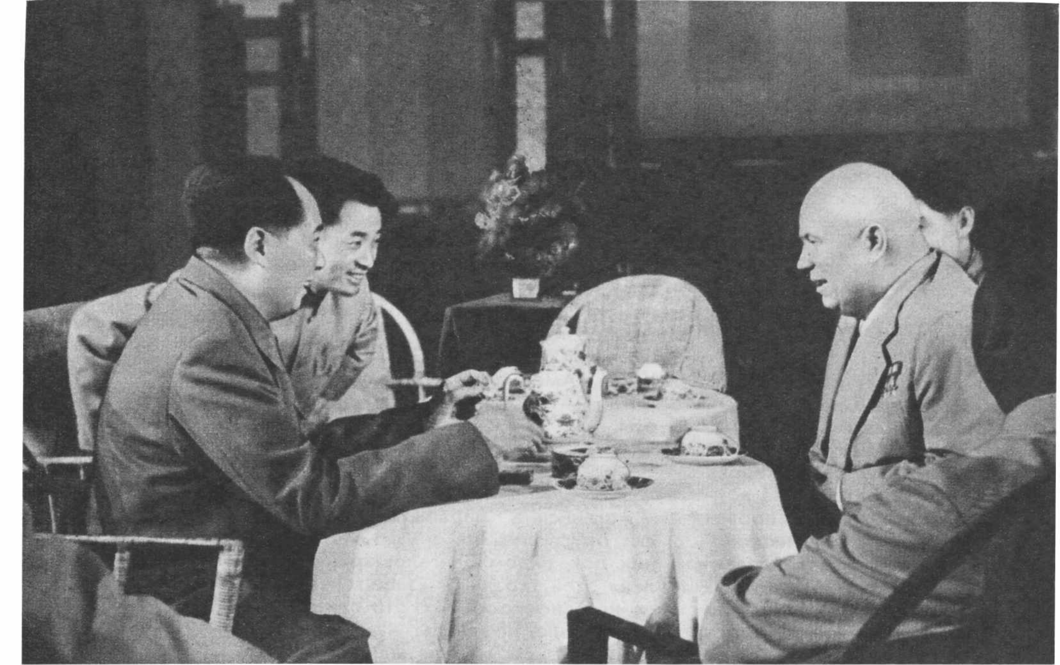
Н. А. Касаткин (1859—1930). У ШЛАГБАУМА. 1890 год.

Пермская государственная художественная галерея.

Пекин, 3 августа. Подписание Коммюнике о встрече Н. С. Хрущева и Мао Цзэ-дуна.

Все миролюбивые народы мира с глубоким удовлетворением встретили Коммюнике о встрече Н. С. Хрущева и Мао Цзэ-дуна, состоявшейся 31 июля—3 августа в Пекине. Эта историческая встреча продемонстрировала непоколебимое единство и братскую сплоченность двух великих народов и всего социалистического лагеря в борьбе за мир, за предотвращение новой войны. Коммюнике явилось серьезным предостережением воинствующим империалистам, пытающимся поставить человечество на грань новой военной катастрофы.

Советские люди сердечно приветствуют и единодушно одобряют результаты встречи Н. С. Хрущева и Мао Цзэ-дуна, видя в этом верную гарантию того, что могучие силы мира восторжествуют над силами агрессии и войны.

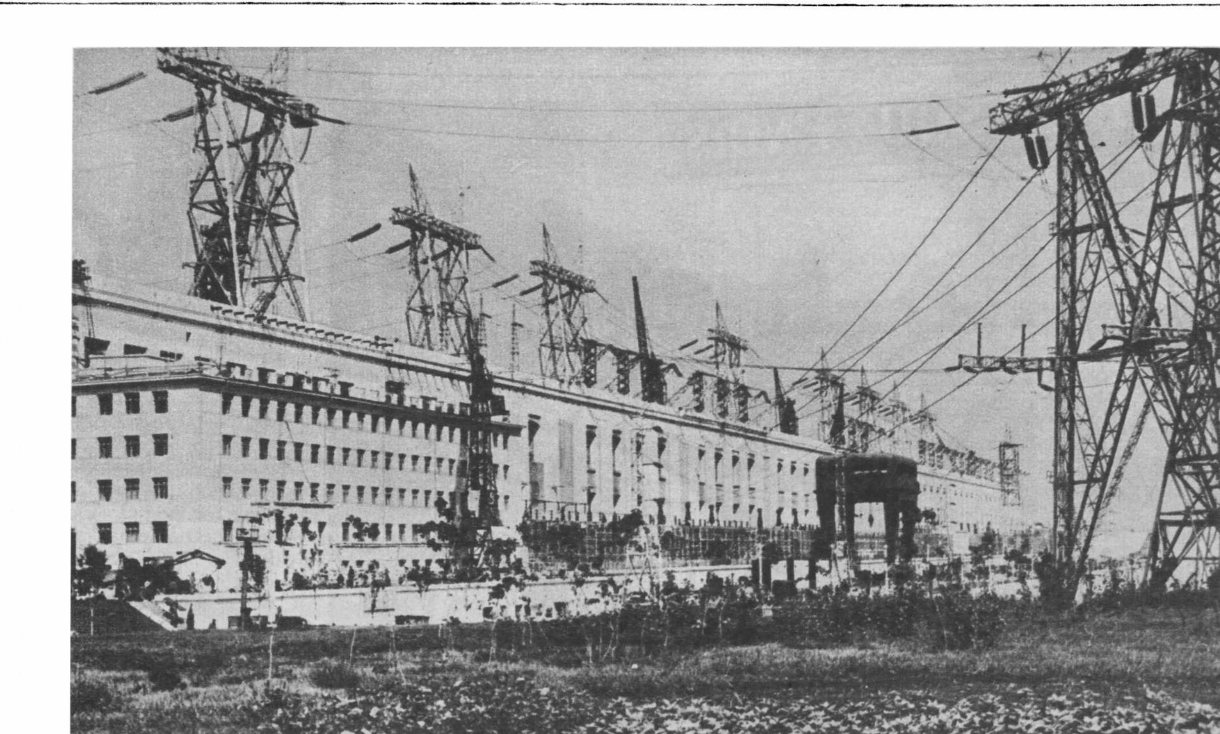
За дружеской беседой.

Фото М. Домогацких и А. Кожина.

ЭЛЕКТРОГИГАНТ НА ВОЛГЕ

С каждым днем все краше становится Куйбышевская ГЭС. Уже покидают свои рабочие места отделочники, завершается укладка цветных плиток на полу машинного зала, электромонтажники заканчивают установку более 600 светильников. На помощь куйбышевцам приехали опытные мастера из Москвы и Ленинграда, Каховки и Иркутска.

Электрогигант на Волге готовится к решающим дням, когда Куйбышевскую ГЭС будет принимать государственная комиссия.

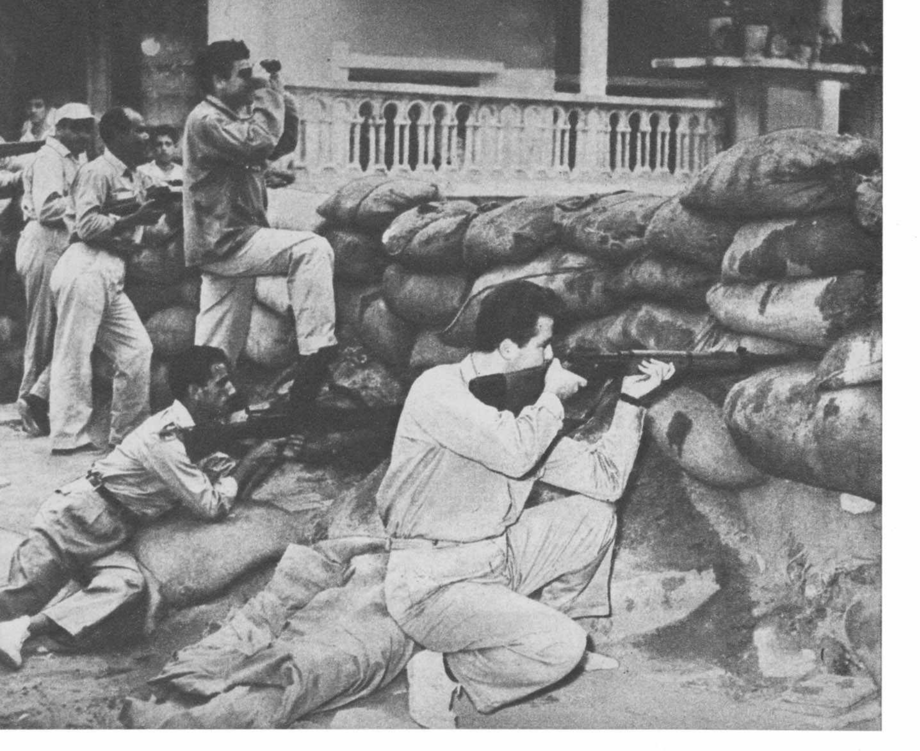

На снимке: здание гидроэлектростанции.

Фото В. Высоцкого и А. Горячева.

АРАБСКИЙ ВОСТОК НЕ ПОКОРИТСЯ КОЛОНИЗАТОРАМ

И. БЕЛЯЕВ

Отряд народного сопротивления в Бейруте.

В ЛИВАНЕ

31 июля ливанский парламент 48 голосами против 7 избрал командующего армией бригадного генерала Фуада Шехаба новым президентом Республики Ливан. Формально он должен сменить Камиля Шамуна и приступить к исполнению своих обязанностей 23 сентября. Но оппозиция и весь ливанский народ единодушно требуют, чтобы передача полномочий произошла сейчас, без какого бы то ни было промедления. Новому президенту 56 лет. Кадровый офицер, получивший военное образование во Франции, генерал Шехаб всегда старался быть вне политики. Нежеланием бросить армию на подавление восставшего народа он снискал популярность в различных политических кругах и среди населения. Накануне заседания парламента 31 июля он совещался с лидерами оппозиции и, как сообщали каирские газеты, принял их основные условия — добиваться немедленной эвакуации американских войск и выезда Шамуна из страны. Выступив 4 августа по бейрутскому радио, вновь избранный президент Ливана подтвердил свое стремление проводить национальную политику, которая должна обеспечить независимость страны, и призвал к незамедлительному выводу иностранных войск с ливанской территории. В ответ государственный секретарь США мистер Даллес заявил, что американские войска покинут Ливан только после того, как там будет создано «стабильное правительство».

Что разумеет американский государственный секретарь под «стабильным правительством», нетрудно догадаться. Заокеанским колонизаторам нужны на Арабском Востоке правительства-марионетки, подобные правительству Шамуна — Сольха, готовые за доллары продавать оптом и в розницу независимость своей страны и ее достояние. «Кабинет» Сольха, лишенный малейшего доверия народа, вызывающий только гнев и возмущение ливанцев, пытается протянуть до формального ухода с поста Шамуна и за это время нанести побольше вреда ливанскому народу и оказать побольше услуг американским оккупантам.

Но дни тех, кто беззастенчиво предает интересы родины, сочтены. Как пишут бейрутские газеты, экс-президент Камиль Шамун собирается отбыть в Соединенные Штаты Америки. «Туда ему и дорога!» — говорят ливанские патриоты.

В ИОРДАНИИ

Английские парашютные войска опустились на землю Иордании под видом «ангелов-хранителей» этой страны и «защитников» ее независимости. Что это означало на деле, иорданцы, а вместе с ними и весь мир узнали спустя несколько дней.

Заняв аэродром «Мафрак» и другие базы вооруженных сил страны, оккупанты, численность которых спустя всего неделю превысила 6 тысяч человек, ворвались в Амман и другие города Иордании. Отстранив иорданских офицеров от командования армией, они захватили в свои руки важнейшие отделы ее генерального штаба — оперативный, разведывательный и политический.

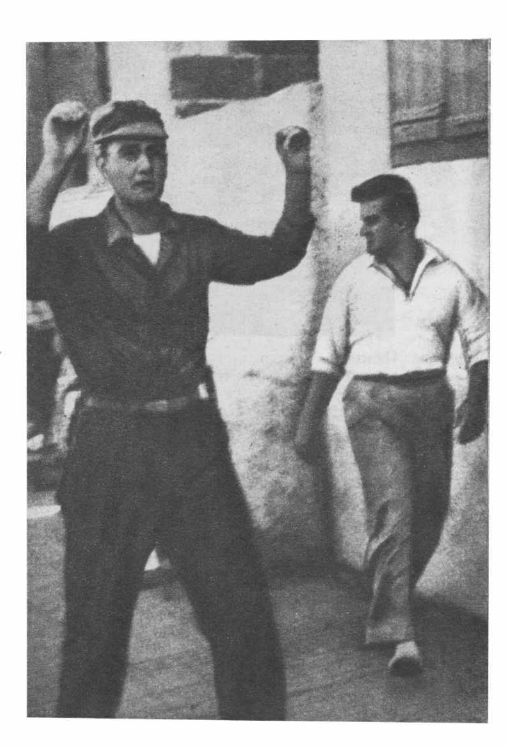
Оккупанты самовольно взяли на себя функции органов безопасности, в которых оставили работать только тех иорданцев, которые выразили готовность выполнять любые их приказы. Английские солдаты заняли здания министерства обороны, радиостанции в Аммане и Рамаллахе.

По ночам в дома и квартиры всех, кто хоть в какой-либо форме выступает против режима иностранной оккупации, врываются полицейские в сопровождении наряда английских солдат. Арестованных подвергают жестокому избиению и бросают в переполненные камеры тюрем. На иорданских патриотов непрерывно совершаются облавы. За тюремной решеткой оказались председатель парламента Хикмат аль-Масри, председатель Совета по делам государственных служащих Мухаммед аль-Умари и другие видные государственные и политические деятели.

От невыносимых пыток умер видный иорданский политический деятель аль-Хуттан, труп которого был тайком зарыт ночью в неизвестном месте. Арестован полковник Махмуд ар-Русан, бывший посланником Иордании в Вашингтоне. Недавно он был срочно вызван в Амман, где его обвинили в выдаче «секретов» соглашения между королем Хусейном и правительством Соединенных Штатов Америки и в связях с движением «свободных офицеров» — подпольной организацией, существующей в иорданской армии.

Надменно, как завоеватели, разгуливают по улицам Аммана вооруженные до зубов английские солдаты. Не встречая какого-либо противодействия со стороны местных властей, они среди бела дня совершают бандитские налеты на мирных граждан, лагеря палестинских беженцев.

Несколько дней назад перед зданием полицейского участка в иорданском городе Эс-Сальт группа английских солдат учинила зверское насилие над молодой жительницей города. Один из иорданских полицейских бросился к ней на помощь, за что назавтра был уволен из полиции, арестован и брошен в тюрьму.

Отвоевался! Солдат американских оккупационных войск в Ливане, захваченный в плен повстанцами в Бейруте.

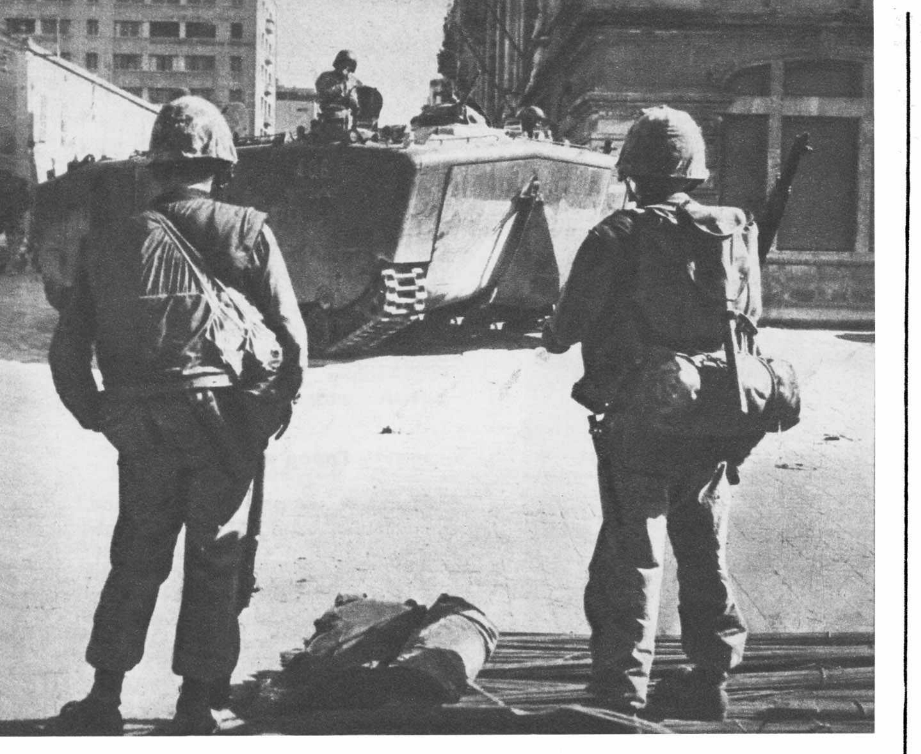
Преступления английских солдат совершаются под высоким покровительством короля Иордании Хусейна. 1 августа он пригласил к себе во дворец посла Англии в Аммане и попросил его передать в Лондон, что он полностью одобряет действия доблестных солдат ее величества на иорданской территории.

Очутившись под охраной иностранных штыков, король Хусейн лихорадочно спешит расправиться со всеми, кто выступает против ненавистного антинародного режима. По его приказу подвальный этаж королевского дворца и здание офицерского клуба в Аммане превращены в мрачные застенки. В них свезено более 200 арестованных офицеров, представляющих более трети офицерского корпуса Иордании. Среди них заместитель начальника Генерального штаба бригадный генерал Садык аш-Шараа.

Специальная комиссия под председательством начальника столичной полиции полковника Михьяра ведет следствие. Король Хусейн наблюдает за допросами и пытками своих узников, лично выносит им приговоры. Несколько дней назад дядя короля Насир,

Английские парашютисты на улицах Аммана.

Американские танки и патруль морской пехоты на улицах Бейрута.

исполняя его приказ, собственноручно расстрелял несколько офицеров, заподозренных в «подрывной деятельности».

24 июля в Аммане появился командующий английскими войсками на Среднем Востоке. Не теряя ни минуты, он приступил к делу — продиктовал королю Хусейну новый договор, связывающий Иорданию с Англией кабальными условиями. Генерал прежде всего позаботился о том, чтобы в этом договоре было зафиксировано право Англии использовать иорданские военные базы и расквартировать на их территории до 20 тысяч солдат и офицеров. Срок договора — пять лет.

Спустя неделю король Хусейн срочно вызвал во дворец Рогдан членов правительства во главе с премьер-министром Самиром ар-Рифаи и находящихся на свободе депутатов парламента. Он потребовал от них немедленно одобрить подписанный им договор. К моменту прибытия депутатов пушки оккупантов были направлены на окна дворцового зала, в котором они должны были заседать.

Обсуждение договора продолжалось 10 часов. Шесть депутатов выступили против его одобрения, за что были немедленно арестованы по приказу короля Хусейна. Английские пушки сделали свое черное дело. Они заставили большинство депутатов проголосовать за одобрение договора.

В конце заседания был объявлен королевский указ о роспуске парламента. Из условий договора депутаты парламента узнали, что взамен уступок короля Хусейна Англии последняя обязалась ежегодно выплачивать ему субсидию в 15 миллионов английских фунтов. Такова цена предательства интересов иорданского народа. Опасаясь гнева иорданцев, король даже ночью не расстается с вооруженной охраной. Его сон то и дело прерывается воем сирен полицейских «джипов» и гулкими шагами английских поработителей. Хусейн отдает себе отчет в том, что ему историей отпущено слишком мало времени. Он с дрожью ждет решения своей участи. В него не верят даже англичане. Как заявил один из депутатов английского парламента, режим Хусейна падет немедленно, как только из Иордании уйдут оккупационные войска.

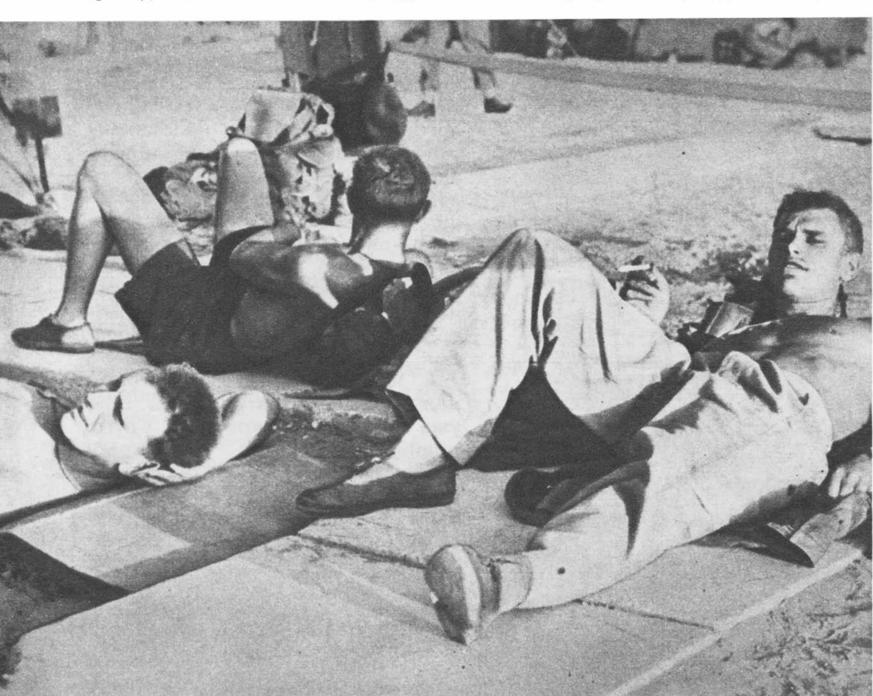
* * *

В беседе с индийскими журналистами Н. С. Хрущев сказал: «Что же касается англичан и американцев, то они в конце концов выведут свои войска из Иордании и Ливана, потому что народы этих стран не успокоятся, пока не добьются своего. И войска колонизаторов с позором уйдут оттуда».

Народы Арабского Востока, все свободолюбивые народы мира глубоко верят, что это будет именно так.

Каир (по телефону).

Солдаты английской парашютной бригады на амманском аэродроме.

«Я буду петь для вас, друзья!»

— Вас ожидают? — спросил меня лифтер, когда я назвал ему нужный мне этаж и номер комнаты.

Я утвердительно кивнул, и мы начали плавно подниматься вверх. Вдруг, повернувшись в мою сторону, лифтер как-то неожиданно улыбнулся и, не то спрашивая, не то рассуждая сам с собой, вполголоса произнес:

— К мистеру Робсону?..— И тут же добавил: — Хороший человек!

Это было в лондонском отеле «Сейнт Джеймс Корт», где в первые дни после приезда в Англию жил Поль Робсон.

Накануне мы договорились с ним по телефону об интервью для «Огонька». Бархатный голос Робсона звучал ободряюще и дружески. И все же, ожидая момента встречи, я волновался. А впрочем, кто бы на моем месте чувствовал себя иначе?

Почти восемь лет американские мракобесы старались заглушить голос великого певца. Наконец, под давлением мировой общественности, Верховный суд Соединенных Штатов был вынужден принять решение, признавшее отказ госдепартамента выдать Полю Робсону заграничный паспорт незаконным.

...Дверь открыла жена Робсона Эсланда. Через минуту, сразу заполнив собою небольшую гостиную, вошел и сам он.

Крепкое рукопожатие. По-молодому сияют его черные глаза. От фигуры Робсона веет силой и молодостью, и лишь коротко остриженные вьющиеся волосы отливают сединой.

— Я в восторге от приема, оказанного мне в Великобритании,— говорит с улыбкой Робсон.— Я люблю эту страну. С ней у меня связано много хороших воспоминаний. Отсюда я впервые поехал в Советский Союз. Отсюда я отправился в республиканскую Испанию. У меня старая дружба с британским рабочим классом — с горняками Южного Уэльса, шахтерами Шотландии, судостроителями и портовиками Глазго, жителями индустриального Манчестера. Манчестерцы были инициаторами кампании за выдачу мне заграничного паспорта, которая в конце концов увенчалась успехом.

Робсон рассказывает о своих творческих планах. Первое его выступление состоялось в субботу 26 июля по телевидению. Первый публичный концерт он даст 10 августа в одном из крупнейших лондонских залов, «Альберт Холл».

— Я выбрал этот зал потому,— говорит Робсон,— что билеты сюда дешевле, доступнее простым людям, а это для меня очень важно.

— Каковы ваши планы, Поль, в отношении поездки в Советский Союз? — спрашиваю я его.— Ведь вас там очень любят и с нетерпением ждут.

Робсон оживляется.

— О, я обязательно поеду в вашу страну! Быть на европейском континенте и не поехать в Советский Союз я просто не могу. В СССР мне хотелось бы выступить с концертами не только в Москве, но и в восточных республиках: Азербайджане, Узбекистане, Туркмении. Я мечтаю выступить перед большой аудиторией, может быть, в Парке культуры имени Горького, и обязательно хочу дать концерт для ваших детей, с которыми я очень подружился во время пребывания в СССР в 1949 году.

Постепенно разговор переходит на политику, на положение, создавшееся на Среднем Востоке. Лицо Робсона сразу мрачнеет.

— Всю свою жизнь я отдал борьбе в защиту мира. Я горжусь тем, что я член Всемирного Совета Мира, и это высокое звание обязывает ко многому.

Поль и Эсланда Робсон.
Фото Л. Величанского.

Я против вмешательства в дела других народов. Настало время предоставить народам всех стран жить так, как они хотят сами. Вот почему я направил Стокгольмскому конгрессу приветствие и пожелания успехов в его благородной работе.

Беседа близится к концу. Перед расставанием я прошу Поля Робсона сказать несколько слов читателям «Огонька».

— С удовольствием,— отвечает он и, помолчав минутку, говорит:—Я очень рад, что у меня с журналом «Огонек» и его читателями тесные дружеские отношения. Мне доставляет удовольствие переписка, которую я поддерживаю с редакцией этого журнала. Я регулярно получаю и читаю «Огонек», а посвященную мне фотографию, где я снят со своей семьей, я вырезал из журнала и всегда вожу с собой. Я горячо благодарю читателей «Огонька» за дружеские чувства и с нетерпением жду встречи, которая, надеюсь, произойдет в самом ближайшем будущем. Я буду петь для вас, друзья!

Г. АЛЕКСАНДРОВ

Лондон.

С. МОРОЗОВ

Фото О. КНОРРИНГА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

СИЛЬНЕЕ СТИХИИ

Только крыши домов виднеются над бескрайним разливом.

Растут защитные дамбы вокруг Благовещенска.

От натиска разбушевавшейся реки обороняются и наши соседи — китайцы.

Город в осаде

Пожалуй, ни один из городов, отмечавших свои юбилейные даты, не справлял "день рождения" в столь своеобразной обстановке, как пограничный с Китаем Благовещенск, которому недавно исполнилось 100 лет.

Тяжелую осаду выдержал город во второй половине июля 1958 года. Стремительный и жестокий штурм отразил он в эти дни, когда его атаковал внезапный разлив Амура и Зеи.

Наводнение в разгар лета, возможно, удивит волгарей, днепровцев, жителей придонских станиц. Но для дальневосточников это — сравнительно частое явление. Именно в разгар лета тают снега на горах, и бесчисленные ручейки, вчера еще мирно журчавшие по камням, вдруг вздуваются пенистыми потоками. А потом, выйдя из скалистых теснин на равнинный простор, впадают в большие реки, и избыток воды захлестывает луговые поймы, подступает к околицам деревень, к городским предместьям. Так повторяется на Дальнем Востоке из года в год, а порой, когда к таянию снегов прибавляются еще и ливни, паводок перерастает в наводнение.

Недаром говорят старожилы: «Грозен батюшка Амур, своенравна его дочь красавица Зея». Недаром на гербе Амурской области зеленый щит, окруженный колосьями, перечеркнут волнистой серебряной лентой. Дальневосточная житница, богатая плодородными землями, чрезмерно обильна и водой.

— Опасаемся, что вода поднимется до уровня 1928 года — наибольшего за все время существования Благовещенска, когда было затоплено две трети города,— так сказали нам вечером 17 июля в исполкоме областного Совета депутатов трудящихся.

В комнате, где уже не первый день работала чрезвычайная комиссия по борьбе с наводнением, часто звонили телефоны. Ежеминутно принимались сообщения из Свободного, Сковородина и других районных центров, из соседней Читинской области, с верховий Амура. Обсуждались синоптические сводки, прогнозы гидрологов. С аэродрома неподалеку взлетали самолеты и вертолеты, к затопляемым селам плыли пароходы и баржи. Но сам Благовещенск, расцвеченный праздничными плакатами, принарядившийся к юбилею, выглядел еще спокойно. По набережной как ни в чем не бывало разгуливала молодежь, хотя вода подходила уже к изгороди бульвара.

А на следующее утро город нельзя было узнать. Воды Зеи, уже залившие окрестные луга, поднимались вверх по оврагу Бурхановки, и безвестная, воробью по колено речушка эта была готова вот-вот расплескаться по соседним рабочим кварта-

лам. Поднятые на рассвете по тревоге благовещенцы толпами шагали по улицам с лопатами на плечах. Самосвалы мчали к набережным землю, песок, во дворах и на пустырях грохотали экскаваторы и бульдозеры. Строить защитные дамбы вышли рабочие, студенты, служащие учреждений.

Дамбы росли и вширь, и ввысь, и в длину — на 18 километров протянулись они вдоль Амура, Зеи, Бурхановки.

Зазейцы — отчаянный народ

На набережной уже залиты цветочные клумбы, и дежурные спасательные катера причалили прямо к лавочкам. Отдаем швартовы, заводим мотор, и маленькое суденышко выносит нас на простор разлива. Подгоняемые течением, плывем туда, где на горизонте едва виднеются над водой кроны деревьев, крыши домов пригородного поселка Зазейского. Туда же торопится и белоснежный «Москвич» — речной трамвай. Одновременно с ним пристаем к стоящей на якорях барже. Сейчас этот плавучий причал зазейского речного вокзала напоминает ковчег. На палубе — куры, коровы, свиньи. Седоусый шкипер Михаил Иванович Забродин, окруженный толпой босоногих ребятишек, похож то ли на библейского Ноя, то ли на некрасовского деда Мазая.

Солдаты на трех «амфибиях» курсируют между поселком и баржей. Их командир лейтенант Зимин озабочен не на шутку. Мудрено военному человеку командовать гражданским населением, да еще таким несговорчивым.

— Вы глядите, на крышах сидят, а с домами никак не расстанутся... Народ тут бывалый, отчаянные люди...

— И что вы тревожитесь, товарищ начальник? Мы плавать умеем,— говорит кудрявая девушка, с явной неохотой сползающая с крыши на борт «амфибии». В руках у нее зеркало. Она ловко ставит его к борту и начинает приводить в порядок свою изрядно помятую прическу.

Наш катер тем временем плывет по поселку. Мелькает над водой желтая с черными буквами вывеска: «Шоссейная дорога Благовещенск —...». Следующая строка уже затоплена.

...На крыше пристройки одного из домов в большой застекленной раме портрет матроса. Вокруг никого, если не считать жалобно блеющей козы на привязи.

— Ваш дом, дедушка? — спрашиваем старика, появившегося вдруг на утлой лодчонке откудато сбоку, из-за кудрявой макушки яблони.

— Точно, мой,— отвечает он.— Раздобреев я, Алексей Никифорович, в Первомайском парке сторожем служу. А вам, граждане хорошие, какая до меня забота?

— Вы что же, один тут остались, Алексей Никифорович?

— Это как сказать,— неопределенно тянет наш собеседник.

Но в конце концов, убедившись, что мы не требуем от него немедленной эвакуации, подает зычную команду:

— Ларионовна, вылазь!

Из слухового окна появляется старушка и, неодобрительно поглядев в нашу сторону, заявляет:

— Нам к воде не привыкать.

И в подтверждение своих слов кивает на застекленную раму.

— Видали, какого орла-моряка вырастили!

Однако время кормить козу, и Ларионовна вся отдается этому занятию, не удостаивая нас больше вниманием.

На обоих берегах

Вернувшись в Благовещенск, мы рассказывали в чрезвычайной комиссии об этом эпизоде.

— Мужественные старики, говорите? — хмуро произнес седой, бледный от бессонницы Иван Семенович Зыков, заместитель председателя облисполкома.— Дают нам жа́ру эти мужественные старики. У нас в области сейчас их, знаете, сколько! Не хотят насиженные места бросать — и баста! Вот и приходится у каждого населенного пункта пароходы да баржи держать наготове. Этак флота не напасешься.

Тем временем телефон звонил без устали.

— В Экимчан вертолет уже прибыл? Народ с пятачка вывез?— спрашивает, сняв трубку, Зыков и, получив, видимо, положительный ответ, отдает распоряжения.— Теперь пусть в Февральское летит, там тоже помощь нужна. В Петропавловку санитарный самолет пошлите — срочно вывезти больного директора школы... Угораздило ж человека: в такие дни — и приступ аппендицита...

Где это Экимчан, Февральское? Далеко, очень далеко отсюда, в горах.

Снаряжается воздушная разведка на другую горную реку, Нюкжу,— там надо разыскать отряд геологов, от которого давно уже нет вестей. И снова телефонный звонок.

— Слушаю. Зыков. А, из Поярково... Ну как там наш гость? А кто оперировал? Меньшиков? Это который же, из Райчихинска?.. Ну, молодцом, молодцом. Сейчас сообщим в Хэйхэ, порадуем товарища Ван Шоу-тана. Как больного звать? По буквам давайте... Ю Фун-суй, так? Ага, записал...

Китайский крестьянин Ю Фун-суй, наверное, понятия не имел о том, сколько людей на обоих берегах Амура были озабочены его судьбой.

Беда постигла и жителей китайского берега. На постройке дамбы в родной деревне Ю Фун-суй получил тяжелую травму. Советский пограничный катер привез его в районную больницу села Пояркова. Из соседнего шахтерского городка Райчихинска срочно прибыл опытный хирург Меньшиков.

Забегая вперед, скажем: через несколько дней, будучи в Пояркове, мы познакомились с Ю Фун-суем, которого все в больнице звали уже на русский лад Юрой. У постели больного дежурила его землячка, учительница Ван Су-фан, по-поярковски Валя. Она-то и перевела нам с китайского одну-единственную фразу больного, произнесенную еще очень слабым голосом:

— На вашей земле я вновь родился... Спасибо, друзья...

Друзья и соседи... Не случайно минувшей зимой в новогодние праздники на скованном льдом Амуре вокруг иллюминированной елки вместе веселились русские и китайцы — жители Благовещенска и Хэйхэ. Теперь сыны двух великих народов единым строем, плечом к плечу, вышли на борьбу со стихийным бедствием.

Катерок под зеленым флагом пограничников отваливает от благовещенской дамбы и через несколько минут подходит к затопленной набережной Хэйхэ. Вода здесь уже подступила к первым этажам больших каменных домов, вторглась в низину рядом с Народным парком. Тысячи людей днем и ночью трудятся тут: пожилые, с обветренными лицами шкиперы парусных джонок, молодежь в легких костюмах со знаками местного спортивного клуба.

Дружно поднимается и опускается увесистая «баба», утрамбовывая землю. Не умолкая, тарахтят моторы насосов, и по трубам, перекинутым через дамбу, хлещет обратно в Амур просочившаяся в город вода.

Нашего спутника — полковника погранвойск Петра Ивановича Бушмана — многие жители Хэйхэ приветствуют как давнего приятеля. Знакомимся с Ван Шоу-таном — первым секретарем окружкома партии, с Ду Цзянь-у — заместителем председателя народного комитета Хэйхэ, с У Вень-су — сотрудником газеты «Хэйхэжибао».

— Сегодня уровень реки уже на три метра выше набережной,— рассказывает наш китайский коллега,— но, как видите, держимся. Хуже дела в верховьях. Спасибо вашим пограничникам и водникам, крепко помогли нам в Мохэ.

У Вень-су рассказывает, как несколько дней назад советские катера и пароходы эвакуировали в деревню Игнашино жителей затопленного китайского городка Мохэ.

Над Амуром

...Минуту назад на старте внизу под нами волновалась трава, взбаламученная воздушными струями от винтов вертолета, а вот уже всюду, куда ни глянь, настоящими волнами рябит под настоящим ветром неоглядная ширь Амура. Трудно, наверное, сейчас капитанам судов находить фарватер, когда разливом захвачены и луга поймы, и лесистые острова, и селения. Гнутся, клонятся под напором течения вековые деревья, вот-вот, кажется, вырвет их с корнями, и они поплывут. Бесчисленными «дрейфующими островками» движутся стога сена. Крохотными, едва приметными вехами маячат кое-где крыши домов.

Мы летим от Благовещенска вверх по Амуру вдогонку теплоходу, везущему продовольствие в пострадавшие районы. В поселке лесорубов Кумара высадим двух кооператоров, посланных для организации снабжения. Пилот Владимир Филимонович Матвеев уверенно ведет машину знакомым курсом. По тому, как машут нам снизу люди, толпами собирающиеся то на советском, то на китайском берегу, видно, что вертолет здесь частый гость.

Садимся на окраине Кумары. Приезду кооператоров рады все, хоть особой нужды в дополнительном снабжении пока нет.

— Спасли мы свой магазин да склады,— не без гордости заявляют кумаринцы и, показывая в сторону противоположного берега, продолжают озабоченно:— А вот соседям труднее: смотрите, что делается!

Смотрим в бинокль. От китайского села, стоявшего в устье речушки, остались только две крыши над водой.

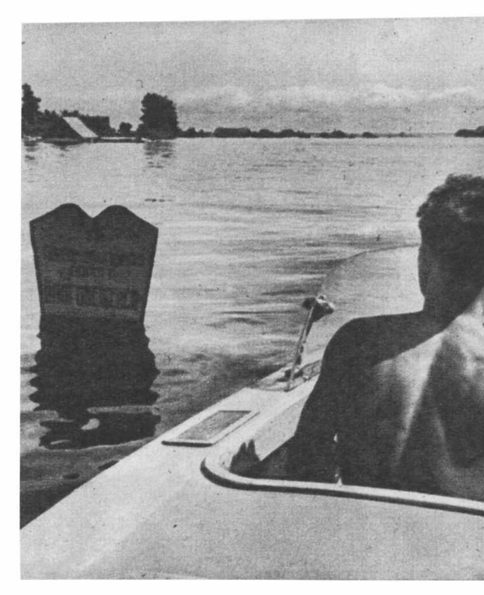
Уже отправляясь в обратный путь, примечаем с высоты радостную деталь пейзажа, которая прежде как-то выпадала из поля зрения: всюду у края воды темнеет сероватая полоска заиленной травы. Верный признак отступающего наводнения, которое оставило далеко позади памятный уровень 1928 года.

Спасательные работы велись энергично, широко. В Амурской области благополучно, без единой человеческой жертвы эвакуировано 30 тысяч жителей. Отстояли Благовещенск. Выстоял и Хэйхэ. Амурский обком партии и облисполком получили благодарственную телеграмму из Харбина от руководителей Хэйлунцзянской провинции.

Дружба двух великих народов сильнее стихии!

Советский вертолет над китайским селом.

По автомобильной дороге на катере.

Советские артисты в Брюсселе

Фото Е. Умнова.

Государственный украинский народный хор. Руководитель — заслуженный деятель искусств УССР Г. Веревка.

Посетителям Всемирной выставки в Брюсселе предоставлена широкая возможность ознакомиться и с искусством стран — участниц выставки. Для этого установлены Национальные дни стран.

11, 12 и 13 августа состоятся Национальные дни Советского Союза.

Художественная программа Национальных дней Советского Союза широко и разнообразно представляет искусство пятнадцати союзных республик. Десятки хоровых, танцевальных и музыкальных ансамблей, большое число солистов-певцов, музыкантов и танцоров покажут в эти дни свои творческие достижения.

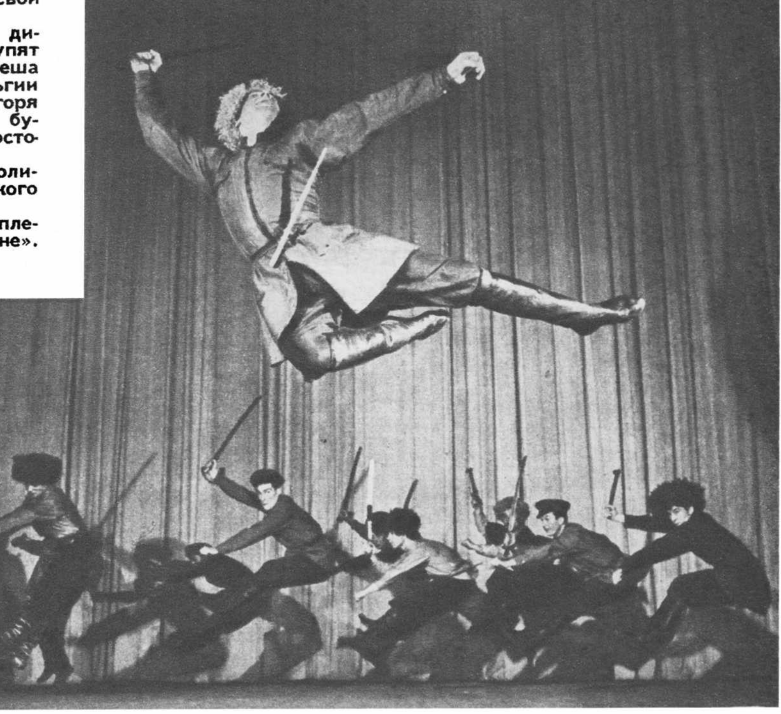
Государственным симфоническим оркестром дирижирует Константин Иванов. У рояля выступят Лев Оборин и пятнадцатилетний пианист Алеша Наседкин. Тридцать семь концертов даст в Бельгии Ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева. Первое его выступление, в котором будет повторена программа гастролей в США, состоится во Дворце изящных искусств.

Москва и Ленинград послали в Брюссель солистов Большого театра СССР и Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Концертная программа заканчивается выступлением мощного сводного хора — «Песней о Родине».

Советский павильон на Всемирной выставке.

Фото Ю. Королева.

Государственный ансамбль народного танца Союза ССР. Хореографическая картина «Партизаны». Солист — Л. Голованов.

Народная артистка Казахской ССР Р. Багланова.

Солисты Литовского государственного ансамбля песни и танца П. Томашайтис, А. Жемайтис и Р. Томашайтене.

← Танец Хозяйки Медной горы и Данилы из балета «Сказ о каменном цветке». Исполняют солисты Ленинградского государственного театра оперы и балета имени С. М. Кирова А. Осипенко и А. Грибов.

Буэнос-Айрес.

3. НЕ НАДО ТРЕБОВАТЬ ОСЬМИНОГОВ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Чрево Буэнос-Айреса

С первых дней нашей жизни в столице Аргентины над нами взяли зримое и незримое шефство литераторы и общественные деятели: Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон, Бернардо Кордон, Мариа Роса Оливер и другие. Большую помощь оказывал институт «Аргентина — СССР» — центр, в котором мы почувствовали подлинный интерес к жизни народов Советского Союза. В помещении этого института была устроена встреча аргентинцев с советскими журналистами. В течение нескольких часов мы отвечали на вопросы о жизни нашей Родины. Люди хотели узнать правду, так как измышления и ложь о нашей жизни не редкость на страницах некоторых южноамериканских изданий. Иногда вопросы вызывали у нас улыбку: неосведомленность и неправильные представления о Советском Союзе были просто удивительны. Так, во время открытия фотовыставки, которую привез с собой Анатолий Гаранин, его спросили:

— Может ли в Советском Союзе человек сфотографироваться?

— Как сфотографироваться? — не понял Гаранин.

— Обыкновенно... Сделать себе десять — двадцать фотографий за деньги. Есть ли у вас фотоателье?

Гаранину оставалось только пожать плечами.

В институте работает кружок по изучению русского языка. В одной из комнат мы заметили черную школьную доску, на которой мелом по-русски было написано: «Я читаю интересную книгу».

Интереснейшую книгу жизни аргентинского народа читали и мы. В Буэнос-Айресе шла кипучая жизнь. Естественно, не успевая быть всюду, мы многое узнавали из газет. Шла забастовка строителей. «Нас не могут победить голодом! Доведем забастовку до победы»,— писали строители. В знак солидарности забастовку объявили рабочие и служащие телефонных станций, химической и бумажной промышленности.

Домовладельцы повышали квартирную плату. Некоторые газеты разоблачали их несостоятельные доводы: домовладельцы ссылались на повышение зарплаты еще не выигравшим забастовку строителям.

В это время Никсон уже был соответствующим образом принят в столице Перу городе Лиме. «Никсону,— писала одна из газет,— был нанесен удар в шею, не причинивший увечий и повреждений. Одному из его помощников, секретному агенту Джону Шервуду, выбили зуб. Вице-президент выглядел очень рассерженным из-за того, что полиция столицы Перу не сделала ничего, чтобы предотвратить уничтожение американского национального знамени».

Газеты давали и объяснения по поводу такого приема Никсона:

«Перуанцы раздражены экономической политикой Соединенных Штатов и в особенности их политикой в отношении свинца и цинка». Все более открыто критиковались Соединенные Штаты Америки: «После падения нацизма центр мировой реакции переместился из Берлина в Вашингтон. Таким образом, опасность, исходившая раньше от власти фашистов Гитлера и Муссолини, теперь исходит от империализма янки — захватчика Гватемалы, притеснителя народов. Поэтому в настоящее время никого не удивляет, что янки привлекают к выполнению своих планов оставшихся в живых нацистов».

Однажды мы посетили профсоюз строителей и провели два часа с его руководителями. Именно там мы как-то особенно почувствовали оптимизм и уверенность в будущем Аргентины. Строители к тому времени уже выиграли забастовку. Они говорили:

— Мы всё начинаем заново. В кассе профсоюза сейчас, кроме долгов, ничего нет. Это естественно. Долгое время хозяевами профсоюза были назначаемые перонистским правительством военные чиновники. Можете себе представить, что они делали с профсоюзной кассой?!

Мы жадно изучали город, его жизнь, встречались с десятками людей, представлявших различные социальные группы.

Однажды писатель Бернардо Кордон, с которым мы очень подружились, сказал:

— Вы видели чрево Парижа?

— Конечно.

— Вы не можете уехать отсюда, не повидав чрево Буэнос-Айреса!

— Так ведите нас туда.

— Там надо появиться в три часа ночи, когда начинается торговля.

— Хорошо, пойдем в три часа ночи.

— Есть такой план. В десять вечера мы отправимся в государ-

См. «Огонек» №№ 31, 32.

В итальянской таверне пел певец...
Фото А. Гаранина.

ственный театр Сервантеса и посмотрим новый спектакль «Двенадцатая ночь». В двенадцать отправимся в итальянскую таверну, попробуем национальные блюда и вина, а затем осмотрим рынок. Вам нравится такой план?

— Очень.

Театрально-зрелищная жизнь в столице Аргентины начинается поздно. В летние месяцы в Буэнос-Айресе очень жарко и душно. Только к ночи приходит относительная прохлада.

На афише при входе в театр мы прочли: «Не быть овечке... барашком».

— Вы же говорили, что будет «Двенадцатая ночь»?

Кордон протянул нам программу:

— Здесь все объясняется... Леон Фэлипэ немного исправил и сократил пьесу... Частично осовременил ее, пересказал на свой манер, ни в чем не изменяя Шекспиру, с огромным уважением к его поэзии.

В программе было написано: «Новое вино не исключает старого бурдюка — получился тот же самый общий смысл и все необходимое благоухание для того, чтобы мы наслаждались этим произведением всегда».

Незнание языка, конечно, помешало нам узнать, насколько благоухало новое вино в старом бурдюке, но, во всяком случае, тонкая и лукавая шекспировская комедия как-то соответствовала внутреннему виду театра, построенного в староиспанском стиле. Талантливые актеры Орестес Гавилья, игравший капитана Карранцано, и особенно Дэлия Гарсес, исполнявшая роль Виолы и Сесарио, увлекли зрителей. Забавные превращения, следовавшие одно за другим, находили сочувственный отклик в зале.

Писательница Мария Тереса Леон все время поглядывала на нас во время спектакля, как бы проверяя, нравится ли то, что мы видим.

— Мы все очень любим этот театр. Здесь все из Испании. Буквально все, от этих люстр в фойе до кафеля, который у вас под ногами. Все привезено из Испании.

В Аргентине живет много испанцев, перекочевавших сюда после 1939 года. Многие из них нашли себе здесь второй дом, но по-прежнему любят свою родину. Вообще великая испанская культура оказала огромное влияние на музыку, литературу, на все искусство Аргентины и свято почитается теми, кто связан с Аргентиной многими поколениями, и еще больше теми, кто оказался в ней сравнительно недавно.

Как-то, находясь в гостях у замечательного гватемальского писателя Мигеля Астуриаса, вынужденного из Гватемалы эмигрировать в Аргентину, мы вдруг все замолчали, заслушались безвестного певца, который так пел об Испании, что куда-то отодвинулись дела, о которых мы разговаривали.

Итальянская таверна оказалась очень колоритным заведением. Потолочные балки и стены были увешаны пустыми, пузатыми, в соломенной упаковке винными бутылками и окороками. На стенах висели объявления:

«Требуйте лягушек!»

«Требуйте осьминогов!»

Ящики с винными бутылками стояли прямо посреди таверны, видимо, не столько из-за того, что не было места, а просто для придания романтической окраски обстановке.

В первом часу ночи в таверне почти никого не было. Сидела только небольшая группа людей, слушая своего товарища, который пел какую-то несложную песенку о том, как она покинула его и поэтому, собственно говоря, жизнь его пришла к финишу. Голос у певца был высокий, моментами казалось, что добрая певческая итальянская школа оставила на нем свой благотворный след, но где-то он начинал хрипеть, и тогда становилось ясно, что певец, может, когда-либо и был прилежным учеником этой школы, но не удержался в ней, а перекочевал в способные ученики Бахуса. И все же в песне была душа.

И эта типичная итальянская таверна с грубыми столами, покрытыми простенькими скатертями, и еда, ужасно острая, приправленная известным на весь мир жгучим чилийским перцем с труднопроизносимыми названиями — сардимера и берекхила неаполитанская,— все располагало к откровенности. Еще со следами свежевытертого грима на остром, аскетическом лице с нами сидел директор театра Орестес Гавилья, он же постановщик спектакля, он же исполнитель роли капитана Карранцано, он же муж примадонны театра Дэлии Гарсес. Поднявшись со стаканом красного вина в руке, он сказал:

— Друзья, вот сегодня в Буэнос-Айресе люди, приехавшие из Москвы, в театре Сервантеса смотрели пьесу английского драматурга, к которой приложил дружескую руку испанец... Все это я имею возможность говорить в итальянской таверне. Настоящее искусство всегда имеет свои национальные корни и всегда интернационально. Поэтому во всем мире знают Шекспира и Островского. И я никогда не забуду однажды увиденный мною спектакль «Гроза». Мне хочется пожелать вам, гости из Москвы: пусть и дальше русское искусство будет впереди, так же, как русские идут впереди во многих делах.

Люди, сидевшие за соседним столом, поднялись и подошли к нам.

— За Россию!

— За Аргентину!

— За Советский Союз!

— За дружбу!

Вернувшись к своему столу, певец хрипловатым голосом запел «Вернись в Сорренто»...

Возле меня сидел милый, но очень молчаливый человек. Он был не очень удачливый писатель, он знал это и, видимо, стеснялся своих неудач. Неожиданно он обратился ко мне:

— Не хотите ли осьминога?

— Нет, спасибо... Предпочитаю ломо.

— А то можно... Здесь есть.

— А много у вас осьминогов?

И вдруг по лицу моего соседа пробежала улыбка.

— Больше чем нужно.

— Не понимаю.

— Иногда самих осьминогов не видишь, но щупальца чувствуешь.

— Это, вероятно, уже не в ресторанном блюде?

— Конечно.

И сосед по столу рассказал мне горькую повесть о том, как нелегко бывает настоящим патриотам, которые всюду чувствуют щупальца чужой страны, пытающейся задержать рост Аргентины.

— Это во многих отраслях... И даже в литературе.

— А вы еще вешаете объявления «Требуйте осьминогов!»,— пошутил я, указывая на плакат.

— Эти осьминоги—полевые бабочки по сравнению с теми, о которых я говорю...

— Так напишите: «Не надо требовать осьминогов!»

Было уже около трех часов ночи. Бернардо Кордон поднялся.

— Пора.

Мы вышли из таверны. Влажный теплый воздух, насыщенный чуть прелым запахом овощей, пахнул нам в лицо. Рынок начинался около таверны.

— Сейчас темно, не увидите... Да и вкусы сейчас другие,— сказал Кордон.— А когда-то, двадцать лет назад, архитектор, спроектировавший это здание, даже получил премию.

Возле стен рынка один к одному стояли желтые, красные, синие автомашины, нагруженные ящиками, корзинами, мешками овощей. Здесь же, вперемежку с автомашинами, такие же неподвижные, возвышались массивные першероны. На улице было сравнительно тихо, но внутри рынок разноголосо гудел. Чрево пятимиллионного города начинало жить. Шла купля-продажа мяса, картофеля, помидоров, капусты, всякой другой зелени, которой столь богаты плодородные земли Аргентины. Уследить, кто покупает и кто продает, было невозможно. Только выделялись потные грузчики в крылатых брезентовых шляпах, чем-то похожие на рыбаков. Они взваливали на могучие плечи мешки и ящики, уносили куда-то, чтоб заполнить ненасытное чрево столицы.

— Через два часа все это, уже по двойной цене, будет продаваться в лавочках и магазинах,— сказал Кордон.

В рынок въезжали груженые и выезжали пустые автомашины. На нашем пути попался пожилой человек, несший за спиной небольшой мешок. Рядом с ним шел подросток с корзинкой в руках, из которой выглядывали розовые пучки морковки.

— Разве здесь не только оптовая торговля?

— Этого, видно, пожалели.

Мы шли по рынку, провожаемые взглядами грузчиков и шоферов. Заметив, что Анатолий Гаранин без устали снимает, грузчики принимали картинные позы. Глаза у них были озорные и веселые...

Когда мы вышли из ворот рынка, над городом уже играли первые блики рассвета.

Издают ли в России Леонида Андреева!

Нам предложили осмотреть театр оперы и балета «Колон». У входа в театр нас встретил человек средних лет со шрамом на щеке и пригласил за кулисы.

Был полдень. На сцене шла репетиция балета «Жизель». Что-то знакомое показалось в черноволосой женщине в зеленой шерстяной кофте, руководившей репетицией. Резким, почти мужским голосом она что-то объясняла балеринам, столпившимся возле нее.

— Это Алисия Алонсо — кубинская балерина.

— Алонсо?

— Да, после Москвы она приехала в Буэнос-Айрес. Ставит у нас «Жизель»,— сказал человек со шрамом на лице.—Одну минутку.— И он подошел к балерине.

Алисия Алонсо прервала репетицию.

— О,— сказала она,— какая приятная встреча! Увезти столько хороших воспоминаний о Москве и в Буэнос-Айресе снова встретиться с русскими!

— Мы видели вас в Большом театре...

— О, да, да! — говорила Алонсо. — Не хотите ли посмотреть репетицию?

Мы спустились в зрительный зал. С момента нашего появления за кулисами около нас все время находился плотный, начинающий седеть человек. В зрительном зале он подошел к нам и сел рядом.

— Скажите,— спросил он почти шепотом,— в России сейчас издают Андреева?

Вопрос был настолько неожиданным, что мы даже не поняли, о каком Андрееве идет речь.

— Значит, это правда, что не издают?

— Вы говорите о Леониде Андрееве?

— Да, именно о нем.

— Издают... Недавно вышли его произведения: «Рассказ о семи повешенных», «Жили-были» и другие. А почему, собственно, вас заинтересовал Леонид Андреев?

— Извините, но я его сын,— сказал человек с неуловимым акцентом.— Не удивляйтесь, я один из сыновей русского писателя

Буэнос-Айрес. Проспект 9-го июля.

АРГЕНТИНА

Фото А. СОФРОНОВА.

Одна из площадей Буэнос-Айреса.

«Огонек».

Буэнос-Айрес. В пригороде столицы.

На торговой улице.

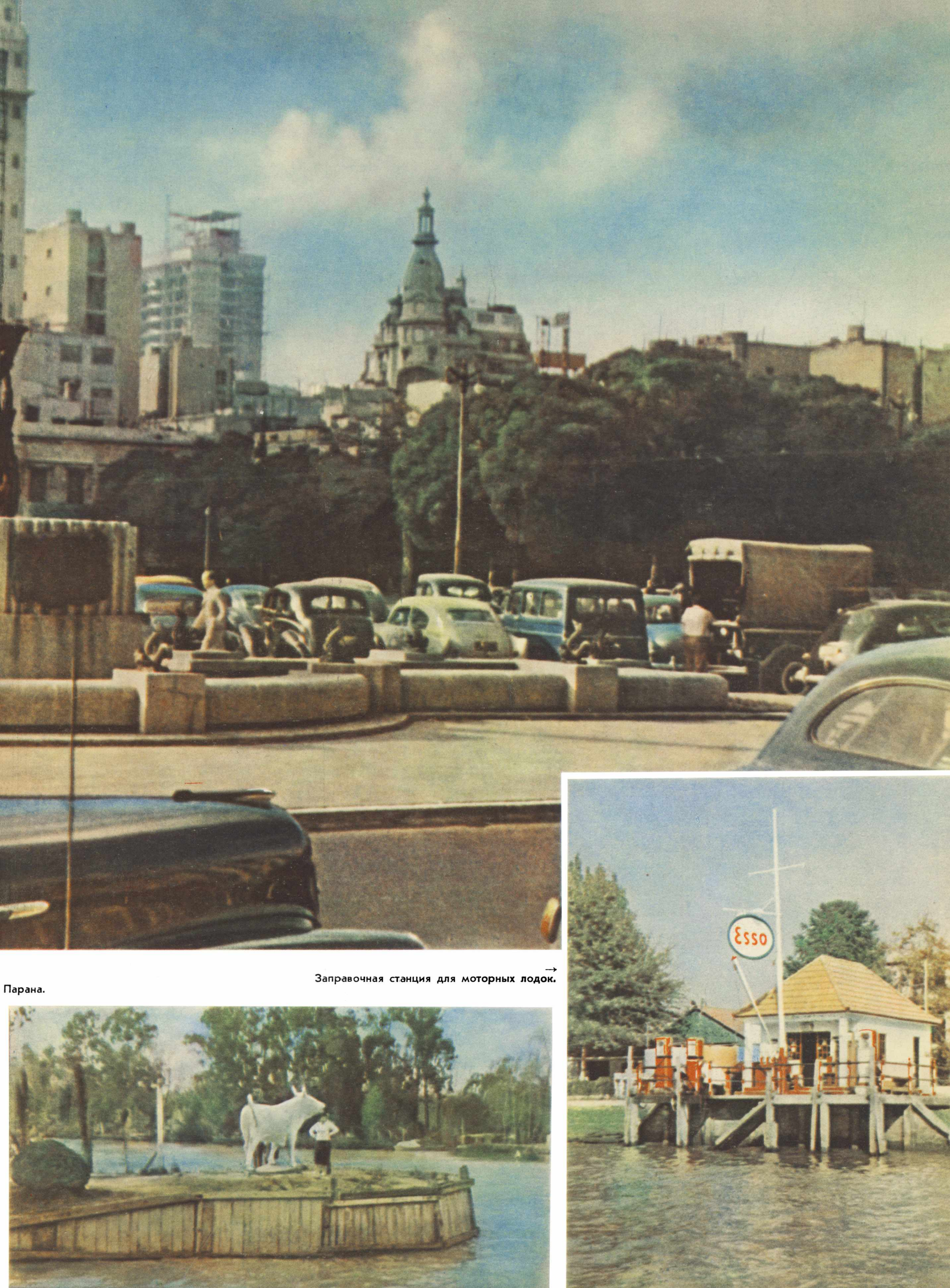

Центр города.

На реке

Заправочная станция для моторных лодок. →

Парана.

Религиозное шествие на севере Аргентины в провинции Сальта.

Так готовится национальное аргентинское блюдо ассада.

Леонида Андреева. Мой брат, как мне известно, собирается в Москву.

— Да, это верно.

— А я вот здесь танцую в балете.

— Как же вы живете?

— Ничего... Но сейчас трудно, все дорого.

— Вы женаты?

— Нет... то есть был... Впрочем, сейчас нахожусь в периоде увлечения... Это нужно для души.

— И ничего не знаете о своей родине?

— Немного. Но, знаете, все сложно. Поэтому я стараюсь быть в стороне... Красные, розовые, белые... Все сложно... Я, правда, был на двух киносеансах в вашем посольстве. Смотрел фильмы «Отелло» и «Ромео и Джульетта». Но после этого некоторые со мной даже не разговаривали...

— Из-за того, что вы смотрели эти фильмы?

— Нет, из-за того, что я был в советском посольстве.

— А вы знаете, дочь Александра Ивановича Куприна вернулась на родину, в Москву?

— Ксения? Что вы говорите?! — Наш собеседник вдруг оживился.— Вернулась? Интересно... А я вот живу почти без друзей...— продолжал он уже печально.— Один друг, впрочем, есть. Но он боится к вам подойти...

— Почему так?

— Бывший премьер одесского балета... Владислав... Он из Одессы ушел с немцами. Попал сюда во время войны... «Проклятая война,—говорит,—я из-за нее потерял волосы, облысел созершенно!» Да вон он стоит! — показал рукой Андреев на лысого человека, наблюдавшего за нами.— Он даже плакал... Пил много... Его хотели выгнать из театра, но он взял себя в руки... А Куприна, значит, вернулась?

— Да, вернулась, совсем...

Сын Андреева замолчал. На сцене Алисия Алонсо сняла туфли на высоких каблуках, надела балетные туфельки и закружилась, показывая партию Жизели молодой аргентинской балерине.

Во время перерыва мы подошли к ней попрощаться.

— Ах, я так часто вспоминаю Москву и Ленинград! — сказала Алонсо. — У вас такие замечательные зрители! Передайте им мою благодарность за сердечный прием.

Сын Андреева отошел от нас.

— Ну, что, поговорили с тобой... товарищи? — услышали мы злобный шепот человека, у которого война освободила голову от растительности.

Так и оставшийся неизвестным аргентинец со шрамом на лице, провожая нас, сказал:

— У меня одна мечта: собрать деньги, приехать в Москву и каждый день смотреть русский балет. Поверьте мне, что я это осуществлю.

...И не только футбол!

Где, когда, в какой стране любитель футбола откажется от приглашения футбольного клуба посетить стадион? Только те, кто, листая, как страницы поваренной книги, годы своей жизни, оказался не затронутым этой всепожирающей страстью XX века, могут остаться равнодушными к бетонным трибунам, к круглому, как земной шар, кожаному мячу и победному реву стадиона. Среди нас таких почти не было. Почти... Но я не назову ни одной фамилии, хотя бы ради того, чтобы от них не отвернулись читатели, привыкшие видеть в своих авторах передовых людей века. Итак, мы получили приглашение посетить самый популярный в Аргентине спортивный клуб «Ривер-плат» и посмотреть игру футбольной команды этого клуба с «Россарио-централ» — командой, опекаемой буэнос-айресскими железнодорожниками. У стадиона мы были встречены уже немолодым, седеющим человеком с живыми черными глазами. Это оказался Арон Гольфман, один из руководителей клуба, сам в прошлом футболист. Ему было поручено заняться нами на стадионе.

Пора поздней осени в Буэнос-Айресе — время еще достаточно жаркое, особенно в дни, когда не идут дожди и не дуют сильные ветры.

В этот день было тепло, а на солнце даже жарко. Первым делом Гольфман купил нам козырьки от бьющего в глаза солнца. Затем провел на трибуны. Стадион был пустоват. Гольфман сказал:

— Извините, но я не обещаю вам сегодня хорошей игры. Восемь игроков из «Ривер-плат» входят в сборную страны, которая уехала сейчас играть в Чили!

Это было время, когда в шестнадцати странах, команды которых вошли в розыгрыш мирового первенства, все любители футбола считали, что кубок «Золотой богини» будет у них. Аргентина не была исключением. Когда я спросил Гольфмана, кто завоюет мировое первенство, он, пожав плечами, ответил:

— Вы ставите меня в неловкое положение. Я же вам сказал, что восемь игроков из нашего клуба входят в сборную страны, а раз так, то мы считаем, что первенство будет за Аргентиной.

— А не за нами?

— Мне неудобно, я хозяин здесь и должен быть гостеприимным, но вынужден все же сказать, что мы рассчитываем предоставить на четыре года убежище «Золотой богине». В крайнем случае я желаю вашим футболистам быть финалистами. Но пока, как человек суеверный, советую не решать вопроса, кто оседлает еще не пойманную лошадь.

Команды вышли на поле. «Ривер-плат» — в белых футболках с красной лентой через плечо, «Россарио-централ» — в черно-желтых зеброобразных майках.

— Как вы думаете, почему на белой футболке красная лента?— спросил меня Гольфман. — Когда родилась эта команда, никакого клуба не было. Играли все в белых рубашках. Для того, чтобы можно было отличить друг друга, надевали через плечо красную ленту. А потом уже сделали это формой. Обе эти команды зародились на одной улице. Тогда все было просто. Теперь наши команды — враги... Между ними прямо война. Уп-па! — вдруг воскликнул Гольфман и неистово захлопал в ладоши.

Шла пятнадцатая минута. В ворота «Россарио-централ» под самую планку влетел мяч. Гольфман был в восторге.

— У нас играют классические игроки... Мы даже помогаем игроками другим странам.

— Помогаете?

— Ну... Передаем... Вот, например, игрока Хувенто передали Италии...

— Просто так, безвозмездно?

— Я же не могу вам сказать, что мы его продали, но... нам за него заплатили.

— И много?

— Примерно восемь — десять миллионов песо.

— И часто вам это приходится делать?

— Нет, у нас есть и старые кадры... Вот, например, Лабруно. Мы недавно отметили его «серебряную свадьбу». Он уже двадцать пять лет играет в нашем клубе, сейчас он в Чили и будет выступать за сборную Аргентины. В день «серебряной свадьбы» он получил много подарков...

— А куда же идут деньги от... продажи игроков?

— У нас много расходов... Мы уже около двадцати лет строим стадион... И он, видите, все еще какой? — Гольфман показал на недостроенные трибуны.— Еще много осталось сделать.

— Простите за нескромный вопрос: сами вы что-либо получаете от этих коммерческих операций?

— Что вы! У меня магазин шерстяных изделий. Этого с меня вполне достаточно. Если вы захотите сделать подарок своей жене, рекомендую купить кофту из аргентинской шерсти... И вообще давайте лучше не отвлекаться... Вы видите, какая идет красивая игра!

Футболисты «Ривер-плат» наступали, легко передавая друг другу мяч. Через мгновение Гольфман снова обратился ко мне:

— Вы посмотрите, как они играют! Каждый мяч трогают несколько человек. Вы знаете, чем отличается южноамериканский футбол от европейского? В нападение идут шесть — семь игроков. Мастерская передача мяча. Комбинация следует за комбинацией. Даже неважно, чтобы был гол... Уп-па! — вдруг снова закричал Гольфман и неистово захлопал в ладоши.

Шла двадцать девятая минута игры. В ворота «Россарио-централ» влетел второй мяч.

— Однако вы все-таки любите, когда забивают мячи.

— О да! Это вопрос недискуссионный. Главное, чтобы мячи летели в чужие ворота.

Он был весь внимание, мой сосед. По старой привычке футболиста он двигал ногами и вскрикивал. Я записывал в блокнот все, что видел. Гольфман недовольно покосился на меня.

— Перестаньте записывать! Я вам потом все объясню. Перед вами настоящий футбол.

В это время игроки «Ривер-плат» подмяли под себя вратаря из «Россарио». Судья остановил игру. На стадионе раздался свист.

— Ваши игроки, кажется, покалечили вратаря, — сказал я Гольфману.

— А-а, кто поверит! Эти игроки — артисты.

Судья назначил штрафной в пользу потерпевших. С трибун посыпались возмущенные выкрики. Я обратился к Гольфману:

— Что они кричат?

— Критикуют судью.

— В какой форме?

— В резкой... Они называют его ослом и требуют удаления с поля.

— Сеньор Гольфман, а почему поле окружено бетонным рвом и колючей проволокой?

Гольфман снова искоса посмотрел на меня.

— А все же почему?

— Чтобы не было прямого контакта между зрителями и игроками.

— А разве этот контакт опасен?

— Вы так спрашиваете, будто ничего не знаете. В вашей же печати много об этом писали. Разве не так?

— Так.

— Зачем же вы спрашиваете?

— Я думал, вы дадите какое-либо другое объяснение.

— Никакого другого объяснения я дать не могу. Ой! — застонал вдруг Гольфман: в ворота «Ривер-плат» влетел мяч.

Стадион безмолвствовал.

— Почему же никто не аплодирует?

— А зачем? Случайный гол!

Вскоре судья дал продолжительный свисток. Команды ушли на отдых. Я обратил внимание на несколько маленьких колясок, стоявших сбоку на зеленой траве между полем и трибунами. В колясках лежали люди.

— Это специально отведенные места для пострадавших от полиомиелита,— сказал Гольфман, поднимаясь.

...После окончания матча, в котором со счетом 4 : 1 победили футболисты «Ривер-плат», Гольфман показал нам стадион. Клуб имеет легкоатлетическую и даже шахматную секции.

— Сам маэстро Панно вышел из нашего клуба! — с гордостью сказал наш провожатый.

В больших помещениях под трибунами стадиона мальчики на площадках, засыпанных песком, играли в футбол. Один из них, падая, перебил через себя мяч.

— О,— сказал Гольфман, — будущий Лабруно.

— Сколько ему лет?

На окраине Буэнос-Айреса.

На стадионе «Ривер-плат».

— Четырнадцать... У нас есть футбольная школа. Настоящих футболистов надо воспитывать с детства.

Из одного зала доносился гром. Грохоча, по деревянному настилу проносились деревянные шары. У настила в белых брюках и майках стояли седые мужчины.

— Что это за игра?

— А-а, для старичков.

— Почему?

— Какой уважающий себя мужчина будет катать деревянные шары? Это почти то же самое, что раскладывать пасьянс. Если лет через двадцать вы еще раз приедете в Аргентину, мы с вами сыграем,— сказал Гольфман, когда мы вышли из помещения и направились к площадке, откуда доносились веселые голоса молодежи.

Здесь катались на роликовых коньках. Сотни две юношей и девушек пестрой каруселью проносились по широкому кругу. Взявшись за руки, проплывали лирические пары. На малой скорости катились робкие ученики; в глазах у них можно было прочесть еще боязнь, но и уже рождающуюся смелость. В центре площадки спортсмен лет тридцати учил девочку-подростка фигурному катанию. Пестрый хоровод молодости дышал здоровьем и весельем.

— Много у вас членов клуба?

— Семьдесят тысяч.

— Что нужно, чтобы быть членом клуба?

— Платить 22 песо в месяц и обладать нормальным здоровьем. В этом случае вы можете заниматься любым видом спорта и иметь бесплатного руководителя.

— Как же бесплатного? Есть же взнос?

— Если вы считаете, что 22 песо — деньги, можете думать, что это за плату.

На площадках зажглись электрические фонари. Мы вышли за ворота стадиона. Гольфман сказал:

— Если вы не возражаете, я отвезу вас в отель. Только придется минуту обождать. Сейчас приедет мой друг.

Наш симпатичный провожатый располагал к откровенности.

— Разрешите несколько уйти от спортивной тематики и обратиться к реальной жизни? — спросили мы Гольфмана.

— Спорт — тоже реальная жизнь... Но я понимаю, вас интересует все, чем живут аргентинцы.

— Да. Скажите, вот вы являетесь владельцем магазина шерстяных изделий. Сколько вы зарабатываете на продаже этих изделий?

— Примерно десять процентов.

— Это всегда?

— Не всегда.

— Больше или меньше?

— Стараюсь, чтобы меньше не было.

— А больше бывает?

— Бывает, но не сейчас.

— Почему?

— Тяжелая экономическая ситуация. В стране нет золота. У нас большие долги.

— Кому?

Гольфман махнул рукой:

— Прежде всего Соединенным Штатам, Англии... У нас старое оборудование на фабриках и заводах. Если сравнить с другими странами,— мы очень отстали. У нас очень низкая производительность труда.

— Но почему вы не замените оборудование?

Гольфман рассмеялся:

— Вы или наивные люди, или делаете вид, что ничего не понимаете.

— Мы недавно в вашей стране.

— Разве только это извиняет вас. Кому, какой стране интересно продавать нам новое, современное оборудование, лишая себя рынка сбыта? От нас привыкли получать сырье. Некоторым государствам выгодно, чтобы наша валюта была обесценена. Раньше рабочий на фабрике делал какихлибо пять предметов, и ему платили, ну, примерно, сто денежных единиц... А теперь за три предмета ему платят сто пятьдесят единиц.

Признаюсь, у меня шевельнулась мысль: вот оно, прорывается недовольство торговца рабочим классом. Но Гольфман рассеял эту мысль:

— Денег в обращении много, а жизнь все время дорожает. Жизнь все время дорожает, вот в чем беда. Так что ни мелкие торговцы, ни рабочие от этого обманчивого повышения заработной платы не выигрывают.

К воротам стадиона подошла машина.

— Прошу,— сказал Гольфман.

И мы покатили мимо больших освещенных домов. На балконе одного из них пел хор.

— Это богатые клубы,— сказал Гольфман.— Их у нас немало.

— А скажите, вот мы не очень долго здесь находимся, но часто слышим наряду со всякими плохими характеристиками и хорошие слова в адрес Перона... Как вы его оцениваете?

— Конечно, Перон был диктатором, но вместе с тем он довольно умно завоевывал популярность, даже у некоторой части рабочего класса.

— Чем же?

— Ну, он, например, отбирал сверхприбыли у капиталистов.

— Но они не переставали от этого быть капиталистами?

Гольфман по-детски засмеялся:

— Нет, конечно, нет! Но он, например, заставлял владельцев фабрик продавать свои товары в магазинах прямо при фабрике, чтобы на них не наживались уже те, кто их перепродает. Товары стоили немного дешевле.

— Но это только в тех местах, где были расположены эти фабрики?

— Само собой разумеется.

— Жулик твой Перон,— вдруг сказал молчавший до этого человек, который вел машину.— Разорил всю страну, а напоследок хотел ее совсем продать Соединенным Штатам.

— Ну, это ты уж слишком,— сказал Гольфман.— При всем этом Аргентина — самая богатая страна в Латинской Америке.

— Богатая, о чем говорить...— проговорил неизвестный нам водитель, напряженно всматривавшийся в темноту.— Вы себе не представляете, сколько мы претерпели от всех этих диктаторов, нещадно грабивших народ. Богатая страна... Да, богатая, верно... У нас недаром говорят, что Аргентина по своим природным условиям настолько богата, что все ее правители не успевали разграбить за день то, что вырастало за ночь.

Мы подъехали к отелю. Гольфман и его друг вышли с нами из машины.

— Если будет у вас время, заходите ко мне в магазин,— сказал Гольфман.— Я бы очень хотел познакомить вас с сыном. Он, между прочим, активный член института «Аргентина — СССР».

— А вы?

— Неужели вы думаете, что для того, чтобы хорошо относиться к России, надо всем состоять в какой-либо организации?..

Щупальца осьминога

Каждый день прибавлялись в наших записных книжках новые исписанные страницы. Мы уже многое знали о становлении Аргентины как государства. Знали о том, какое влияние оказывали на экономику страны другие государства, как когда-то Англия энергично оттеснила Испанию и как в последние годы, более тонкими маневрами, под давлением Соединенных Штатов Америки, сокращается роль Англии в экономической жизни Аргентины. Когда-то Аргентина была основным поставщиком мяса для Британских островов, и Англия, не довольствуясь жестковатым мясом аргентинских коров и быков, даже завезла в аргентинскую пампу высокопородный скот и добилась повышения качества мяса.

Несколько лет назад в городе Кардиффе, на юге Англии, меня пригласили посмотреть портовые холодильники. Эти огромные сооружения, в которых висят тысячи замороженных туш, производят внушительное впечатление. На каждой туше я видел клеймо «Аргентина».

— Какой давности мясо?—спросил я служащего.

— Это дело темное... Замороженное мясо тем и хорошо, что не знаешь, в каком веке бычок перестал жить.

В последние годы жестокая конкуренция США намного сократила вывоз мяса из Аргентины. Кроме того, многие компании, занимающиеся в Аргентине убоем скота, перешли в руки американских трестов. На их долю сейчас приходится до 70 процентов мяса, экспортируемого из Аргентины. Достаточно посмотреть на кар-

ту расположения железнодорожных путей в Аргентине, чтобы понять, насколько эгоистично, подчиняя все великому богу Барышу, строили эти дороги иностранные компании: только к морским портам, только к местам вывоза и ввоза товаров; все железные дороги идут поперек Аргентины, и почти нет линий, связывающих юг и север страны.

Зная об этих и многих других фактах, мы с большим интересом отнеслись к возможности встречи с деловыми кругами Аргентины, объединенными Всеобщей экономической конфедерацией.

В один из прохладных, дождливых дней, когда температура, накануне доходившая почти до 40 градусов жары, снизилась за ночь до 15 градусов, мы пришли в серое каменное здание. В зале заседаний стоял стол, покрытый стеклом, над ним висел герб конфедерации — большая контурная шестерня с копьем посредине.

Президент конфедерации Гильермо Иррибарен сказал:

— Наша конфедерация представляет все экономические круги Аргентины. Любая страна должна торговать и не может развиваться без выгодных контрактов. Мы все хотим торговать с Советским Союзом. Поэтому с удовольствием выслушаем, что вы можете нам предложить!

Мы переглянулись.

— Собственно, кроме вечных ручек и карандашей, и то в чрезвычайно ограниченном количестве, мы ничего не сумеем предложить, ибо мы только журналисты. Но мы бы хотели задать несколько вопросов, чтобы рассказать об этой беседе нашим читателям.

— Пожалуйста,— сказал Иррибарен.— Я думаю, что все мои коллеги с удовольствием ответят на ваши вопросы.

— Каковы основные принципы внешней торговли Аргентины? — спросил Краминов.

— Мы готовы торговать с теми странами, какие пожелают торговать с нами на взаимовыгодных условиях.

— Что Аргентина может предложить и что купить?

— О, у нас имеется много аспектов. Прошу вас, коллега Сегесо.— Иррибарен обратился к одному из своих соседей.

— Я представляю промышленность, производящую таннин. Из-за отсутствия спроса на внешнем рынке наши предприятия загружены всего на 50 процентов. Мы могли бы производить в четыре раза больше, поэтому заинтересованы в торговых контактах с Советским Союзом.

— Я представляю молочную промышленность,— сказал Сопари.— Мы испытываем сейчас некоторые трудности. И с большим удовольствием торговали бы с Россией. Мы знаем, что у вас и эта промышленность сейчас на подъеме, но, тем не менее, мы предлагаем деловые контакты.

— Я бы хотел остановиться на растительном масле,— сказал Гарсиа Оливер.— Аргентина, как вам известно, является крупным его производителем. Мы можем предложить большое количество подсолнечного, хлопкового, оливкового, льняного масла. Кроме того, еще тунговое масло. Сейчас его производится у нас 15 тысяч тонн в год. Это от отсутствия спроса. Но мы бы легко могли удвоить эту цифру.

— Я хочу добавить,— сказал Иррибарен.— Мы производим оливковое масло в очень удобной для транспортировки таре.

— В районе реки Негро много фруктовых плантаций. Вы знаете, аргентинские фрукты являются одними из лучших в мире. К сожалению, сейчас у нас очень сократился экспорт. Отсюда много всяческих неудобств. Мы могли бы предложить фрукты в любом виде, свежие и консервированные,— говорил, видимо, уже вовлеченный в общее русло разговора сеньор Сохо.

— К сожалению, Россия заключила договоры на покупку шерсти с Уругваем. Были моменты, когда мы не могли договориться. Но теперь, кажется, есть все условия. И мы могли бы,— сказал представитель текстильной компании Орландо.

— Вам, может быть, покажется несколько странным мое предложение. Я представитель очень молодой промышленности,— сказал человек, одетый с некоторым изыществом. — Моя фамилия — Фабиели. Я представляю промышленность искусственных украшений для женщин...

Чем дальше шла беседа, тем яснее мы видели, что богатая Аргентина, искусственно долгие годы превращавшаяся в поставщика сырья, испытывает серьезные экономические трудности. Люди, сидевшие с нами за одним столом, не прибегали к резким характеристикам и, естественно, будучи сами предпринимателями, обходили социальные вопросы, но из того, что они говорили, можно было сделать некоторые выводы.

— Вы знаете, что у нас много скота. А раз много скота, значит, и много кожи,— говорил Бенсансон.— Но мы ее вырабатываем сейчас значительно меньше, чем могли бы. При сложной ситуации в стране оказывается, что нет заинтересованности в увеличении производительности труда. Люди вынуждены покидать некоторые отрасли промышленности.

В разговор снова вмешался Иррибарен. Улыбаясь, он спросил:

— Вы пьете вашу русскую водку?

— Иногда.

— Мы пьем вйна.

— Мы также.

— К сожалению, эта отрасль у нас сейчас в кризисе. Мы могли бы предложить простые и дешевые вина. Кроме того, у нас есть национальный напиток мате. Его пили еще индейцы. Это трава, которую заваривают в специальных сосудах, сделанных из скорлупы кокосовых орехов, обожженных внутри. После заварки этот напиток, содержащий много кофеина, сосут через специальные металлические трубки бомбилье. Это вроде чая, очень вкусно. Я представляю эту отрасль и мог бы предложить мате в неограниченном количестве.

— Мы думали о том, что торговля между Аргентиной и Советским Союзом могла бы развиваться на взаимовыгодных условиях,— сказал бывший президент конфедерации Хельвард.— Но мы знаем, что Советский Союз, когда хочет помочь кому-либо, покупает даже то, что ему не очень нужно. Вот, например, вы купили слонов в Индии.

Все засмеялись.

— Нет,— ответили мы,— с Индией у нас деловые торговые отношения, основанные на взаимной выгоде. Мы действительно строим металлургический комбинат в Бхилаи и считаем, что рост промышленности Индии поможет ей освободиться от зависимости от стран, которые пытаются через экономические каналы влиять на жизнь народов. Что же касается слонов, то мы думаем, у вас неточная информация. Премьер-министр Неру подарил нашим детям двух слонов для зоопарков, но не больше.

Беседа подходила к концу. Мы слышали множество предложений, но еще ни от кого не услышали, что и на каких условиях могла бы покупать Аргентина. Мы спросили об этом. Иррибарен предоставил слово представителю предприятий легкой металлургической промышленности Гринбергу.

— Мы представляем 90 процентов мелких и средних предприятий страны,— сказал он.— Работая на оборудовании двадцатых и тридцатых годов, мы выпускаем немало. Но мы заинтересованы в приобретении современного машинного и электрооборудования. Нам нужны кредиты для покупки такого оборудования. До сих пор мы не приобретали его не потому, что не хотели, а потому, что не могли. Мы не имели возможности покупать там, где бы хотели, а вынуждены были покупать там, где нам указывали. Нашу экономику все время пытались развивать однобоко, так, чтобы мы оставались сельскохозяйственной страной. Оборудование нашей промышленности остается устарелым не потому, что мы не хотели покупать новое в Советском Союзе или в Чехословакии, а потому, что такова была политика предыдущих правительств.

— Мы нуждаемся в оборудовании для нефтяной промышленности, как и в самой нефти. Нуждаемся в генераторах, рельсах, в оборудовании для бумажной промышленности. Нуждаемся во всем, что поможет развитию нашей страны,— заключил нашу встречу Иррибарен.

Такова была эта беседа с представителями Всеобщей экономической конфедерации Аргентины — организации, возрожденной после свержения перонистской диктатуры. Разговор с деловыми людьми Буэнос-Айреса пролил немало света на нынешнее положение Аргентины, на тенденции ее современного развития. Но было бы неправильно думать, что все так просто и стоит только пожелать, как Аргентина будет продавать и покупать все, что захочет.

В эти дни как раз закрылась выставка по случаю одной из круглых дат существования в Аргентине национальной нефтяной промышленности. На выставке был и наш советский павильон, вызвавший большой интерес не только у специалистов этого дела, но и просто у людей, которых привлекает все, что делается в нашей стране. Сотни самых восторженных отзывов свидетельствовали, что техника нашей нефтяной промышленности стоит на большой высоте. Обычно в таких случаях происходят деловые встречи, покупка экспонатов, заключение соответствующих торговых договоров или хотя бы установление контактов для продолжения торговых отношений в будущем. Ничего этого не произошло. Руководители нашего павильона, показывая нам всяческие лестные отзывы, с удивлением говорили, что все экспонаты они отвозят домой. Естественно, что нас это заинтересовало. «Дело тут не в нас, аргентинцах,— отвечали нам,— нам не разрешают покупать оборудование потому, что кое-кто не заинтересован в развитии аргентинской нефтяной промышленности».

Таким образом, незримые щупальца финансовых осьминогов еще властно держат аргентинскую экономику. И мне невольно вспомнился плакат в итальянской таверне Буэнос-Айреса: «Требуйте осьминогов!» Что ж их требовать, когда они еще здесь?!

Я никогда не ел осьминогов. И, откровенно скажу, не испытываю такого желания. Но встречи с различными категориями людей Аргентины убедили меня в том, что люди эти серьезно задумываются о том, как бы отрубить навсегда щупальца не тех безобидных осьминогов, которые представлены в экзотических меню буэнос-айресских ресторанов и таверн, а тех, что еще высасывают живую кровь аргентинской экономики.

Встреча советских журналистов с представителями Всеобщей экономической конфедерации (Буэнос-Айрес).

Владимирское молоко

Человек непосвященный найдет, что молоко, продаваемое в небольших 250-граммовых бутылочках магазинами и школьными буфетами города Владимира, ничем не отличается от обычного: тот же вкус, запах, цвет. Его можно кипятить, хранить более суток. Только этикетка подскажет, что это молоко с витамином С. 250 граммов такого молока содержат 50 миллиграммов витамина С (аскорбиновой кислоты), в то время как стограммовый апельсин — около сорока.

— Сложно ли витаминизировать молоко?

С таким вопросом мы обратились в Институт питания Академии медицинских наук СССР. Нам ответили:

— Это может делать любой молочный завод. Витамин С, предварительно растворенный в небольшом количестве молока, вводится до пастеризации, совершенно не изменяя схемы производства пастеризованного молока. И стоит литр такого молока всего копеек на 20—30 дороже.

— Почему же только во Владимире налажено его производство?

— Видимо, там очень энергичные люди в совнархозе,— ответил нам кандидат технических наук С. Бессонов.— В тресте молочной промышленности узнали, что у нас в лаборатории есть такое молоко, попросили помочь им наладить производство. Мы помогли им. Недавно пришло письмо из Смоленска; тоже просят выслать технологическую инструкцию по витаминизации молока. Значит, и там будет такое молоко. А вот в Москве витаминизированное молоко появится, наверное, не скоро. В мае мы отправили письмо в управление мясной и молочной промышленности Московского (городского) совнархоза. Недавно пришел ответ от начальника управления тов. Ануфриева. Да вот это письмо! — И Бессонов протянул нам его.

Мы прочитали: «В связи с большой загруженностью московских городских молочных заводов проводить витаминизацию молока и диетпродуктов в настоящее время не представляется возможным».

— А пока... Пока только во Владимире занялись витаминизацией молока,— продолжает С. Бессонов.— Ребята получали его весной. Появится оно и позже, в сентябре. Сейчас, летом, достаточно овощей и фруктов.

— Можно ли витаминизировать другие продукты питания?

— Мы пытаемся решить проблему обогащения витамином поваренной соли и сахара. Не обошлось тут и без трудностей: при хранении аскорбиновая кислота разрушалась, а соль желтела (результат распада витамина С). Стали искать стабилизатор — вещество, которое предохраняло бы аскорбиновую кислоту от разрушения, было бы пищевым и в то же время не имело яркой окраски и специфического запаха. Таким стабилизатором оказался обыкновенный картофельный крахмал. Трех — пяти процентов крахмала, оказывается, достаточно, чтобы аскорбиновая кислота не разрушалась. В 1959 году витаминизированная соль поступит на предприятия общественного питания.

— А как обстоят дела с сахаром?

— Опытные партии сахара с различным содержанием аскорбиновой кислоты приготовили в Москве и Одессе. Сахар заложен на хранение, и время покажет, как будет «себя вести» аскорбиновая кислота.

Л. КУРБАТОВА

ЧУДО-ТКАНЬ

Работницы приготовительного цеха Майя Добросельцева (слева) и Зоя Тимошина за подготовкой пряжи для тканья стеклянного волокна.

Фото автора.

Не очень-то легко представить себе, как это автомобиль «Москвич» может оказаться в воздухе, будучи подвешенным на четырех узеньких полосках шелковистой ткани. Но если при вас лаборант подвергнет испытанию на разрыв каждую из этих полосок и стрелка прибора будет колебаться около деления «200 килограммов», сомнения тут же отпадут. Вам покажут, что эта ткань не горит, не подвергается действию кислот, не вытягивается и не дает усадки, легко моется водой, что она является изумительным материалом для занавесей, штор и театральных декораций, что из нее в сочетании с синтетическими смолами уже сделан кузов автомобиля «Чайка». А в заключение вам сообщат, что эта чудо-ткань сделана из стекла.

Итак, пойдемте смотреть производство: как из прозрачных, бесцветных стеклянных шариков вытягивается волокно, из волокон образуется нить, из нити — ткань.

Стеклопрядильный агрегат «СПА-6» — новинка техники.

Сердцем «СПА» является стеклоплавильный сосуд, сделанный из платино-родиевого сплава. Он отдаленно похож на игрушечный линкор с тремя трубами, отчего на заводе его так и называют — «лодочкой». Объем «лодочки» составляет примерно два с половиной литра. Вот в этом-то миниатюрном электронагревателе и зарождаются огромные массы стеклянного волокна.

В «лодочку» загружаются шарики диаметром 20 миллиметров. Химики умеют делать их из особого безщелочного стекла. Температура доводится до 1 400 градусов. На дне «лодочки» два ряда мельчайших отверстий: сто четыре укола комариным жалом. Стекло, превращенное в жидкость, вытекает из этих отверстий и тут же мгновенно застывает, образуя волокна-паутинки. Положенные рядом, эти паутинки заняли бы меньше миллиметра. Но их не кладут в ряд — их по сто четыре объединяют в одну нить и склеивают при помощи особой парафиновой эмульсии. Автомат равномерно наматывает стеклянную нить на бабину, вращающуюся со скоростью 6 тысяч оборотов в минуту. Из одного шарика получается полтора километра волокна.

Каждая из ста четырех паутинок сохраняет все отличительные свойства стекла. Сложенные вместе, они становятся нитью—шелковистой, мягкой. А нить в два сложения, состоящая из 208 элементарных волокон, является уже товарной пряжей и при испытании на разрыв выдерживает нагрузку до 500 граммов.

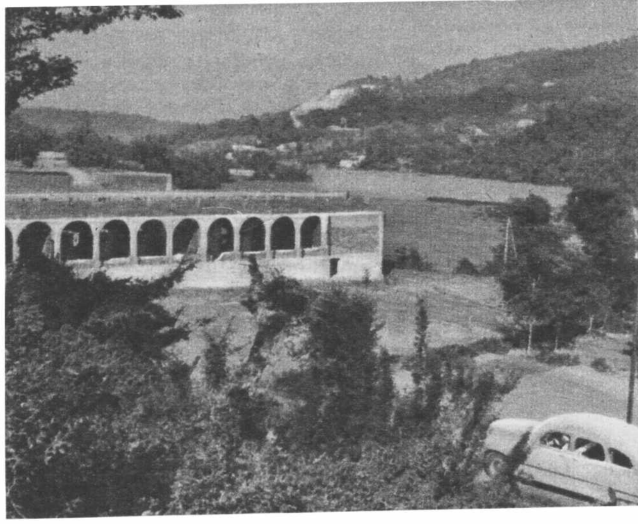
Нить, намотанная на бабины, превращается в пряжу, а затем со станков, стрекочущих днем и ночью, сходит ослепительно белая шелковистая ткань.

Где все это происходит? В Полоцке. Городу на Двине скоро исполнится 1100 лет. Прошлое его изобилует удивительными историями и сказочными легендами. Но построенный за два года завод — реальное чудо техники.

Заявки на стеклянное волокно и ткани из него поступают в Полоцк со всех концов страны. Трудно назвать отрасль промышленности, где бы оно не нашло себе применения. И уже решено увеличить мощность завода.

А. ДИТЛОВ

КУРОРТ В ЦАИШИ

Строительство водолечебницы в Цаиши.

Несколько лет назад неподалеку от грузинского селения Цаиши бурили разведочную скважину. Неожиданно с глубины 720 метров ударила струя горячей воды. Исследования показали, что источник обладает целебными свойствами, сходными со знаменитыми водами Цхалтубо. Вскоре в районе Цаиши были пробурены еще две аналогичные скважины.

Новый курорт пользуется большой популярностью. Здесь лечат от ревматизма, радикулита, экземы и других болезней. Сейчас в Цаиши строятся санаторий и водолечебница.

В. КРУПИН

Вечная краска

В Ленинграде, на углу Малого проспекта и 12-й линии Васильевского острова, стоит четырехэтажное здание 29-й средней школы. Это одна из многих новых школ, построенных за последние годы в Ленинграде. Занятия в ней начались в 1956 году. Однако снаружи она выглядит так свежо, будто только что закончилась каменная кладка. Дело в том, что фасад школы покрыт специальной водоотталкивающей жидкостью — гидрофобом. С ее помощью образовалась бесцветная, прочная, водонепроницаемая пленка, с поверхности которой вода скатывается, как ртуть. В то же время воздух свободно проходит сквозь такую пленку.

Что же это за чудодейственная жидкость — гидрофоб?

Инженер инспекции архитектурно-строительного контроля тов. Л. Г. Курилов рассказал нам:

— Гидрофоб—метилсиликанат натрия, химическое соединение, открытое еще великим Менделеевым. А вот как практически его получить? Этот метод разработан в Институте химии силикатов Академии наук СССР профессором Б. Н. Долговым и кандидатом химических наук М. Г. Воронковым. Стоимость гидрофоба невелика. Проверено: все затраты на покрытие гидрофобом одного квадратного метра стены не превышают 40—50 копеек.

Фасад 29-й школы на Васильевском острове выстоял уже две зимы. В виде опыта гидрофобом были покрыты облицованные мрамором стены здания филиала Музея Владимира Ильича Ленина. И здесь тонкая пленка успешно противостоит разрушительному действию влаги и мороза.

Видимо, гидрофоб найдет широкое применение в строительстве, особенно в условиях нашего, ленинградского климата.

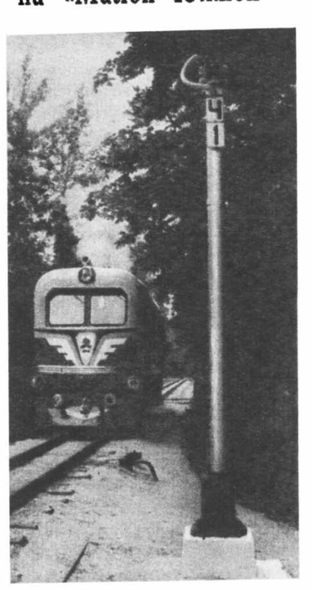
А. ФИДРОВСКИЙ

Здание 29-й средней школы в Ленинграде.

Фото Б. Уткина.

Тепловоз на «Малой Южной»

Замечательный подарок получили пионеры и школьники Харькова: по стальным путям детской железной дороги «Малая Южная» начал водить поезда тепловоз, изготовленный руками молодых рабочих завода транспортного машиностроения имени Малышева и предприятий Харьковского железнодорожного узла.

Какую радость испытывают маленькие пассажиры, сидя в комфортабельных вагонах, которые тянет настоящий дизельный локомотив!

Б. АКСЕЛЬРАД

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОКРОВИЩА

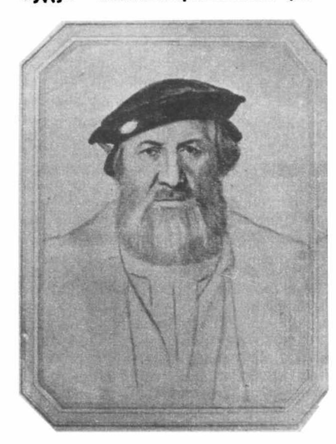
В Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открылась выставка произведений искусства из музеев Германской Демократической Республики.

Эти художественные сокровища были спасены во время войны войсками Советской Армии, и их бережно хранили музеи нашей страны. Тщательно ухаживали за ними все это время научные сотрудники, реставраторы помогли «поправиться» пострадавшим картинам и скульптурам. Ныне по решению Советского правительства художественные произведения будут переданы Германской Демократической Республике. Они снова вернутся в музеи Берлина, Дрездена, Лейпцига.

Прекрасные творения великих мастеров в ближайшее время будут показаны также общественности на выставке в Эрмитаже. Здесь будут экспонироваться разнообразно представляющие искусство мира редкие памятники культуры Востока, живописные полотна Рубенса, Гойи, картины известного немецкого художника-реалиста А. Менцеля и многие другие великие произведения.

В Музее изобразительных искусств и в Эрмитаже будет выставлено для обозрения 2 500 экспонатов.

Мирон. ГОЛОВА АФИНЫ. Середина V в. до н. э.

Г. Гольбейн Младший. ПОРТРЕТ МОРЕТТА.

Несостоявшийся фейерверк

Организация этого дела и впрямь была блестящей. После серии депеш, переданных по телетайпу, в ночь с 8 на 9 июля 1941 года на письменном столе владельца большой немецкой фабрики пиротехники в Вуппертале господина Ганса Моога зазвонил телефон. Вызывала междугородная.

Фабриканта приветствовал Роховски, носивший весьма длинный титул. Он был начальником главного управления пропаганды штаб-квартиры польского генерал-губернаторства «рейха» в Кракове. Оба почтенных господина быстро договорились, и уже на следующий день Моог уведомил заказчика в Кракове, что за сходную цену — 15 тысяч марок — упакован и отправлен в Краков груз первосортных пиротехнических изделий, который сопровождают шесть специалистов-пиротехников.

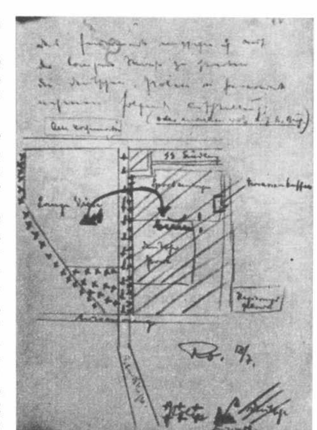
Дирекция германских железных дорог в Вуппертале выделила специальный вагон и телеграфно известила все узловые станции на пути в Краков о перевозке чрезвычайно срочного груза. Вагон должен был прибыть на станцию Краков ровно в 7 00 утра 15 июля 1941 года.

В чем была причина такой поспешности? Кому нужен был такой груз в дни, когда железные дороги, ведущие на Восток, были до отказа забиты эшелонами с войсками и техникой вермахта?

Ответ дают любопытные документы, найденные недавно Архивом новых документов в Варшаве.

Оказывается, штаб-квартира генерал-губернаторства решила 15 июля 1941 года устроить торжества по случаю... падения Москвы! Был составлен список чиновников отдела пропаганды, ответственных за каждую фазу торжеств. Празднество должно было состояться на площади Краковского Рынка, переименованной оккупантами в «Адольф Гитлер-плац». Церемонию собирался почтить своим присутствием сам гитлеровский «генерал-губернатор» Ганс Франк (позднее повешенный в Нюрнберге).

Были заготовлены даже плакаты со злобадневным лозунгом: «Москва пала!». Тыловые крысы вермахта, которыми буквально кишел Краков, получали в этот день шнапс и отпуск на посещение кинотеатров. Генерал-губернаторство хотело даже... продлить до полуночи «комендантский час» для поляков. Наконец из-под руки Роховски вышел набросок плана проведения всего празднества, в котором для поляков отводилось место подальше от гитлеровских чинов.

Ориентировочный чертеж церемонии в Кракове, составленный Роховски. (Фото предоставлено «Огоньку» Архивом новых документов в Варшаве.)

Итак, все было подготовлено к 15 июля. Но... не случилось одной мелочи: Москва не пала. Не только не пала, но сама пришла в Берлин и устроила гитлеровцам свой фейерверк!

Л. ВОЛЯНОВСКИЙ

Варшава.

«Жизнь», которой нет

«Когда читатель открывает большой, прекрасно изданный американский журнал «Лайф», он видит мир грез, который совсем не похож на действительность. Можно подумать, будто люди, живущие в этом раю, питаются таблетками от нервов, а пьют не иначе, как розовое шампанское... В мире, где один из трех недоедает, где возмущенных и голодающих пролетариев куда больше, чем имущих,— в этом мире «Лайф» посвящает свои страницы именно тому высшему «обществу», которое не ест, а жрет...»

Кто написал эти строки? Какая газета, в какой стране их напечатала?

Автор этих строк — английский популярный обозреватель, выступающий под псевдонимом Кассандра. Напечатан вышеприведенный отрывок в английской газете «Дейли миррор».

Дело в том, что одна американская провинциальная газета, носящая название «Территориал Энтерпрайз», подняла голос протеста против «Лайфа». «Территориал Энтерпрайз» известна в Америке довольно широко: одним из первых ее редакторов был не кто иной, как Марк Твен.

Что же пишут о «Лайфе» преемники Марка Твена?

«Колоссальный финансовый успех поднял «Лайф» настолько, что журнал этот не имеет себе равных среди всех изданий, выходящих на английском языке. Однако «Лайф» отдает весь свой энтузиазм... и расходует миллионы долларов для того, чтобы на своих страницах пропагандировать техасских ковбоев с мандолинами и разбойничьими бакенбардами, кретинов — комиков телевидения, телеса итальянских киноактрис, голливудских звездочек и баскетбольных чудовищ.

Трудно назвать что-либо вульгарное, дешевое и распутное в американском «хромированном свинарнике», что не получало бы на страницах «Лайфа» дорогой рекламы и безотказной поддержки».

Кассандра кончает свой комментарий к этим словам следующим выводом: «Американцы еще располагают возможностью с помощью отдельных газет давать залп протеста в лицо мистеру Генри Люсу, владельцу прекрасно оформленного журнала, который, называя себя «Жизнь» (лайф в переводе на русский — жизнь), убивает реальную действительность».

Л. Дж. УИНКОТ

Перепись началась

Перед нами телеграмма: «Перепись началась... Счетчики ушли в тайгу... Некоторым из них придется преодолеть по 900 и более километров. Надо будет переписать членов бригад оленеводов и участников геологоразведочной партии, которые ушли в тайгу».

Читаем адрес отправителя: Катангский район, Иркутской области.

Еще одно сообщение, собственно, уже не сообщение, а просьба счетчиков, работающих в тайге:

«Вышлите несколько литров диметил-фтолато, комары атакуют». Это просят люди, ведущие перепись в Туруханском районе, Красноярского края.

Четвертая всесоюзная перепись населения начнется пятнадцатого января 1959 года. Но есть в нашей стране места, куда в январе не так-то легко будет добраться. К тому же зима — время охоты. А попробуй отыскать ушедшего на промысел охотника, поброди за ним по лесной глухомани! И вот уже сейчас в некоторых районах Советского Союза идет перепись населения.

Первым среди таких районов оказался Катангский. Здесь перепись началась еще четвертого июля. А уже к десятому июля в четырех счетных участках из пятнадцати она была закончена.

— Сколько времени продлится перепись в Катангском районе? — спросили мы у заместителя начальника ЦСУ РСФСР, руководителя отдела переписи населения Ивана Ивановича Логачева.

— Видимо, дней сорок пять. Район-то велик. А побывать надо везде: на каждом стойбище, в каждом поселке и чуме охотника.

Еще дольше перепись будет длиться в Туруханском районе, Красноярского края. И. Логачев подходит к географической карте:

— Посмотрите, какую огромную территорию занимает этот район. Свыше 200 тысяч квадратных километров. С севера на юг, по реке Енисей, он протянулся на 1 200 километров. Уже более полумесяца идет здесь перепись. Работают свыше 50 счетчиков.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Звонили из Туруханска. Почти половина счетчиков уже закончила работу. Население встречает их хорошо, гостеприимно.

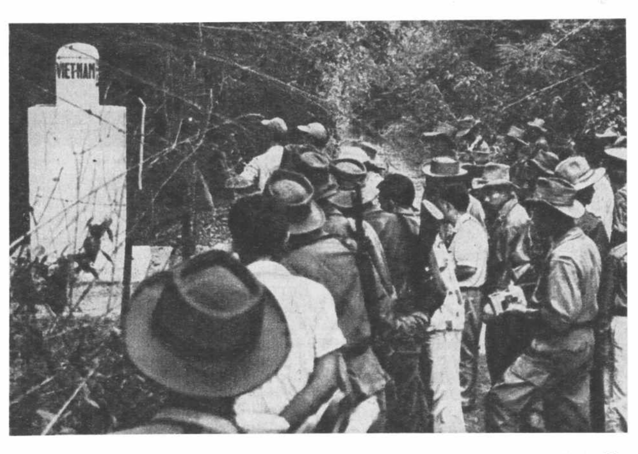
— Перепись продолжается! Скоро мы передадим в Москву ее итоги... — сообщают из Туруханска.

В Красноярском крае счетчики появились и в районах Эвенкийского национального округа. Есть тут места, до которых даже сейчас трудно добраться. Поэтому кое-где перепись ведут по... радио. Вот, например, метеостанция на реке Таймура. 800 километров до нее от Ванавара — центра района. Самолет там не сядет, на оленях ехать очень долго. Выручило радио.

В августе перепись будет проходить в Тувинской автономной области. Десятого сентября начнется перепись на Курильских островах. К зиме, когда заметет дороги, все население труднодоступных районов страны будет уже переписано.

Б. КОСТИН

Следы провокации

Группа камбоджийских и иностранных журналистов у пограничного знака, перенесенного южновьетнамцами в глубь территории Камбоджи.

За последние полтора года южновьетнамские войска 29 раз нарушали границы Камбоджи.

В конце июня генеральный штаб и правительство Камбоджи предложили камбоджийским и иностранным журналистам посетить пограничную провинцию Стунг-Тренг, чтобы на месте осмотреть следы последней провокации. Журналисты посетили район деревни Пак-няй, находящейся в десяти километрах от границы, а также побывали на самой границе. Они увидели окопы, вырытые южновьетнамскими солдатами на территории Камбоджи в 10—12 километрах от границы, пограничный столб, перенесенный южновьетнамцами на 1 800 метров. Этот столб был огорожен колючей проволокой и заминирован. Обнаружено также много следов от автомашин, которые в этом районе не могут подойти к границе со стороны камбоджийской территории из-за густых зарослей. Здесь же было найдено несколько записок, обрывок письма с южновьетнамским штемпелем, штык от винтовки, консервные банки, а также стенка ящика из-под американских консервов, которые входят в рацион, получаемый южновьетнамскими солдатами.

Л. ВОЛЬНОВ

В развалинах дворца...

Раскопки начались.

На территории, примыкающей к разрушенному Знаменскому дворцу, рядами укладывали изъятые из подвала снаряды...

Секретарь Петродворцового райкома партии Константин Петрович Федоров развернул карту.

— Давайте еще раз взглянем,— сказал он.

На минуту в кабинете воцарилась напряженная тишина. Подполковник М. А. Вербовецкий, майор В. П. Сурта, лейтенант-пиротехник В. И. Демидов, заведующий коммунальным хозяйством района М. А. Прохоров, райвоенком подполковник М. А. Михайлов склонились над картой. Красный полукруг охватил прибрежный участок парка между Петродворцом и Стрельной. В центре — Знаменский дворец...

В развалинах этого дворца нашли несколько артиллерийских снарядов. Военные специалисты высказали предположение, что в разрушенных подвалах немцы оставили склад боеприпасов. Надо немедленно уничтожить его.

С чего начать? Взорвать боеприпасы на месте? Но неподалеку жилые дома, инкубаторный цех птицефабрики, оживленная магистраль Ленинград — Петродворец...

Решили достать боеприпасы из подвалов и небольшими частями вывезти их подальше на специальную подрывную площадку. Население из прилегающих районов временно эвакуировать, дороги перекрыть, оставив открытой только главную магистраль.

И вот в райкоме собрались, чтобы еще раз проверить, все ли предусмотрено в этом плане.

Утром начальник оцепления сообщил по телефону: на территории опасной зоны не осталось ни одного постороннего человека. Можно начинать действовать.

...Медленно тянется время здесь, в подвалах, где смерть подстерегает солдата на каждом шагу. В пятидесяти заваленных отсеках искореженный металл накрепко впаялся в бетон, кирпич. Земля слежалась, словно камень, и не поддается ни лопатам, ни ножам. Как вынуть снаряды?

— Придется рисковать,— сказал майор Сурта.

В ход пошли кирки, мотыги. И вот в глухой выемке показалось что-то длинное, ржавое, словно изъеденное оспой. Пиротехник лейтенант Демидов быстро определил:

— Стопятимиллиметровый осколочно-фугасный снаряд.

Потом извлекли бронебойно-трассирующие, осветительные снаряды. Сколько их? Саперы уже сбились со счету.

Очищен один отсек, второй, третий... Из подвалов извлечены сотни взрывателей разных конструкций: ударные, с часовым механизмом, донные и головные, стальные и алюминиевые. А вот маленький серый цилиндрик. Внешне он похож на трубочку от батарейки карманного фонаря. Страшная сила заключена в нем: 35 граммов сильного взрывчатого вещества — тэна. Достаточно легкого удара, искры — и раздастся взрыв. Сапер Мосальский осторожно выносит цилиндрик, а в разрытой яме виден еще целый склад таких же устройств.

С каждой минутой работа становится все труднее и опаснее. Все гуще и скученнее лежат в открытых ямах снаряды. От дворца до подрывной площадки осторожно идут машины; достаточно маленького толчка — и груз, лежащий в кузове, взорвется.

...Второй день напряженной, опасной работы саперов под руинами Знаменского дворца подходил к концу. Что это? В руках у сапера Камашбека Аджапарова пластмассовый ящик. Толстые его стенки треснули, винты, скрепляющие крышки, поржавели. В ящике между двумя мягкими войлочными подушками лежало 40 детонирующих устройств.

Везти такой ящик на машине нельзя: он может взорваться. Осторожно, на руках его поднимают из подвала и несут к берегу залива. Здесь его закладывают в оставшийся от войны бронированный колпак, привинченный к железобетонному основанию, и взрывают. Сила взрыва такова, что колпак весом в полтонны отлетел на пятнадцать метров.

А внизу, в подвалах, все еще работают отважные люди. Вдруг лопата Мосальского стукнулась о какой-то твердый предмет. Кирпич? Камень? Сапер руками бережно разгреб землю и нашел сосуд, похожий на молочный бидон. На поржавевшем цилиндре две ручки. Вес его — килограммов 20. В верхней крышке — желтоватый металлический кружок взрывателя. Может, этот «бидон» и должен был выполнить роль мины, чтобы поднять на воздух весь склад?..

Пятнадцать дней продолжалась операция по ликвидации склада боеприпасов, оставленных фашистами. За это время из подвалов Знаменского дворца было извлечено более 2 тысяч артиллерийских снарядов, 1 488 взрывателей, 779 детонирующих устройств и других боеприпасов общим весом около сорока тонн. На шестнадцатый день офицеры доложили: опасность миновала, подвалы полностью очищены от боеприпасов.

В свои дома вернулись жители. Вручая цветы отважным саперам, они от всего сердца благодарили их за подвиг.

М. ФРИДМАН,
К. ЧЕРЕВКОВ

Пятнадцать дней, рискуя жизнью, трудились героические саперы. С л е в а н а п р а в о сидят: ефрейтор Анатолий Антонов, младший сержант Николай Дудинов, старший сержант Евгений Юричев, младшие сержанты Евгений Мельников и Владимир Бирюков. Стоят: ефрейтор Николай Жирнов, рядовые Александр Мосальский, Михаил Шулепов, Борис Гусев, ефрейтор Владимир Карташов, рядовой Камашбек Аджапаров, ефрейтор Кронид Шилов.

Фото Я. Шеваха.

105-миллиметровые осколочно-фугасные снаряды, вырытые из-под руин.

Детонирующие устройства, обнаруженные в отсеках подвала.

«Русская медицинская миссия»

Советские врачи среди жителей города Барисал.

Эти пакистанские дети принимают в колледже советский бактериофаг. В центре кандидат биологических наук Б. Н. Пастухов.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Когда самолет «ТУ-104», прилетевший из Карачи, приземлился на Внуковском аэродроме и шесть советских врачей сошли на московскую землю, встречавшие их родные и друзья облегченно вздохнули: пятьдесят долгих дней доставили им немало волнений.

Пятьдесят дней назад с этого же аэродрома врачи улетели в Пакистан для борьбы с эпидемией холеры, охватившей большой район страны. Их пригласило правительство Пакистана.

Вот эти шестеро: Борис Николаевич Пастухов, кандидат биологических наук, начальник отдела особо опасных инфекций Министерства здравоохранения СССР; Александр Григорьевич Никонов, профессор, заведующий холерным отделом Ростовского научно-исследовательского противочумного института; кандидат биологических наук Лариса Александровна Папкова; кандидат биологических наук Неонила Петровна Простетова; Галина Васильевна Ющенко; Михаил Иосифович Павлов. Их называли в Пакистане «русская медицинская миссия». О том, как они с честью выполнили эту свою миссию, мы узнали из их рассказов.

«ТУ-104», шедший специальным рейсом из Москвы в Карачи, был загружен почти десятью тоннами бактерийных препаратов и оборудованием для холерной диагностической лаборатории. Советские врачи везли с собой 40 тысяч доз холерного бактериофага, 400 тысяч доз холерной вакцины, 3 миллиона доз оспенной вакцины: наряду с холерой в Пакистане свирепствовала и эпидемия так называемой натуральной оспы.

Лечебные препараты были отправлены Советским правительством в дар Пакистану. Особую ценность представляли холерные бактериофаги, усовершенствованные нашими учеными. Над этим много потрудились в Ростовском научно-исследовательском противочумном институте.

Хотя еще в 1883 году немецкий профессор Кох открыл возбудителя холеры — холерный вибрион, эффективного способа лечения острозаразной болезни найдено не было. Сравнительно недавно, в тридцатых годах, появились труды ряда ученых, утверждавших, что холеру можно успешно лечить бактериофагом. Новый препарат стали широко применять при вспышках холерных эпидемий в Индии и Пакистане. Однако вскоре начали поступать тревожные сведения: бактериофаг не дает должного эффекта. Особенно тревожны были данные о широкой холерной эпидемии, разразившейся в 1947 году в Египте: несмотря на применение бактериофага, смертность там достигла 62 процентов. Слава бактериофага, как средства борьбы с холерой, быстро померкла, от него почти отказались.

В чем причины неудач? В поисках ответа на этот вопрос сотрудники Ростовского института пришли к выводу, что правы были и те ученые, которые когда-то, борясь с холерой, превозносили бактериофаг, и те, которые отказались от него. После многочисленных экспериментов профессор А. Г. Никонов пришел к выводу, что можно и нужно вернуть бактериофагу его былую славу, его прежние чудесные свойства. И вот Александр Григорьевич Никонов повез в Пакистан новый советский бактериофаг.

Тяжелая эпидемия холеры и оспы поразила обширные районы Восточного Пакистана. Именно сюда отправились советские врачи.

— Чем же вы будете лечить холеру? — спрашивали их пакистанские коллеги.

— Бактериофагом.

— Но он, к сожалению, не дает никакого эффекта.

— Мы привезли свой, советский бактериофаг и надеемся, что он вылечит больных...

...Город Дакка, столица Восточного Пакистана. Здесь находится один из немногих госпиталей, где лечат больных холерой. Заведующий инфекционным отделением доктор Рауф, врач с большим опытом и стажем, дружески встретил «русскую медицинскую миссию».

— Советский бактериофаг? — переспросил он.— Ну, что ж, попробуем. У нас никакого другого средства нет...

Быстро развернули привезенную из Москвы диагностическую лабораторию, и шесть советских врачей в тесном содружестве с пакистанцами принялись за тяжелый и опасный труд. В госпиталь привозили больных, о которых говорили коротко: «Надежды, пожалуй, нет...»

Не было, казалось, надежды и на спасение вот этой старой женщины. Несколько дней назад на койке № 49 умер ее внук. Теперь здесь лежит бабушка. Ее лечит Неонила Петровна Простетова. Уже введен бактериофаг в вену, в расчете на то, что он убьет холерный вибрион в самом опасном месте, в желчной системе. Потом больной дали выпить бактериофаг — он должен уничтожить вибрион в кишечнике. Теоретически все правильно. Жизнь должна победить смерть. А победит ли? Женщине восемьдесят лет, и случай очень тяжелый.

И жизнь победила. Прошло немного времени, и старую женщину выписали из госпиталя.

Несмотря на тропическую жару, врачи весь день проводили среди больных. Бактериофагом и лечили и спасали себя от заражения холерой. Советский лечебный препарат получил всеобщее признание. В него уверовали и пакистанские медики, использовавшие его и для собственной профилактики. Под непосредственным наблюдением наших врачей находилось 150 больных. Среди них было десять, которых считали уже обреченными. Все они выздоровели, за исключением двоих: одному не успели ввести в вену бактериофаг, другой был болен не только холерой, но и открытой формой туберкулеза.

Гостиница, где жили советские врачи, стала местом паломничества. В гости к ним приходили коллеги, студенты, выздоровевшие больные. Каждый по-своему старался выразить признательность. Приносили в дар связки бананов, кокосовые орехи, патефонные пластинки с национальными песнями, изящные фигурки, вырезанные из дерева...

Верные принципам советского здравоохранения, посланцы СССР не только лечили, но и старались предупредить заболевание. Они установили наблюдение за одним из наиболее бедных районов Дакки — Хайзерабахом. Люди живут там скученно, в тесноте, без водопровода.

Когда советские врачи приехали в Хайзерабах, эпидемия была в разгаре. Требовались экстренные меры, чтобы предотвратить ее дальнейшее распространение.

Народ собрался на улице и с любопытством разглядывал гостей.

— Это русские доктора,— обратился к собравшимся пакистанский врач Хусейн, приехавший вместе с советскими коллегами.— Они помогут вам побороть болезнь. Верьте им!

Борис Николаевич Пастухов рассказывал пакистанцам о том, какие профилактические меры нужно принять для борьбы с холерой.

И вот уже вынесены на улицу столы и выстроилась длинная очередь желающих принять русское лекарство. Конечно, были и колеблющиеся. И, чтобы рассеять последние сомнения, наши врачи на виду у всех сами стали принимать бактериофаг. Вместе с ними проглотил лекарство и доктор Хусейн.

Взрослые и дети подходили к столам со своими стаканами и тут же выпивали лекарство. Они брали его и для тех, кто остался дома.

Двадцать дней советские врачи наблюдали за опасным районом. Двадцать дней они провели среди местных жителей, разъясняя, убеждая, предлагая спасительный препарат. И он действительно преградил дорогу холере. Был только один случай, когда из Хайзерабаха привезли в госпиталь больного холерой. Позже выяснилось, что он не захотел принять бактериофаг. Между тем в других районах города эпидемия не утихала, а кое-где и нарастала.

Вскоре советские врачи выехали в город Барисал, южнее Дакки, где также возник очаг холеры. Подъезжая к одной из деревень, они увидели плакат, вывешенный на дороге: «Привет русским врачам!» О них уже знали, их ждали.

Помощь, оказанная советскими врачами в борьбе с эпидемией холеры, была высоко оценена руководителями государства. Врачам преподнесли подарки. Премьер-министр принял их в своей резиденции.

Благородная миссия советских врачей — еще один вклад в дело укрепления дружбы между народами.

Гастроли начались.

НА СТОЛИЧНОЙ СЦЕНЕ

В. ПОЛЫНИН

Фото А. Новикова.

Стали традицией летние приезды периферийных театров в Москву. Этот многообразный и яркий вернисаж нынче открывал эстонский театр Драмы из Таллина, за ним прибыли Сталинградский имени Горького и татарский имени Камала. Широко показали в столице свое искусство воронежцы и Ярославский театр, носящий имя родоначальника русской театральной культуры Федора Волкова. Закончились гастроли Киевского театра Леси Украинки и Свердловской оперы. В эти же дни начали показ своих постановок астраханцы...

Вот как это происходит.

Едва наступило лето, как по центральным московским улицам засновали машины, перевозящие горы театрального груза. В их кузовах вперемешку с мебелью, люстрами, колоннадами разных эпох и стилей навалены березы с неопадающей листвой, фольговые неотражающие зеркала, гранитные глыбы из папье-маше. Театральные грузовики — лучшая подвижная реклама о прибытии в столицу на гастроли периферийных театров.

Билетные кассиры выставили прямо на тротуары небольшие столики, которые, словно скатертями, покрыты полотнищами афиш и голубыми лентами билетов. И прежде чем выбрать, в какой из многих приехавших театров пойти, москвичи оборачивались к витринам и рекламным щитам с фотографиями актеров и сцен из спектаклей.

«Чайка» в постановке Ярославского драматического театра имени Ф. Г. Волкова. Тамара Никольская в роли Нины Заречной.

Путь в актрисы

Знакомясь с фотостендами Ярославского драматического театра имени Ф. Г. Волкова, театрал видел лица актеров, хорошо известных по предыдущим посещениям театра (ярославцы — желанные гости в столице) и по кинофильмам. Народный артист СССР Г. А. Белов — Мичурин, Римский-Корсаков в кино, народный артист республики С. Д. Ромоданов полюбился нам в фильмах «Испытание верности», «Первый эшелон» и других. Часто встречались портреты молодой незнакомой женщины. Она играет Ларису в «Бесприданнице», Нину в «Чайке», Лизу в «Дворянском гнезде», Ирину в «Царе Федоре Иоанновиче», Василису в «Вечном источнике». Нам захотелось ближе узнать эту актрису (ее зовут Тамара Никольская), которая ведет столь сложный репертуар в талантливой труппе старейшего в России драматического театра.

...Когда закрылся в последний раз занавес с эмблемой МХАТа, мы пошли за кулисы. Актрису поздравляли друзья. Ее благодарил Василий Осипович Топорков, ветеран МХАТа. Тамара Никольская была взволнована в этот вечер, вероятно, не меньше, чем во время первого дебюта: какая актриса не мечтала сыграть в «Чайке» Нину Заречную, да еще на сцене театра, который вписал чайку-птицу в свой театральный герб!

Тамара Никольская родилась в Свердловске в актерской семье. Театр был ее вторым домом. С детских лет девочка знала наизусть репертуар родителей. Ей прочили актерскую карьеру, но для Тамары театр был настолько обычным, будничным делом, что мечтала она о более интересных профессиях.

Окончив десятилетку с золотой медалью, девушка очутилась в Ленинграде, в институте, который готовил киноинженеров.

Мысль о том, что она ошиблась в выборе профессии, пришла очень скоро.

Когда Тамара закончила второй курс, в Ленинграде проходил набор в студию МХАТа. Друзья чуть не силой притащили Тамару на конкурс. Из экзаменующихся только двое были приняты, в том числе Тамара Никольская. Но в студию она не пошла: через три года она инженер, а выйдет ли из нее актриса?

Год спустя снова проходил набор в студию МХАТа, и вновь что-то побудило Тамару испробовать свои силы — результаты были те же. Эта история повторилась и на следующий год. Тогда Тамара решила: значит, судьба! И все же побоялась бросить институт. За три летних месяца она подготовилась и сдала экзамены за пятый курс. Во время первого года обучения в студии по вечерам на одном из московских заводов прошла преддипломную практику, затем защитила диплом киноинженера. В студии МХАТа Тамара получала стипендию имени Хмелева и окончила курс с отличием.

Выпускницу пригласили вступить в труппу Ярославского театра. Уже первый сезон принес замечательные роли. В репертуарном списке появились Корнейчук, Ромашов, Горький, Островский и, наконец, «Чайка» Чехова. За пять лет работы в театре Никольская сыграла восемнадцать ролей. том, как она играла, можно было судить по «Чайке», по тому, как поздравлял с успехом свою бывшую ученицу народный артист СССР Василий Осипович Топорков.

В перерыве между спектаклями

В Москве гастролировал Киевский русский драматический театр имени Леси Украинки. Руководит этим театром народный артист СССР Михаил Федорович Романов. Мы застали Михаила Федоровича за чтением рукописи. Известный английский драматург Джон Пристли прислал в Москву новую пьесу, написанную специально для телевидения. Московская телестудия тут же попросила Романова поставить пьесу силами его актеров.

— Я скрою от вас содержание пьесы Пристли, которая называется «Семейное дерево Линденов»: иначе мы испортим удовольствие телезрителям во время премьеры. Скажу лишь, что сам собираюсь сыграть главную роль — профессора истории Линдена. Мне понравился образ 65-летнего ученого, который, несмотря на разочарование в детях, находит в себе силы, чтобы трудиться на благо человечества. Лишь его восемнадцатилетняя дочь Дина не покидает старика и помогает ему сохранить веру в победу прогресса.

На роль Дины Михаил Федорович пригласил выпускницу студии МХАТа Изу Жукову. Эта роль будет дебютом молодой актрисы на телевидении. Романов собирается после телеспектакля готовить и театральную постановку.

Во время гастрольных поездок по городам России Михаил Федорович всегда ищет талантливых молодых актеров для своего театра — форпоста русской театральной культуры на Украине.

— И это не потому, что у нас мало хороших актеров. Время заставляет уступать дорогу молодым. Я лично всю жизнь мечтал о роли царя Федора,— продолжает Романов.— Подготовил роль, но все как-то не собрался поставить этот спектакль. Наконец стали репетировать, подошел к зеркалу и... понял, что мне уже Федора играть поздно. Теперь любимую роль отдаю Олегу Борисову, молодому актеру с большим будущим. Ничего не поделаешь, обязательный закон театра: на сцену должна приходить молодежь.

Михаил Федорович посещает выпускные спектакли театральных институтов.

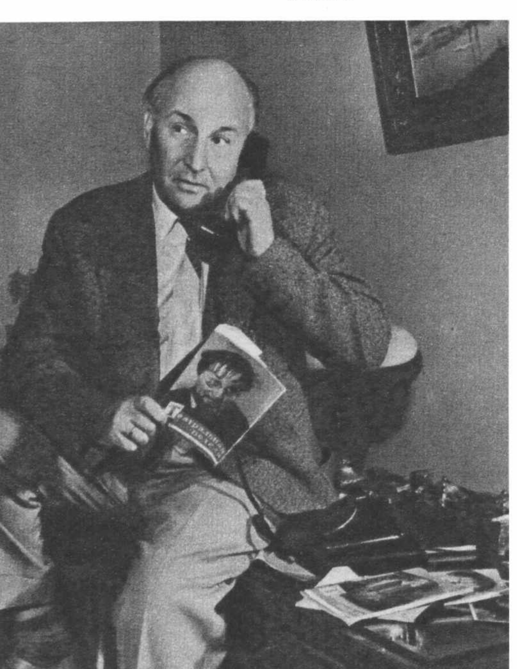
— В Москве подыскал молодого актера Оденца,— тоже мхатовец-студиец. Теперь собираюсь съездить на несколько дней в Ленинград: прослышал, что играет там в одном из театров талантливая молодая актриса. Фамилии не назову: режиссерская тайна!

Но главный режиссер театра имени Леси Украинки не делает тайны из того, что намерен встретиться с московскими драматургами. Обидно было бы возвратиться из Москвы на Украину без новой русской пьесы!

Заботы режиссера все время сталкиваются с актерскими. Романов — большой мастер не только театра, но и кино. Во время московских гастролей киевлян на студии «Мосфильм» шли последние съемки цветного широкоэкранного фильма по сценарию А. П. Довженко «Поэма о море».

— Съемка необычная. По сценарию я должен шагать среди моря пшеницы. Но в павильоне пшеницы нет. Ее отсняли еще в прошлом году. Я играл на фоне инфраэкрана и не шел, а топтался на месте. Этот секрет я могу вам открыть, потому что даже сам я, когда озвучивал смонтированный вариант, не мог поверить, что иду на экране не по пшеничному полю, а по непрерывной брезентовой ленте транспортера. Кино способно на чудеса, и я поэтому не расстаюсь с ним.

Не расстается Романов и с радио, вернее, радио с ним. В Центральном Доме звукозаписи в Москве хранится немало километров магнитофонной ленты, на которой записан голос прославленного артиста. И в этот приезд Романова попросили прочесть несколько рассказов Куприна и Бунина. Те, кто не смог насладиться его игрой на сцене или перед экраном телевизора, наверное, с удовольствием услышали голос большого русского актера в литературных радиопередачах.

Народный артист СССР М. Ф. Романов.

И. И. Левитан (1861—1900). ГУМНО. 1897 год. **Пермская государственная художественная галерея.**

К. А. Савицкий (1844—1905). У МИРОВОГО СУДА. 1894 год.

Пермская государственная художественная галерея.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

14. НОЧНАЯ СЕРЕНАДА

После вышеописанной драматической сцены последовал самый прозаический разговор.

Янковская и Смит хладнокровно и обстоятельно обсуждали, как лучше убить Эдингера, изобретали всевозможные варианты, учитывали все обстоятельства, взвешивали детали, отбрасывали одни и находили другие.

Проникнуть в гестапо было невозможно, и, кроме того, Эдингера окружал целый сонм сотрудников; напасть, когда он ехал в машине, было безнадежным предприятием; особняк, в котором он жил, охранялся не хуже городской тюрьмы...

Всего уязвимее была квартира некой госпожи Лебен, у которой Эдингер проводил иногда вечера.

Этот мещанин, всеми правдами и неправдами выбившийся, так сказать, в люди, считал, кажется, хорошим тоном иметь любовницу, во всяком случае, он не только не делал из этого тайны, но даже афишировал свою связь.

Сама госпожа Лебен была особой весьма незначительной, молва называла ее артисткой; возможно, она и на самом деле была маленькой актрисочкой, прилетевшей в оккупированную Ригу, как муха на запах меда, чтобы тоже поживиться чем можно из награбленных оккупантами богатств.

Она занимала квартиру в большом, многоэтажном доме и неплохо чувствовала себя под покровительством человека, внушавшего ужас местному населению.

Охрана не докучала своему шефу, когда он предавался любовным утехам, и Смит считал, что организовать на него охоту лучше всего именно в это время.

— Даже лошади глупеют от любви,— деловито констатировал Смит.— Завтра вечером я обратаю его за милую душу!

На том они и порешили.

На следующее утро я поинтересовался у Янковской:

— Что это за тип?

Она небрежно пожала плечами.

— Мой брави!

— Он имеет на вас какие-то права?

— Кто может иметь на меня какие-то права? Разве только чья-нибудь секретная служба...

Она усмехнулась, но ей не было весело, я это отлично видел.

— Ну, а все-таки, что это за субъект? — настаивал я.— Что это за ковбой на службе у заокеанской разведки?

— Натура малозагадочная,— пренебрежительно отозвалась она.— Каким вы его видели, такой он и есть. Пастух из Техаса, отличный наездник и стрелок, считает себя стопроцентным янки, хотя, вероятно, в его жилах все-таки течет мексиканская кровь. Его умение вольтижировать и стрелять привлекло внимание какого-то проезжего антрепренера, и тот сманил его в цирк. Те же качества привлекли к нему внимание разведки. Ему дали несколько поручений, он их успешно выполнил. Работает он исключительно из-за вознаграждения, копит деньги. Поручения ему даются самые несложные, для выполнения которых не требуется быть мыслителем. Поймать, отнять, убить... Гангстер! Смел, исполнителен, молчалив. Большего от него и не хотят. У него одна мечта: накопить денег, купить в Техасе ранчо, построить дом, с гаражом, с холодильником, со стиральной машиной, и привести туда меня в качестве хозяйки.

Я испытующе взглянул на нее.

— А как вы сами относитесь к такой перспективе?

— Я его не разочаровываю,— призналась она.— Пусть надеется, так он будет послушнее.

— А когда вы его обманете?

— Тогда я буду для него недосягаема,— жестко сказала она.— Он уже не сможет меня убить.

— Ну, а если...

— Догадается? — Янковская улыбнулась.— Тогда...

Она щелкнула пальцами, и ее жест не оставлял никаких сомнений в том, что сама она не поколеблется пристрелить этого претендента на ее руку, если тот вздумает ей мешать.

Мы помолчали.

— Вы уверены, что все кончится успешно? — спросил я.

— Конечно,— сказала она без какого бы то ни было колебания.— Все предусмотрено.

Мне, пожалуй, не следовало бы присутствовать при расправе с Эдингером, но я хотел собственными глазами убедиться в том, что я и Железнов избавились от грозящей нам опасности.

— Я хотел бы это видеть,— сказал я.

— Не испугаетесь? — спросила она с легкой насмешкой.

— Нет,— сказал я.— Я не из пугливых.

— Вот это мне нравится,— одобрила она.— Вы входите во вкус нашей работы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Сначала мы смотрим, а потом начинаем действовать сами.

— А как же мне увидеть нашу работу?

— Вы можете сесть в сквере и наблюдать издали, но как только все произойдет, сейчас же удаляйтесь. Никто не знает, что последует дальше.

Она передернула плечами.

— Дайте мне рюмку водки.

Все-таки она нервничала.

— До вечера,— сказала она на прощание.— Вечером я провожу вас в театр.

Она выпила водку и ушла.

Да, все эти люди делали, в сущности, одно дело, служили одному хозяину, и в то же время как они ненавидели друг друга!

Если бы не Железнов, мне было бы гораздо тяжелее переносить постоянное общение с этими людьми и притворяться, что я один из них. Близость Железнова позволила мне в самых тяжелых обстоятельствах не утрачивать чувства локтя.

Еще до утреннего разговора с Янковской мы провели вместе с Железновым почти всю ночь.

Я рассказал ему о решении уничтожить Эдингера.

— Оно неплохо бы,— согласился Железнов и неуверенно усмехнулся.— Однако об этом придется доложить. Менять начальников даже в гестапо нельзя без разрешения. Тут можно и напортачить.

Мы с тревогой спросили друг друга: даст ли наше начальство согласие на ликвидацию Эдингера, и захочет ли, в конце концов, и сумеет ли Смит устранить его — в какой-то степени от этого зависела наша судьба. Но не в характере Железнова было сидеть у моря и

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—32.

ждать погоды. Мы приступили к работе — следовало спешить, потому что, мы это чувствовали, над нами день ото дня сгущались тучи.

Мы держали перед собой адрес Озолса и просматривали открытку за открыткой.

На открытках с цветами были цифры, и на открытках с видами Латвии были цифры, но адрес и цифры нам никак не удавалось сочетать.

Мы долго бились над расшифровкой этих цифр. Шифры в наше время стали очень сложны, и такой опытный работник разведки, каким являлся Блейк, должен был пользоваться самым изощренным шифром. Поэтому я не буду описывать наших попыток раскрыть тайну цифровых знаков Блейка, а только скажу, что, несмотря на все наши догадки, мы так ничего и не добились.

Когда мы почти уже совсем отчаялись, на Железнова вдруг снизошло вдохновение,— он принялся пересматривать открытки не с той стороны, где пишется текст и где написаны были цифры, а с лицевой, где напечатаны были картинки; он взглядывал время от времени на адрес и всматривался в улицы, площади и здания, изображенные на открытках...

— Подожди-ка! — вдруг закричал он.— Эврика!

Он схватил адрес, прочел: «Мадона, Стрелниека, 14»,— потом подал открытку мне.

— Что здесь изображено? — спросил он.

На открытке виднелась какая-то провинциальная улица; я посмотрел на обратную сторону и прочел надпись: «Мадона, Стрелниека».

Не был только указан номер дома, в котором жил Озолс...

Вместо того, чтобы записать местожительство Озолса, дом засняли на почтовой открытке...

Незабудка жила на Стрелковой улице в Мадоне!

Оставалось только разгадать тайну цифр, но к утру мы не успели это сделать.

— Еще одна — две ночи, и все станет ясно,— сказал Железнов.— Если только Эдингер или его преемник не отрубят нам раньше головы.

Потом мы решили поспать хотя бы несколько часов, потом Марта позвала нас завтракать, потом пришла Янковская, и день завертелся обычным колесом.

Железнов с утра ушел из дома и вернулся только в сумерках. Я услышал на кухне его голос и пошел за ним, но не успел раскрыть рта, как Железнов оттопырил на руке большой палец: это без слов говорило, что все в порядке и что согласие на уничтожение Эдингера дано.

Мы с Железновым заранее решили, что на место происшествия пойду я: рисковать обоим не следовало.

Янковская появилась очень поздно, наступила уже ночь.

— Пойдем пешком,— сказала она.— Машина будет только мешать.

Мы не спеша дошли до дома, в котором жила госпожа Лебен. Везде было очень темно, редкие прохожие торопливо проходили мимо.

Несколько наискось, шагах в двухстах от интересовавшего нас дома, находился сквер.

Мы сели на скамейку, Янковская положила мне на плечо руку. Нас можно было принять за влюбленную парочку.

— Это хоть и не кресло в партере,— сказала Янковская,— но отсюда все будет видно. Вы своими глазами убедитесь в том, что Эдингер больше не опасен.

Над нашими головами мерцали звезды, шелестела листва деревьев, пахло душистым табаком; обстановка была очень поэтичная.

— Я пойду,— сказала Янковская.— Я не слишком люблю цирковые номера...

Она оставила меня в одиночестве.

Я сидел и всматривался в громаду немого многоэтажного дома.

Госпожа Лебен жила на пятом этаже, и мне было интересно, как сумеет забраться туда неподражаемый Гонзалес.

Все, что затем последовало, было настолько необычно, дерзко и, я бы сказал, театрально, что, появись описание такого происшествия в приключенческом романе, обязательно нашлись бы критики, которые обвинили бы автора в неправдоподобии...

Но тут уж ничего не поделаешь! Никакая фантазия не может угнаться за жизнью, а люди с ограниченным мышлением не верят ни в межпланетные путешествия, ни в необычные ситуации, в каких не так уж редко оказываются люди...

Хотя и странно хвалить убийц, надо отдать справедливость Янковской и Смиту — они оказались мастерами своей профессии. Именно театральность, необычность и дерзость обеспечили успех покушения на Эдингера.

В полночь, может быть, несколькими минутами позднее, появился, как это ему и положено, сам дьявол, потому что в той преисподней, какой являлось рижское гестапо, Эдингер, несомненно, был дьяволом.

Он подъехал в машине в сопровождении нескольких эсэсовцев и тотчас скрылся в подъезде, один из эсэсовцев исчез в воротах, другой остался на улице, остальные шумно о чем-то посовещались и укатили обратно.

Эсэсовец, оставшийся на улице, постоял перед домом и затем двинулся в сторону сквера. Напевая какую-то лирическую песенку, он медленно зашагал по дорожке и, хотя был, по-видимому, в очень благодушном настроении, скорее по привычке, чем в силу какой-то особой настороженности, внимательно посматривал по сторонам.

Разумеется, он заметил меня.

Он приблизился и пальцем ткнул мне прямо в грудь.

— Кто такой?

— А вы кто? — ответил я ему, набравшись нахальства, но тут же поспешил добавить: — Стерегу шефа!

Чем-чем, а таким ответом нельзя было его удивить: всяких сыщиков, ищеек и соглядатаев хватало в ту пору в Риге!

Эсэсовец ухмыльнулся и понимающе кивнул в сторону дома.

— Голубки воркуют, а ты скучай...— Он сочувственно похлопал меня по плечу.— Сиди, сиди, а я схожу, пропущу рюмочку шнапса...

Он принял меня за сотрудника тайной полиции.

Он даже козырнул мне, вышел из сквера и скрылся за углом.

Около часа ночи из-за угла появился какой-то человек в черном плаще, в каких обычно выходят на сцену оперные убийцы.

То был ожидаемый мною Кларенс Смит, он же Рамон Гонзалес.

В этом пастухе из Техаса была какая-то врожденная артистичность, и если бы он тратил свои способности не на шпионаж и убийства, возможно, он остался бы в истории цирка как большой артист...

Но — увы! — он любил только деньги и госпожу Янковскую, впрочем, последнюю, как мне казалось, несколько меньше, чем деньги!

Смит прошелся вдоль дома, посмотрел на окна верхнего этажа и поднес к губам какой-то темный предмет (я сперва не разобрал, что это такое), минуту стоял молча и вдруг издал нежный протяжный звук...

Это была простая губная гармоника!

Смит проиграл лишь одну музыкальную фразу и смолк, опять посмотрел вверх и скрылся в тени...

И вдруг откуда-то из темноты полились звуки одновременно задорной и грустной песенки...

Странная это была мелодия, вероятно, какая-нибудь мексиканская или индейская песня, давным-давно слышанная Смитом где-нибудь в пустынных, неприветливых прериях, и ее исполнение говорило о незаурядном таланте исполнителя.

Нежная и жалобная мелодия лилась, как серебристый ручеек, разливалась вдоль улицы, поднималась вверх, таяла в ночном небе. Песенка звала, завораживала, призывала...

Должно быть, так вот завораживают звуками своих дудочек укротители змей. Вероятно, это сравнение пришло ко мне позже; в тот момент я не думал ни о каких укротителях — меня самого околдовали эти звуки.

Но было в этой мелодии и что-то раздражающее, что-то опасное...

Кое-где осторожно хлопнули створки оконных рам, кто-то выглянул, распахнулись створки окна и на пятом этаже, и Эдингер (я не сомневался, что это он), движимый, вероятно, еще и профессиональным любопытством, высунулся из окна...

Дудочка сделала свое дело: змея высунула голову из корзины!

Должно быть, еще внимательнее, чем я, следил за всем происходящим Кларенс Смит...

Он вдруг появился из темноты; можно сказать, выступил на подмостки...

Я не мастер описывать эффектные сцены, но все происходило, как в американских фильмах,— вероятно, Смит насмотрелся в своей жизни немало голливудских боевиков. И хотя для описания всего того, что произошло дальше, потребовалось бы не более минуты, на самом деле все произошло еще быстрее.

Песенка приблизилась ко мне,— ее исполнитель почти демонстративно продефилировал по мостовой перед домом, чем еще сильнее возбудил любопытство своих немногочисленных слушателей. Он даже как будто поклонился Эдингеру, снова поднес к губам гармонику и заиграл быстрый, веселый и, я бы сказал, даже насмешливый мотив, подошел к решетке сквера и внезапно скрылся в тени пышного вяза...

Вероятно, Эдингер рассердился, что кто-то посмел нарушить его покой. Он перегнулся

через подоконник и что-то закричал, всматриваясь в темноту...

В этот момент Смит прислонился спиной к стволу дерева, вскинул руку, и я услышал сдавленный крик...

Но выстрела я не услышал...

Господин Гонзалес пользовался бесшумным пистолетом! Вот когда мне стали понятны некоторые таинственные обстоятельства моей прогулки с госпожой Янковской по набережной Даугавы...

Вслед за выкриком Эдингера раздался громкий женский вопль.

Артисту следовало убегать со сцены. Он это и сделал.

Я тоже поспешил покинуть сквер и скрыться в ближайшем переулке.

Дома Железнов ожидал моего возвращения.

— Ну что? — спросил он.

— Порядок,— сказал я.

Утром Железнов принес номер «Тевии» — газеты, выходившей в Риге в годы немецкой оккупации.

В газете было напечатано короткое сообщение о том, что начальник гестапо обергруппенфюрер Эдингер мужественно погиб при исполнении служебных обязанностей...

К вечеру вся Рига говорила, что Эдингер лично руководил захватом подпольного антифашистского центра и был убит некой Лилли Лебен, оказавшейся немецкой коммунисткой, специально засланной в Ригу для совершения террористических актов и под видом артистки варьете вкравшейся в доверие к обергруппенфюреру...

Торжественные похороны состоялись два дня спустя.

Впервые в жизни госпожа Эдингер плакала, не испросив на то разрешения своего мужа. Гиммлер прислал ей сочувственную телеграмму, а военный оркестр сыграл над могилой обергруппенфюрера «Стражу на Рейне».

При первой же встрече Янковская спросила меня:

— Вы довольны?

— Я рад, конечно, что избавился от опасности,— ответил я.— Но еще неизвестно, что ждет меня впереди.

— Все будет хорошо,— успокоила меня Янковская.— Скоро приедет Польман...

— А каков этот? — спросил я.

— Это наш человек,— сказала Янковская.— У него трезвый ум, и, главное, он умеет ценить друзей и оказывать им услуги.

15. В ТЕНИ КАКТУСОВ

Господин Вильгельм фон-Польман не замедлил прибыть на освободившееся место: если профессор Гренер не имел возможности убрать Эдингера, то его влияния было достаточно, чтобы добиться назначения Польмана.

В квартире Гренера я и познакомился с новым начальником гестапо через день или два после его прибытия.

Он не походил на своего предшественника ни внешне, ни внутренне. С виду он напоминал преуспевающего аптекаря или дантиста. Черные, коротко подстриженные, слегка вьющиеся волосы, большие, темные, немного навыкате глаза, крупный мясистый нос и пухлые, влажные губы...

Он был спокоен, сдержан, невозмутим, вежливо посматривал на всех сквозь роговые очки, любезно всех выслушивал.

Но не прошло и нескольких недель, как в своей деятельности Польман намного превзошел неуравновешенного Эдингера!

Эдингер, как рассказывали о нем его сотрудники, легко мог взбеситься при допросе какого-нибудь чрезмерно упрямого и неразговорчивого заключенного и собственноручно наброситься на него с кулаками или, цитируя Гитлера, прийти в раж, закатить глаза и буквально забыть все на свете. Напротив, Польман никогда не выходил из себя и никогда не снисходил до того, чтобы лично прикоснуться к лицу арестованного, но зато он классифицировал все виды пыток, которые применялись эсэсовцами, и особой инструкцией точно определил их последовательность. Польман запретил избивать подследственных кому попало и как попало, но зато увеличил штат специальных инструкторов и ввел в практику применение специальных инструментов для развязывания языков...

Словом, если Эдингер был, так сказать, воплощенная непосредственность, Польман был само хладнокровие и система. Кстати, следует сказать, что Польман вполне прилично играл на кларнете. Именно с музыки и началось наше знакомство при встрече у Гренера. Польман решил очаровать всех его гостей и исполнил на кларнете несколько старинных тирольских танцев.

И, пожалуй, именно в связи с приездом Польмана я был наконец удостоен приглашения на дачу к профессору Гренеру.

— Дорогой Август,— проквакал он мне после ужина,— я буду искренне рад, если вы не откажетесь провести у меня за городом ближайшее воскресенье.

К себе на дачу Гренер приглашал только близких друзей, и это приглашение я объяснил не столько его дружелюбием, сколько вниманием, проявленным ко мне генералом Тэйлором. Однако я не угадал: он пригласил меня потому, что приготовил, как он воображал, ошеломляющий сюрприз...

А сюрприз от господина Польмана я получил еще раньше.

На четвертый или на пятый день после появления Польмана в Риге Марта вручила мне простой серый конверт, в котором оказалась обычная повестка, вызывающая господина Августа Берзиня в канцелярию гестапо к 13 часам 15 августа 1942 года.

Конечно, вызов мог быть сделан и каким-нибудь мелким чиновником, неосведомленным о том, кем является господин Август Берзинь на самом деле, но, как затем оказалось, вызов был сделан вполне осведомленным лицом.

Я явился к тринадцати часам. В комендатуре потребовали документ, хотя отлично знали меня по предыдущим визитам к Эдингеру. Господин Польман наводил порядок и в самом гестапо.

Меня направили на второй этаж, там заставили подождать, переправили на четвертый, на четвертом снова заставили дожидаться, отправили на третий, на третьем отвели к кабинету Польмана и еще заставили подождать.

Мне это не слишком понравилось, но поднимать бунт не было смысла,— это было что-то вроде психической подготовки: мол, знай сверчок свой шесток.

Наконец Польман пригласил меня к себе.

Он был все так же спокоен и невозмутим, как и при встрече у Гренера.

Он слегка улыбнулся и пытливо посмотрел на меня сквозь очки.

— Если бы мы встретились до войны, я бы не заставил вас дожидаться,— произнес он.— Если бы вы были только британским офицером, я бы немедленно направил вас в лагерь. Но поскольку вы являетесь нашим сотрудником, я пригласил вас к себе и принял в порядке очереди.

Он смотрел на меня, я сохранял полное спокойствие.

— Можете сесть,— сказал Польман в тоне приказания.

Я сел.

— Я вас вызвал за тем, чтобы сказать, что мы вами недовольны,— продолжал Польман.— Я ознакомился с докладами обергруппенфюрера Эдингера еще в Берлине. Вы должны были передать нам свою агентурную сеть еще...— он извлек из-под руки какую-то крохотную шпаргалку,— еще в прошлом году. Потом вам дважды предоставляли отсрочку. Вы слишком затянули это дело. Я даю вам еще месяц, капитан Блейк. Если через месяц вы не передадите нам агентурной сети, я отправлю вас в лагерь как британского шпиона, причем на вашем документе будет сделана пометка: «Возвращение нежелательно».— Его улыбка сделалась еще любезнее.— Я советую вам оправдать наше доверие и хочу предупредить, что при мне в полиции не может быть такого беспорядка, как при обергруппенфюрере Эдингере. Если я говорю месяц, это и значит месяц; если я говорю, что вы попадете в лагерь, вы в него попадете.

Это был сюрприз и в том смысле, что обещало мне скорое возвращение домой: в лагерь я попадать не собирался, и, значит, за месяц необходимо было выполнить свое задание...

Быть моим проводником на дачу к Гренеру взялась Янковская.

— Виктора мы не возьмем,— категорически сказала она.— Он не пользуется моим доверием.

Она появилась в воскресенье раньше обычного, оживленная, нарядная, в светлом летнем костюме какого-то блекло-фисташкового оттенка, в широкополой соломенной шляпе, украшенной фиалками...

Она потребовала, чтобы и я надел светлый костюм.

— Я хочу, чтобы сегодня все было очень празднично,— сказала она.— Может быть, это последний веселый день в моей жизни.

Предчувствие не обманывало ее: немного веселых дней оставалось у нее впереди.

Мы выехали на шоссе. Свежий ветер бил нам прямо в лицо. Мелькали пригородные домики.

— Куда мы едем? — спросил я.

— В Лиелупе! — крикнула Янковская.— Мы будем там через полчаса!

Она сбавила скорость.

— Мы скоро расстанемся,— сказала она ни с того, ни с сего.

Я удивился.

— Почему?

Она не ответила.

— Вы будете меня вспоминать? — вдруг спросила она.

— Конечно,— сказал я.

Янковская не пыталась со мной заигрывать; она вообще больше уже никогда не предпринимала никаких попыток сблизиться со мной, но в это утро она была сама нежность. Она смеялась, шутила, вела себя так, точно к ней опять вернулись ее семнадцать лет.

Мы почти миновали Лиелупе, когда Янковская свернула в сторону, и вскоре поехали вдоль высокого кирпичного забора, из-за которого виднелись пышные купы деревьев.

— Вот мы и на месте,— со вздохом промолвила Янковская.

— Это дача Гренера? — удивился я.

Мы остановились перед высокими тяжелыми чугунными воротами, плотно зашитыми изнутри досками, выкрашенными черной краской под цвет чугуна.

Янковская попросила меня позвонить.

Сбоку у калитки белела кнопка звонка.

Я позвонил, и из калитки тотчас вышел эсэсовец.

Он намеревался было о чем-то меня спросить, но увидел Янковскую, поклонился и пошел открывать ворота.

За воротами, когда мы уже въехали на территорию дачи, я увидел вышку, с которой просматривалась вся линия вдоль забора; на вышке стоял эсэсовец с автоматом.

От ворот тянулась аллея, очень широкая и очень чистая, уходившая в глубину парка. Мы медленно ее проехали. Налево показался двухэтажный дом, построенный в ультрасовременном стиле — серый куб с изобилием стекла и со стеклянными верандами наверху, выступающими, точно крылья самолета, над окнами нижнего этажа; чуть поодаль от дома виднелись два флигеля — должно быть, для прислуги или для гостей; направо, за деревьями, открывался просвет, там тоже стояли какие-то постройки, а за ними раскинулся просторный луг...

Передо мной открылся самый настоящий аэродром!

Меня вдруг осенило.

— Скажите, Софья Викентьевна,— спросил я,— это и есть посадочная площадка, где приземлялся наш босс?

— Вы догадливы! — отозвалась она, сопровождая свои слова обычным ироническим смешком.— Не могли же немцы принять его на одном из своих военных аэродромов!..

— Вообще странная дача,— заметил я.— Охрана, аэродром...— Я указал на дом и флигеля.— А там какие-нибудь секретные лаборатории?

Янковская опять усмехнулась.

— Нет, дом действительно предназначен для Гренера, а во флигелях живут его питомцы.

И в самом деле, возле одного из флигелей я увидел детей; одни из них копались в песке, другие бегали.

Оказывается, молва не лгала: Гренер действительно устроил у себя на даче что-то вроде детского приюта. Этому чванному журавлю все же не чужды были человеческие чувства.

— Он здесь работает,— сказала Янковская, явно имея в виду нынешнего хозяина дачи.— Он большой ученый и много экспериментирует...

Она остановила машину перед домом — мы вышли; из подъезда опять показался какой-то эсэсовец, козырнул и повел машину куда-то за дом.

Гренер спешил уже навстречу Янковской.

— Мы ждем вас, дорогая...

Он поцеловал ей руку, поздоровался со мной и повел нас наверх. В очень просторной и светлой гостиной, уставленной цветами, сидели Польман и еще двое господ, которые, как выяснилось позднее, были высокопоставленными чиновниками из канцелярии гаулейтера Розенберга.

Оказалось, ждали только нас, чтобы приступить к завтраку.

Разговор за столом соответствовал обстановке. Мимоходом коснулись каких-то новых стратегических планов германского командования, с незлобивой иронией отозвались о последней речи Геббельса, а затем принялись рассуждать об абстрактной скульптуре, о превосходстве немецкой музыки над итальянской, о каких-то новых открытиях самого Гренера...

Я бы сказал, что все было очень мило, если бы от всех этих разговоров не веяло какой-то невероятной пустотой; обо всем говорилось столь бесстрастно, точно все темы были равно безразличны и неинтересны собеседникам.

Да, все было очень мило, но меня не покидало ощущение того, что всех находящихся здесь за столом людей связывала не только общность общественного положения, но и какие-то тайные узы, точно все здесь принадлежали к какому-то тайному ордену...

И у меня мелькнула мысль: не состоят ли все эти люди на службе у генерала Тэйлора?..

За десертом подали шампанское, и когда его разлили в бокалы, Гренер встал.

Он обвел взглядом своих приятелей, остановился на мне, и когда заговорил, я понял, что именно меня собирался он поразить своим сюрпризом.

— Милые друзья! — сказал Гренер, сентиментально закатывая свои оловянные глаза.— Здесь, среди цветов, с освобожденной от всяких забот душой, я хочу обрадовать вас неожиданной вестью...

Он поднес к губам руку Янковской, и сразу все стало ясно.

— Я нашел себе подругу жизни,— сообщил он.— Госпожа Янковская оказала честь принять мое предложение, и скоро, очень скоро я смогу назвать ее своей супругой...

Старый журавль таял от блаженства. Бесспорно, Гренер не мог найти себе лучшей жены. Янковская тоже не смогла бы устроить свою судьбу лучше: вместе с Гренером она получала положение в обществе, материальное благополучие и, быть может, даже освобождение от своих бездушных господ.

Сама Янковская ничего не сказала, непонятно усмехнулась и позволила всем нам по очереди поцеловать свою руку.

Затем Гренер пожелал показать нам свою коллекцию кактусов.

Все вышли на громадную застекленную веранду.

Повсюду на специальных стеллажах стояли глиняные горшки со всевозможными кактусами. Здесь были растения и похожие на стоймя поставленное зеленое полено, и лежащие в горшках, точно груда серебристых колючих мячиков, и напоминающие растопыренную серую человеческую пятерню, и, наконец, столь бесформенные, что их уже ни с чем решительно нельзя было сравнить!

Гренер вел нас от растения к растению, с увлечением рассказывая, чем отличается один вид от другого и каких трудов стоило каждый из них выходить и вырастить.

Он коснулся пальцем одного из кактусов, вздохнул и не без кокетства указал на вторую дверь, выходившую на веранду.

— Когда мой мозг требует т а м отдыха, я прихожу к этим существам...

— Там ваш кабинет? — спросил один из гостей.

— Нет, лаборатория,— объяснил Гренер.— Я не мог не откликнуться на призыв фюрера помочь рейху в освоении восточных земель, но и здесь я продолжаю служить науке.

— А чем вы сейчас заняты, профессор? — поинтересовался гость.— На что устремлено ваше внимание?

— Я работаю над животными белками,— сказал Гренер.— Некоторые исследования по консервации плазмы...

Польман указал хозяину на закрытую дверь:

— Было бы крайне любопытно увидеть алтарь, на котором вы приносите жертвы Эскулапу!

Гренер снисходительно улыбнулся.

— Вряд ли моя лаборатория представляет интерес для непосвященных,— отозвался он, распахивая, однако, перед нами дверь лаборатории.

Большая светлая комната, ослепительная белизна, множество стеклянной посуды...

Поодаль, у большого стола, стояли две женщины в белых накрахмаленных халатах; при виде нас они сдвинулись, выпрямились, как солдаты, и смущенно поклонились, хотя сам Гренер почти не обратил на них внимания.

— Мои лаборантки,— сказал он, небрежно кивнув им головой.

И вдруг я заметил, что эти женщины как будто пытаются что-то скрыть, заслоняют что-то собой...

Позади них, вплотную придвинутый к большому столу, заставленному колбами, пробирками и пузырьками, стоял небольшой белый эмалированный столик на колесах, на каких в операционных раскладывают хирургические инструменты, а в лабораториях зоологов оперируют мелких животных.

Мне стало любопытно, что может скрываться под простыней, наброшенной поверх столика.

Гренер проследовал своим журавлиным шагом мимо лаборанток и взял со стола штатив с пробирками, наполненными бесцветной жидкостью.

— С помощью этой плазмы мы сохраним жизнь многих достойных людей! — воскликнул он не без пафоса.— Нет ничего драгоценнее человеческой жизни!

И в этот момент простыня, задетая Гренером, соскользнула со столика, одна из женщин тотчас подхватила ее и накинула обратно, но этого мгновения было достаточно, чтобы увидеть, что скрывалось под простыней...

На столе лежал ребенок...

Гренер заметил мой взгляд; гримаса недовольства искривила его лицо.

— Извините...— Гренер слегка поклонился в нашу сторону.— Госпожа Даймхен! — позвал он одну из женщин.— На два слова.

Женщина постарше неуверенно приблизилась к Гренеру.

Как и всегда в минуты своего возбуждения, он зашипел и сердито что-то пробормотал, слегка повизгивая, как это делают во время сна старые псы.

Госпожа Даймхен побагровела.

Ужасная догадка промелькнула у меня!

— Простите, господин профессор,— обратился я к Гренеру.— Вы берете вашу плазму...

Гренер любезно повернулся ко мне.

— Да, мы экспериментируем с человеческой кровью,— согласился он.— Именно плазма человеческой крови дает богатейший материал для исследований...

Я не ослышался: Гренер невозмутимо и деловито признал, что этот ребенок принесен в жертву какому-то эксперименту...

Нет, мне никогда не забыть этого ребенка! Игрушечное фарфоровое личико, правильные черты лица, черные шелковистые кудряшки, доверчиво раскинутые ручонки...

— Но позвольте...— Я не мог не возразить, пользуясь своей прерогативой свободолюбивого англичанина.— Английские врачи вряд ли одобрили бы вас! Приносить в жертву детей...

Гренер метнул еще один выразительный взгляд в сторону госпожи Даймхен.

— Вы чувствительны, как Гамлет, милейший Берзинь,— снисходительно произнес он.— Никто не собирался приносить этого ребенка в жертву, я только что сделал выговор госпоже Даймхен, это непростительная небрежность с ее стороны. Мы берем у детей немножко крови, но не собираемся их убивать. Наоборот, мы их отлично питаем, им даже выгодно находиться у меня. Эти дети принадлежат к низшей расе и все равно были бы сожжены или залиты известью. По крайней мере, мы используем их гораздо целесообразнее...

Все же он был раздосадован неожиданным инцидентом и быстро повел нас прочь из лаборатории, пытаясь снова обратить наше внимание на новые разновидности кактусов.

Может быть, никогда в жизни мне не было так плохо...

И я вспомнил все, что говорилось о гуманизме профессора Гренера, вспомнил матерей, которые перед смертью благословляли его за спасение своих детей...

Должно быть, я недостаточно хорошо скрывал свое волнение.

Польман снисходительно притронулся к моей руке.

— Вы слишком сентиментальны для офицера,— назидательно упрекнул он меня.— Некоторые народы годятся только на удобрение. Ведь англичане обращались с индусами не лучше...

Но на остальных все, что мы видели, не произвело особого впечатления.

А мне чудилось, будто все кактусы на этой веранде приобрели какой-то розоватый оттенок...

С веранды Гренер повел нас в гостиную, играл нам Брамса, потом был обед, потом мы пошли в парк. Однако мысль моя все время возвращалась к ребенку...

Мы проходили мимо флигелей, неподалеку от дома Гренера. Это были чистенькие домики, обсаженные цветами. Около них играли дети, тоже очень чистенькие и веселые. Женщина в белом халате следила за порядком.

— Как видите, они чувствуют себя превосходно,— заметил Гренер, кивая в сторону детей.— Я обеспечил им идеальный уход.

Да, я собственными глазами созерцал этот идеальный уход!

У многих детей руки на локтевых сгибах были перевязаны бинтами...

Маленькие доноры играли и гуляли, и счастливый возраст избавлял их от печальных мыслей о неизбежной судьбе.

— И много воспитанников в вашем детском саду? — спросил я.

— Что-то около тридцати,— ответил Гренер.— Мне приятно, когда вокруг звенят детские голоса. Они так милы...— Тусклые его глаза влюбленно обратились к Янковской: — Вкусу госпожи Янковской мы обязаны тем, что можем любоваться этими прелестными крохотными существами, именно она привозила сюда наиболее красивых особей...

Для характеристики Янковской не хватало только этого!

Возвращение мое с Янковской в Ригу было далеко не таким приятным, как утренняя поездка. Я молчал, и ей тоже не хотелось говорить.

Только в конце пути, точно оправдываясь, она спросила меня:

— Вы не сердитесь, Андрей Семенович? — И еще через несколько минут добавила: — Мне не остается ничего другого.

При въезде в город мы поменялись местами, я отвез ее в гостиницу и поспешил домой.

Железнов уже спал, но я разбудил его.

Я рассказал ему обо всем: о поездке, об этой странной даче, о Гренере и Польмане, о кактусах и детях...

Кулаки его стиснулись...

— Ты знаешь, когда Сталин назвал фашистов людоедами, я думал, что это гипербола,— сказал он мне.— Но мы видим, что это буквально так...

Всегда очень спокойный и сдержанный, он порывисто прошелся по комнате, остановился передо мной и твердо сказал:

— Нет, этого ни забыть, ни простить нельзя.

Продолжение следует.

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ В АМЕРИКЕ

Советскому читателю вряд ли известно литературное творчество А. Г. Евстафьева, хотя писал он главным образом о России. И это не удивительно, потому что писал он на английском языке, издавал свои произведения в Западной Европе и в Америке (в Лондоне, Бостоне, Нью-Йорке и других городах). В американских источниках он упоминается как американский писатель.

Кто же такой Алексей Евстафьев и правы ли американские библиографы, считающие его американским литератором?

...В конце XVIII века в церкви русского посольства в Лондоне появился новый молодой певчий. Знали о нем мало; было лишь известно, что он выходец из казачьей семьи, небогатой и патриархальной, а родом с Дона (родился в 1783 году).

Молодой певчий, получивший в России неплохое по тем временам образование, продолжал и здесь, за границей, много и жадно учиться. Прошло несколько лет, и Алексей Евстафьев уже в совершенстве владел английским языком. Способности и старательность юноши, его живой, пытливый ум были замечены: из певчего он превратился в одного из сотрудников посольства, а в 1809 году назначен русским консулом в Бостоне. На этом посту он прослужил восемнадцать лет, а впоследствии стал русским генеральным консулом в Америке, где и прожил до 1847 года. Назначение на столь ответственный дипломатический пост было для молодого, 26-летнего человека немалой честью, особенно если принять во внимание, что Евстафьев не был дворянином и не имел специального дипломатического образования.

В том же году, когда Евстафьев начал свою деятельность в Бостоне, им была закончена работа (оставшаяся неизданной, рукопись хранится в Библиотеке имени Ленина в Москве) «Рассуждение о пользе страхового постановления в России на основании, принятом народами». Но уже следующее его произведение было опубликовано в Лондоне и получило известность. Это была книга «Средства России в случае войны с французами с кратким описанием казаков», в которой А. Евстафьев, разбирая потенциальные военные возможности обеих стран — их вооружения, обеспечение тыла и прочее,— приходит к выводу о том, что Франция Наполеона I потерпит в случае войны с Россией неизбежное поражение.

Книга эта была издана вначале анонимно, но приобрела такую популярность, что уже в 1813 году в Лондоне вышло ее второе издание, а затем в Бостоне — третье, причем последние два — с указанием фамилии автора. Эти издания Евстафьев дополнил очерком войны 1812 года.

Через год в Бостоне выходит из печати новый труд Евстафьева, «Памятные предсказания о последних событиях в Европе».

В этой довольно объемистой книге (108 страниц) Евстафьев талантливо выступает против американских газет «Дейли адвертайзер», «Бостон газет», «Рэпетери энд Дженерал адвертайзер» и многих других, оспаривавших ведущую и решающую роль России в поражении Бонапарта и умалявших ее заслуги в освобождении европейских народов от ига Наполеона.

И в указанных и в других своих печатных работах этого рода Евстафьев проявил себя как одаренный политик, полемист и публицист. Важно отметить, что, выступая с позиций русского дипломата, он пользовался любым поводом для того, чтобы ознакомить американское общество с жизнью России, с русским народом и его культурой. Делал он это и в своих книгах, статьях и устных выступлениях. Ему принадлежит заслуга ознакомления американских ученых-медиков с трудами замечательного русского хирурга того времени — доктора Буяльского.

В 1813 году в Бостоне издана его книга, посвященная деятельности Петра I. Вместе с нею была опубликована написанная Евстафьевым трагедия в стихах «Царевич Алексей» (в 5 актах). Судя по тому, что рядом с именами действующих лиц указаны фамилии исполнителей ролей, пьеса, видимо, ставилась в американских театрах. Книга имела успех и вышла вскоре вторым изданием.

Евстафьева, как видно, больше всего увлекала героическая история России в периоды ее борьбы за независимость и становление государственности. Во французском журнале «Ревю энциклопедик» (1821, № XII, стр. 267) упоминается такое произведение Евстафьева, как «Мазепа и Петр», также вышедшее в США, но почему-то не упоминаемое в американских каталогах.

Наконец, в 1818 году в Бостоне была издана самая крупная из литературных работ Евстафьева — эпическая поэма в 7 песнях «Дмитрий, герой Донской». Подобно другим книгам этого же автора, она переиздавалась (в Балтиморе). Из более поздних его произведений известна большая статья, касающаяся вопросов медицины (1837 год).

А. Г. Евстафьев окончательно возвратился в Россию в 1847 году, дослужившись до одного из самых высоких гражданских чинов — чина статского советника. Умер он в 1857 году.

Зах. ДИЧАРОВ

Тимка, бабка и утята

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки К. РОТОВА.

Дом, в котором живет Тимка, стоит на берегу лимана, в самом конце длинной сельской улицы. Сбежишь вниз по крутому спуску и через пять минут уже в воде — белесой, солоноватой, теплой, как суп. Жарко светит солнце, но с лимана тянет свежим ветерком, будто невидимый добрый великан, раздув щеки, тихонько дует в огромную песчаную тарелку, остуживает свое варево. Хорошо!

По берегам лимана, в стоячей воде маленьких озер, в зарослях камыша, на зеленых склонах холмов — всюду, куда ни глянь, утки. Они серо-коричневые, большие, важные. Их тут множество — десятки тысяч. Колхоз славится утками на всю область.

Председатель колхоза Сергей Пантелеевич на собрании сказал:

— Мы на своей утке, товарищи колхозники, взлетели на большую высоту. Теперь наша задача не только на этой высоте трудодень удержать, но еще и взлететь повыше.

И колхоз старается «взлететь повыше».

На берегу лимана с утра до вечера дробно и весело стучат топоры: колхозные плотники ставят новые утятники.

Тимка полюбил смотреть на маленьких, только что из инкубатора утят. Пушистые, большеголовые, они кружатся в своем загончике живой, попискивающей темно-желтой лентой. Присматривает за ними Катя Тихомирова (в прошлом году она окончила семь классов). На ней белый халатик, на голове — белая косынка, вид строгий. И на своих питомцев она покрикивает совсем как воспитательница в детском саду:

— А ну, ребята, потише!.. А ну, давайте в другую сторону!.. А ну, чур, слабеньких не давить!..

Кружится и кружится живая темно-желтая лента, и Тимке начинает казаться, что утята танцуют на ветру какой-то веселый нескончаемый танец:

Тра-та-та-та!
Мы — утята,
Не цыплята, не козлята,
Не орлы, не поросята,
Тра-та-та-та!
Мы — утята!..

Тимка даже как-то сказал Кате:

— Это у них свой утячий фестиваль!

Строгая Катя сморщила маленький нос, прикрытый от солнечного ожога листком акации, сказала:

— Не говори слов, значения которых ты не понимаешь.

— Да ты погляди, они же взаправду танцуют. Тра-та-та-та, мы — утята!..

— Это ты сам танцуешь, а утята просто бегают по кругу. Для общего укрепления организма. По предписанию зоотехника. Массовая гимнастика, только и всего.

— Все равно похоже на фестиваль!

...Отец у Тимки заводской, он работает на заводе, что стоит на самом берегу моря, по дороге в город; мать, колхозная доярка, целый день пропадает у себя на ферме. А бабка — не заводская и не колхозная, бабка — домашняя.

Бабка варит, чинит, полет грядки в своем огороде, доит свою козу Варьку, кормит своих кур и своих уток да ворчит на Тимку:

— Ну, что ты все сидишь, нос в книжку. Помог бы родной бабке, уточек бы хоть покормил.

— Некогда, бабушка, у меня задача не выходит.

— Все не слава богу. У других выходит, а у нас не выходит. Выучишь свою задачу наизусть, поди Варьку загони.

— Опять ушла?!

— Опять. И что за коза такая, прости господи! У других, посмотришь, козы тихие, вежливые, со двора ни на шаг. А у нашей оглашенной одно на уме: как бы ей, проклятой, на улицу выскочить да под машину угодить...

Однажды Тимка прибежал из школы сам не свой. Шмякнул портфельчиком с учебниками о стол, сказал бабке, задыхаясь от волнения, залпом:

— Бабушка, учительница сказала, чтобы брали на воспитание утят в инкубаторе на три недели, будут давать по двадцать штук и питание.

Бабка нахмурилась:

— Это зачем же?

— Учительница сказала, чтобы Америку догнать по молоку и мясу... чтобы не задавались!

— Без тебя эту Америку догонят,— решила бабка.— У нас у самих вчера утята вылупились, бери своих да и воспитывай.

— Что вы такое говорите, бабушка? Все берут, а я не возьму?!

— И ты возьмешь. Своих! Сделаешь облегчение родной бабке.

Тимка захныкал:

— Своих! За своих, небось, премию не дадут! Учительница сказала: кто через три недели вернет в колхоз всех двадцать утят целыми, того правление в Москву на выставку пошлет.

— Как же, дожидайся,— пропела бабка,— только такого, как ты, експоната там и не хватает, на выставке! Не возьмешь ты этих утят, и все тут! Кончен разговор!

— Возьму!

— Не возьмешь! И не хнычь! А то, ей-богу, сама возьму сейчас прут, не посмотрю, что ты ученик, и такую тебе выставку сделаю, три дня на парту не сядешь. Лучше не раздражай моего сердца!

— Все равно возьму утят!— сказал Тимка и заплакал в голос, уже по-настоящему.

Тогда бабка взяла прут и... отыгралась на Варьке, которая, видя, что Тимка не закрыл дворовую калитку, решила воспользоваться случаем прыгнуть под грузовик. Бабка под горячую руку так ее отлупцевала, что коза даже мекать стала не обычным своим козлетоном, а дурным, визгливым сопрано.

Однако вечером, когда пришли с работы отец и мать, Тимка одержал полную победу над бабкой.

Мать сказала:

— Это дело хорошее наши придумали, мама, вы напрасно не соглашаетесь. Надо ребят приучать к колхозному труду. Да и колхозу выгода прямая. Пусть берет, ничего.

Отец ее поддержал:

— Бери, Тимка, где наша не пропадала, бери!

Бабка отступила, сдалась, хоть и продолжала весь вечер что-то ворчать себе под нос, но уже глухо, как уходящий гром.

На следующий день Тимка пошел в инкубатор и принес домой в плетеной корзинке (бабка сама ему ее дала ради такого случая) двадцать «новорожденных» утят, двадцать теплых, трепетных, писклявых комочков. Такие они были жалкие, такие хрупкие, что страшно было держать на ладони это крохотное живое сердечко с клювиком, одетое в темно-желтый нежный пух.

Бабка осмотрела утят, покачала головой.

— Вот эти три не нравятся мне. Квелые какие-то, не то что наши домашние. Поди отнеси их назад, скажи, чтоб обменяли.

— Бабушка, все утята одинаковые, их без выбора дают.

— Дураки, и те не одинаковые рождаются. Поди обменяй, тебе говорят.

— Не пойду!

— Дело твое, не мне их воспитывать. А где же ихнее питание?

Тимка подал бабке три яйца и кулек с крупой.

— Вот! Всем по стольку дали.

Бабка ахнула:

— Да что они, аспиды, сдурели? На три недели три яйца на такую ораву?! И крупы не хватит!

— Своей добавим!

— Ишь ты, какой добавщик! Вот я сейчас пойду в правление, горло им перерву за такие дела!

— Ой, бабушка, не ходите, не срамитесь! Вам от мамы попадет!

— Еще ты меня учить будешь? Пойду! Вот приберусь и пойду!

Побушевав, бабка, однако, никуда не пошла. А Тимка стал устраивать на террасе загончик для утят. Взял в сарае досок, сколотил их, на отгороженный квадрат пола насыпал песку, а сверху набросал травы. Получилось совсем как у Кати Тихомировой. Можно было начинать утячий фестиваль! Но утята — права была бабка — действительно попались какие-то квелые, танцевать не захотели, а сгрудились в одно желтое облачко и сидели все вместе тихо-тихо. Однако от мелко накрошенного сваренного вкрутую яйца не отказались и поклевали с аппетитом.

— Оживают! — решил Тимка.

И точно: когда на другой день утром он вышел на террасу, утята в загончике встретили его тре-

двадцать. И цифрами — 20. Я им на прощание пригрозила: «Имейте в виду,— говорю,— что я всем вам на правлении горло перерву, если вы внуку моему премию не дадите». Так что ты не сомневайся!..

Тимка вскочил с кровати и уткнулся головой в теплые бабкины колени.

...После уроков Тимка и другие ребята пошли на лиман купаться. По дороге забежали к Кате Тихомировой взглянуть на утячий фестиваль. Опять кружилась темно-желтая попискивающая лента, и Катя, в белом халатике и белой косынке, строгая, подтянутая, покрикивала на свою шумную ораву:

— А ну, ребята, давайте в другую сторону!.. А ну, чур, слабеньких не давить.

Тимка спросил:

— Катя, не знаешь, куда наших пустили?

Катя показала рукой на берег лимана, на озерки, сверкавшие под солнцем до ломоты в глазах жгучими серебряными бликами, на рыжие камышовые рощицы, откуда доносились плескание и кряканье, и сказала:

— Везде наши!

Ребята посыпались вниз, к воде. Тимка бежал впереди всех, кричал во всю силу легких:

— Тра-та-та-та, мы — утята,
Не цыплята, не козлята,
Не орлы, не поросята,
Тра-та-та-та, мы — утята!

И ветер с лимана, пахучий, сильный, летел Тимке навстречу, ерошил волосы, щекотал рот, озорничал по-всякому.

Таганрогский район,
Ростовской области.

бовательным, радостным писком.

А на третий день случилась беда. Тимка вернулся из школы и еще со двора заметил, что бабка стоит на террасе, склонившись над его самодельным утятником, рассматривает что-то. Сердце у Тимки тревожно забилось. Одним духом он взбежал по ступенькам, выкрикнул:

— Бабушка, что с утятами?

Бабка обернулась.

— Поколели трое. Вон гляди.

Три желтых комочка лежали на спинках, судорожно поджав лапки, уставив в потолок остекленевшие бусинки глаз. Тимка бросил на лавку свой портфельчик, отвернулся, стал тереть глаза кулаком.

— Не реви! — сказала бабка.— Это пупки у них были слабые, неукрепленные, я тебе говорила, дурачку. Вот я пойду сейчас в инкубатор, переруву им самим пупы за такие дела!..

— Не поможет,— глотая слезы, отозвался Тимка.— Все равно теперь на выставку уже не пошлют!

— Нету твоей вины тут! — повторила бабка сердито.— Ты за пупки не ответчик. И не о премиях тебе надо думать, воспитатель! Думать тебе надо, как семнадцать остальных уберечь...

То ли потому, что у оставшихся в живых утят пупки оказались крепкими, то ли потому, что бабка, ругая «скаредов из правления», не жалела все же для Тимкиных воспитанников ни вареных яиц, ни крупы, колхозные утята росли не по дням, а по часам. Пух сошел с них, появились серые взлохмаченные слабые перышки. Утята стали нахальными, горластыми и ничем не отличались сейчас от бабкиных «своих», бродивших на свободе по двору.

Приближался день переселения колхозных утят из загончика на берег лимана, на волю, в колхозное стадо. И Тимка снова затосковал. Да и как тут не затосковать, когда Зинка Тихомирова, Катина сестренка, что учится с Тимкой в одном классе, задирает нос, хвастает, что старшая сестра уже сшила ей новое платье из цветастого штапеля для поездки в Москву на выставку. А главное, Зинка-то действительно имеет право задирать нос: у нее все утята выжили и выросли. Все двадцать, как одна копейка!

Накануне дня сдачи утят Тимка ходил мрачный, молчаливый, даже от ужина отказался. Мать спросила:

— Ты что, Тимочка?

— Ничего! — сказал Тимка и судорожно втянул носом воздух. Однако от рева удержался.

Мать вопросительно посмотрела на бабку, возившуюся у печки. Бабка проворчала:

— У них пупки были слабые, Тимка не виноватый, не имеют полного права мальца обижать!

— А налицо все ж таки семнадцать! — сказала мать.

— Да три в уме,— пробурчала бабка.

— Ложись спать, Тима! — сказала мать.

Тимка хотел утром встать пораньше, чтобы еще до школы отнести утят на ферму, но проспал. Когда он открыл глаза, то увидел бабку, сидящую у него в ногах на кровати, одетую, как на праздник: в белом подсиненном платке на седых волосах, в синей с белым крупным горохом кофте навыпуск, в черной новой полушерстяной юбке.

— Вставай, птицевод! — сказала Тимке бабка, загадочно улыбаясь.— Пора утят нести!

Тимка хотел сбросить одеяло и вскочить, но бабка его удержала.

— Ладно, не торопись. Я их уже сама отнесла. Трех своих добавила, так что двадцать штук за тобой записано. Не хотели сперва брать: «Нам известно, что у вашего внука три утенка преставились». «Откуда,— говорю,— вам известно, что они преставились?» «Люди говорили». «А вам говорили люди, что утята преставились не через Тимку, а через свои слабые пупки?» «Нет, не говорили!» «То-то и оно! Чтобы колхозу убытку не было, получите сполна двадцать утят. А какой мой внук был им воспитатель, я на правлении сама докажу. Выписывайте,— говорю,— квитанцию на двадцать голов — и никакая!»

Бабка передохнула и с той же загадочной улыбкой закончила:

— Вот она, квитанция-то! — Она достала из кармана юбки квитанцию, показала Тимке.— Гляди,

ЮГ

Василий ЖУРАВЛЕВ

Рисунки В. Ездакова

Абхазия туманами оделась.
Звезда
как бы заснула на лету.
Цветет магнолия.
И мне б хотелось
тебе послать
все дерево в цвету.

В УЩЕЛЬЕ

Листвою солнечной весны
кипит Цхалтубское ущелье.
Здесь май справляет новоселье,
покрыв коврами валуны.

Теснятся тучек табуны,
потягиваясь от безделья.
Листвою солнечной весны
кипит Цхалтубское ущелье.

Где смолка капает с сосны,
где бук качается с похмелья,
родник, проклюнув подземелье,
звенит, рождая песнь зурны.

Листвою солнечной весны
кипит Цхалтубское ущелье.

ЦВЕТЕТ МАГНОЛИЯ

Цветет магнолия.
И каждый вечер,
подернутые золотом слегка,
крутых утесов обнажая плечи,
клубясь,
с вершин сползают облака.

Опять
открыты настежь все калитки,
опять меня пьянит
приморский шум.
Цветет магнолия.
И я тебе открытки
на листиках магнолии пишу.

ПОЛДЕНЬ

Отличные на Черноморье места!
Солнце калит горячо.
Тень от пальмового листа
легла на мое плечо.

Горный журчит под ногой ручей.
Катится к морю река.
Чуткая тень на моем плече,
будто твоя рука.

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

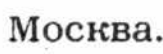
Огни вечерние горят.
Два кипариса смотрят в море.
Под ними волны говорят.
Огни вечерние горят.

И пограничников наряд
проходит в боевом дозоре.
Огни вечерние горят.
Два кипариса смотрят в море.

Когда молодость поминают недобрым словом...
Изошутка И. Массина.

Из почты «Огонька»

Пасека на окне

На окне моей комнаты в Москве стоят три улья. С утра до вечера пчелы летают за медом с цветущих лип. В прошлом году они обеспечили себя кормом на зиму и дали мне свыше 80 килограммов душистого липового меда. «Урожай» в этом году еще неизвестен, но думаю, что он будет не меньше.

Пенсионер А. ЭЛЬКИНД

Москва.

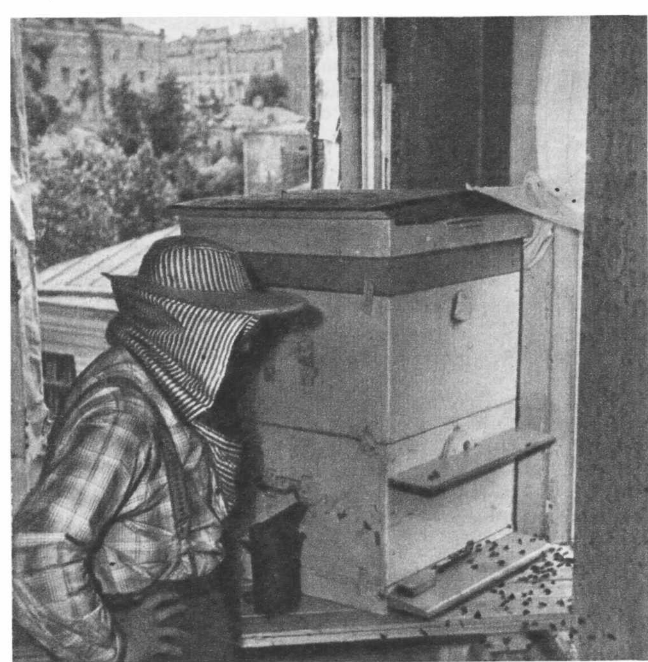

Фото Р. Лихач.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Пермской государственной галереи и четыре страницы цветных фотографий.

РУССКИЙ КВАС

В глубокой древности русский народ создал свой замечательный национальный напиток — квас. О квасе упоминается еще в одном из летописных документов — Ипатьевском списке. Квас употреблялся не только как полезный освежающий напиток, но и как добротная основа для приготовления различных вкусных блюд. Неистощимой была изобретательность русских домашних квасоваров. Они делали напитки, изумлявшие иностранцев (в Западной Европе долгое время кваса не знали).

В начале девятнадцатого столетия существовали сотни способов изготовления квасов. В обиходе тогда были не только хлебные (домашний, ржаной, мятный, солодовый, боярский, красный, сухарный, белый, столовый и другие), но и разнообразные фруктово-ягодные квасы: смородинный, клубничный, вишневый, клюквенный, сливовый, абрикосовый, грушевый, яблочный, виноградный, ежевичный, крыжовный, брусничный, морошковый. Вот перечисление любительских квасов: картофельный, померанцевый, ананасный, имбирный, имбирно-дынный, финиковый, апельсиновый, персиковый, лимонный. Были даже такие: школьный и детский! Многие прославленные напитки носили свои географические названия: староновгородский, киевский, стародубский темный, костромской красный кисло-сладкий, ставропольский, беловежский белый.

Большим спросом в те времена пользовались особые квасы под названием «кислые щи». В свою очередь, они различались как петровские, медовые, шипучие, мятные, московские, сухарные, кислые с солью, старинные и другие. Уважением и почетом пользовались умельцы делать «кислые щи», отсюда и пошло похвальное выражение «мастер кислых щей».

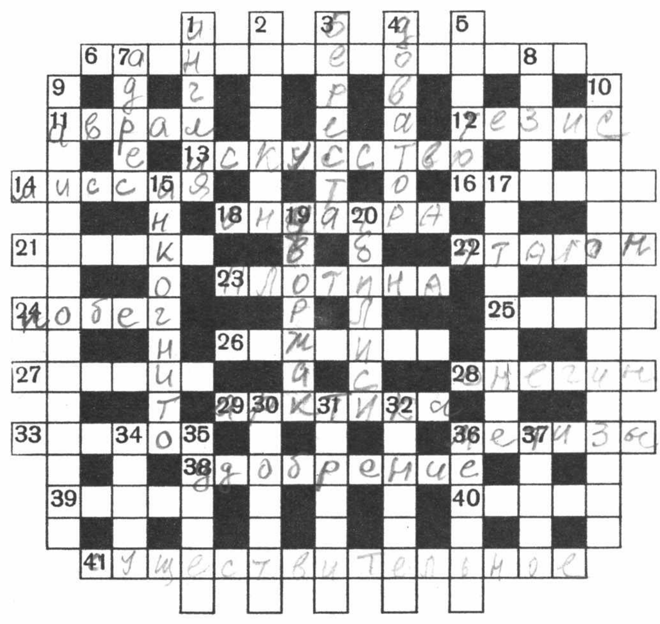
Действительно, на Руси, как писал Пушкин про семью Лариных, «квас как воздух был потребен...».

В конце прошлого века в результате усиленной пропаганды царским правительством водки возрос алкоголизм в стране и резко упало потребление кваса. Патриот своей страны, Д. И. Менделеев, отвечая на выпады противников «квасного производства», писал: «Квасными своими вкусами русские жители когда-нибудь перестанут брезговать и позаботятся достичь до таких способов производства кваса, которые обеспечивали бы не только разнообразие вкуса, но и питательность, сохраняемость и гигиеническое значение, которые присущи квасу».

Жаль, что сейчас почти совсем забыт этот прекрасный напиток. В Москве выпускается всего один сорт, так называемый хлебный квас. Окрошечного кваса нет и в помине, а теплый газированный напиток в бутылках лишь отдаленно напоминает квас. Руководители пищевых предприятий должны вспомнить рецепты приготовления этого замечательного напитка.

П. ЧУМАК

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Отрасль сельского хозяйства. 11. Работа на судне всей командой. 12. Краткое выражение руководящей идеи. 13. Воспроизведение действительности в художественных образах. 14. Дипломатическое представительство. 16. Помещение, открытое с одной или нескольких сторон. 18. Пушной зверек, акклиматизированный в СССР. 21. Название танца. 22. Образец меры. 23. Гидротехническое сооружение. 24. Росток, молодая ветка. 25. Грызун, обитающий в Азии. 26. Узкий неглубокий овраг. 27. Советский поэт. 28. Герой романа А. С. Пушкина. 29. Полярная область земного шара. 33. Гриб. 36. Изделия из металлов. 38. Вещество, повышающее урожайность. 39. Рассказ И. Бунина. 40. Река в Грузии. 41. Часть речи.

По вертикали:

1. Государство в Европе. 2. Органическое соединение растительного происхождения. 3. Наружный слой березовой коры. 4. Командир казачьего корпуса в Великой Отечественной войне. 5. Заменитель жиров при мыловарении. 7. Письменное приветствие. 8. Ранний рассказ М. Горького. 9. Опорная деталь для вращающихся валов или осей. 10. Обоюдное согласие. 15. Пребывание под вымышленным именем. 17. Точка пересечения трех высот треугольника. 19. Чешский композитор. 20. Город на юге страны. 30. Прибор для измерения протекающего газа. 31. Отрасль медицины. 32. Литовский струнный инструмент. 34. Американский страус. 35. Тип парусного судна. 36. Французский архитектор XVIII—XIX веков. 37. Серебристо-белый металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

7. Фарватер. 8. Таганрог. 10. «Псковитянка». 12. Пудра. 13. «Арион». 14. Аймак. 15. Экстерн. 17. Аванзал. 19. Шпонка. 20. Пестик. 24. Базаров. 26. Пародия. 27. Аккра. 28. Барма. 30. Октод. 31. Аспирантура. 32. Северяне. 33. Ирландия.

По вертикали:

1. Частушка. 2. Такса. 3. Чемодан. 4. Зарядка. 5. Байка. 6. Котлован. 9. Кишмиш. 10. Протоплазма. 11. Аранжировка. 16. Рондо. 18. Висла. 21. Кавальер. 22. Гектар. 23. «Синопсис». 25. Вариант. 26. Пантера. 29. Астра. 30. Орлан.

Черепаха и гора

Басня

Даулен АЙТМУРАТОВ

Добравшись до вершины горной вечерком,
Устало Черепаха двигалась ползком.
И по дороге повстречала
Знакомого Шакала.

— Куда,—спросил он,—держишь путь?
— Не спрашивай! — она ответила, вздыхая. —
Внизу, дружище, духота такая,
Ни ветерка — ну, прямо не дыхнуть!

И вот с утра до одури томлюсь...
Решила я: дай в горы заберусь.

— Неужто,— ей сказал Шакал,—
Не знаешь, что в горах живешь ты с колыбели?..
И, усмехнувшись, дальше зашагал.
А черепаха изумилась: — Неужели?

Перевел с каракалпакского
В. ГРАНОВ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03544. Подписано к печати 6/VIII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 893. Заказ № 1756.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На Всесоюзной промышленной выставке. Фото. В. Яковлева.

Цена номера 3 руб.

